

№ 4

- **СТИХИ**
- **ПРОЗА**
- **ПУБЛИЦИСТИКА**

Творческое содружество
поэтов, писателей,
художников и музыкантов

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО «ИГЛА»

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

Редактор выпуска:

Карина Исакаева

Технические редакторы:

Карина Исакаева

Вера Арболь

Яков Наерман

Иллюстратор:

Дора Горина

Художники выпуска:

Ольга Прасол

Елена Сосна

Дизайнер выпуска:

Яна Кирикова

Координатор проекта:

Влад Галант

Особая благодарность **Вере Арболь** за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте

Представляем редактора четвертого выпуска альманаха «Игла»:

Карина Исакаева

Писатель, редактор, биолог, преподаватель, маркетолог

Сменила несколько стран и профессий. Жила в Латвии, Грузии, Литве и в Украине. Писательницей мечтала стать с детства. Война лишила дома, но научила не откладывать хорошие дела на потом.

Вступительное слово редактора выпуска:

Дорогой читатель!

Перед вами четвертый выпуск альманаха «Игла».

Четыре номера и целую вечность назад будущие авторы этого альманаха встретились на курсах поэзии и прозы Дмитрия Быкова. Шла война. Впервые за много лет в самом центре Европы. Люди самых разных профессий, возрастов из самых разных концов света взялись за перо, чтобы сказать нечто важное, доброе, человеческое, понять, что случилось с миром, как могло произойти всё, что происходит. Привычный, надежный мир внезапно разлетелся на тысячи осколков. И мы взялись за «Иглу» чтобы бережно сшить эти осколки. Так родился первый номер альманаха

Наша идея многим пришлась по душе и к авторскому коллективу присоединились новые писатели и поэты, и начинающие и уже именитые, профессиональные. «Игла» продолжила беспощадно колоть несправедливость, бережно сшивать разбитые сердца и разрозненные судьбы, нежно вышивать трогательные сюжеты жизни. А жизнь во все, даже в самые мрачные времена – прекрасна.

Мы счастливы, что авторов, которые дебютировали в нашем альманахе, заметили и пригласили к публикации солидные профессиональные издания.

Мы гордимся их успехом и тем, что их большое творческое плавание началось с нашей маленькой «Иглы». Мы гордимся нашей авторской командой. Некоторые из нас живут и работают в Украине, учат, лечат, спасают людей, всеми силами приближают победу и пишут во время воздушных тревог и блекаутов стихи, рассказы, картины. Некоторые из нас живут в самом центре зла и мужественно борются с несправедливостью, рискуя свободой и жизнью. Некоторые из нас разбросаны по всему миру и помогают тем, кто пострадал от войны словом и делом. Всех нас объединила любовь. Любовь к миру, справедливости и творчеству.

Об этом и пишем.

Содержание:

ПОЭЗИЯ

Ю. Петрова	6-8
Георгий Гришко	9-11
Тиффани Эйк	12-13
Татьяна Демьяненко	14-18
Георгий Ефремов	19-21
Тикки А. Шельен	22-24
Виктор Тумаркин	25
Вера Арболь	26
Хроническая Хтонь	27
Валерия Садковская	28-31
Лилиана Янхофер	32
Ольга Прасол	33
Яков Наерман	34
Даша К.	35
Ирит	36
Елена Сосна	37-38
Семен Патлис	39-40
Наталья Е-К	41
Арнольд Коптев	42-43
Анна Суттерлин	44

ПРОЗА

Яков Наерман	52-55
Вера Арболь	56-61
Карина Исакаева	62-65
Тиффани Эйк	66-69
Анна Суттерлин	70-73
Мирослава Китеж	74
Ольга Прасол	75-77
Марина Карандина	78
Ирит	79-81
Лилиана Янхофер	82-83
Татьяна Демьяненко	84
Елена Сосна	85-88
Наталья Е-К	89-101

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Данила Левицкий	102-106
Юрий Храмов	107-118
Даниил Таль	119-125
Яков Наерман	126-139

ПАМЯТИ НАВАЛЬНОГО

Стихи:	46
Феликс Волков	
Георгий Ефремов	
Валерия Садковская	
Георгий Гришко	
Мирослава Китеж	
Проза:	47-50
Мирослава Китеж	

ПОЭЗИЯ

«Соберу на ниточку слова...»

Соберу на ниточку слова,
 список напишу для магазина,
 брюжские седые кружева
 разгляжу на узеньких витринах.
 Вот крестить младенца понесут,
 выберут тончайшее из платьев.
 Церковь, что Базиликой зовут,
 прячет крови крошечный сосуд,
 тайну не желает показать мне.

Полдень бьет на городских часах,
 птицы с высоты глядят на город,
 предпасхальных шоколадных птах,
 зайцев и яиц в продаже ворох,
 площади базарной полотно,
 в церкви Микеланджело Мадонна,
 рядом с ней дышать разрешено
 в храмовое тонкое окно,
 полное мозаик незнакомых.

Соберу на ниточку слова:
 молоко, говядина, салфетки,
 брюжские резные кружева
 на стекле томятся, будто в клетке.
 Вышивка нежнейшая на льне,
 белые перчатки и платочки,
 век другой на дорогом сукне,
 век кровавый, а быть может, нет,
 но об этом ни стежка, ни строчки.

Ю. Петрова

БЕЛЬГИЯ

Прошу, ещё мне лето разреши,
 другой забавы нет у нас в глуши,
 а ты штормов развесил расписание.
 Шкала Бофорта восемь или семь.
 И солнце есть и нет его совсем,
 и ливень нам стеною в наказанье.

Прошу тебя, купи большой арбуз,
 тот марокканский, бархатный на вкус,
 с ним, знаю точно, перманентно лето,
 кускус в таджине, терпкий мятный чай,
 и жизнь из тьмы вернётся невзначай
 всего на день, но на твою планету.

Как повзрослели тени за стеной,
 в саду калитка на петле одной
 скрипит себе, но скрип не раздражает.
 Останься к ужину. Останься, не спеши,
 пусть лета нет, но нам его прожить
 шкала Бофорта больше не мешает.

Ю. Петрова

Пожить ещё в приморском закутке,
автобус жёлтый едет налегке,
мальчишку подбирает с остановки.
Из деревушки к Павлу и Петру
поеду с ними, чтобы на ветру
купить креветок в рыбном околотке.

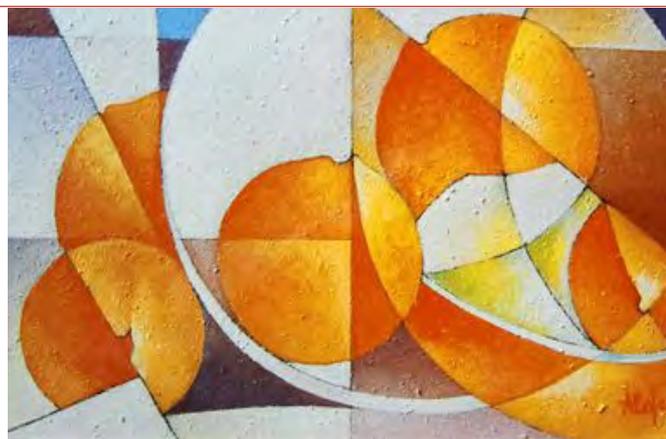
Спрошу: «Как жизнь? Удачен ли улов?
Мне б камбалы блестящей семь голов.
И хороша ль голландская селёдка?».
Услышу: «Нынче холодно, мадам,
я камбалу со скидкой отдам,
креветок серых принесу из лодки».

Базар поёт на местном языке,
я с рыбой и креветками в руке
к автобусу в обратную дорогу.
И мир ещё не сшит из февралей,
и я спешу домой кормить детей,
и это просто рыбный день, ей богу.

Когда зима идёт ко дну,
и тянет за собой весну,
и тянет сыростью в подвале,
девятый день под утро дождь,
с пуховика слезу стряхнешь,
к сухому берегу причалишь.

В глазах болезненная муть,
мать не пытается уснуть,
поправить пряжи под косынкой,
тахикардия чёрных дней,
и мир мой держится на ней,
а ей всего увидеть сына.

Где дождь стучит по мостовой,
товарный поезд небольшой,
такси у бывшей остановки.
По кольцевой до февралей,
там тени к вечеру длинней,
а день ещё такой короткий.

На площади базарной четверги
из нектаринов и черешен спелых,
к прилавку подхожу ореховой нуги,
хочу купить и кремовой, и белой.

За сырной лавкой рыбные ряды,
хозяйка чистит мелкого сибаса,
июнь послал мне неба и воды,
и паузу, чтоб тихо прикоснуться

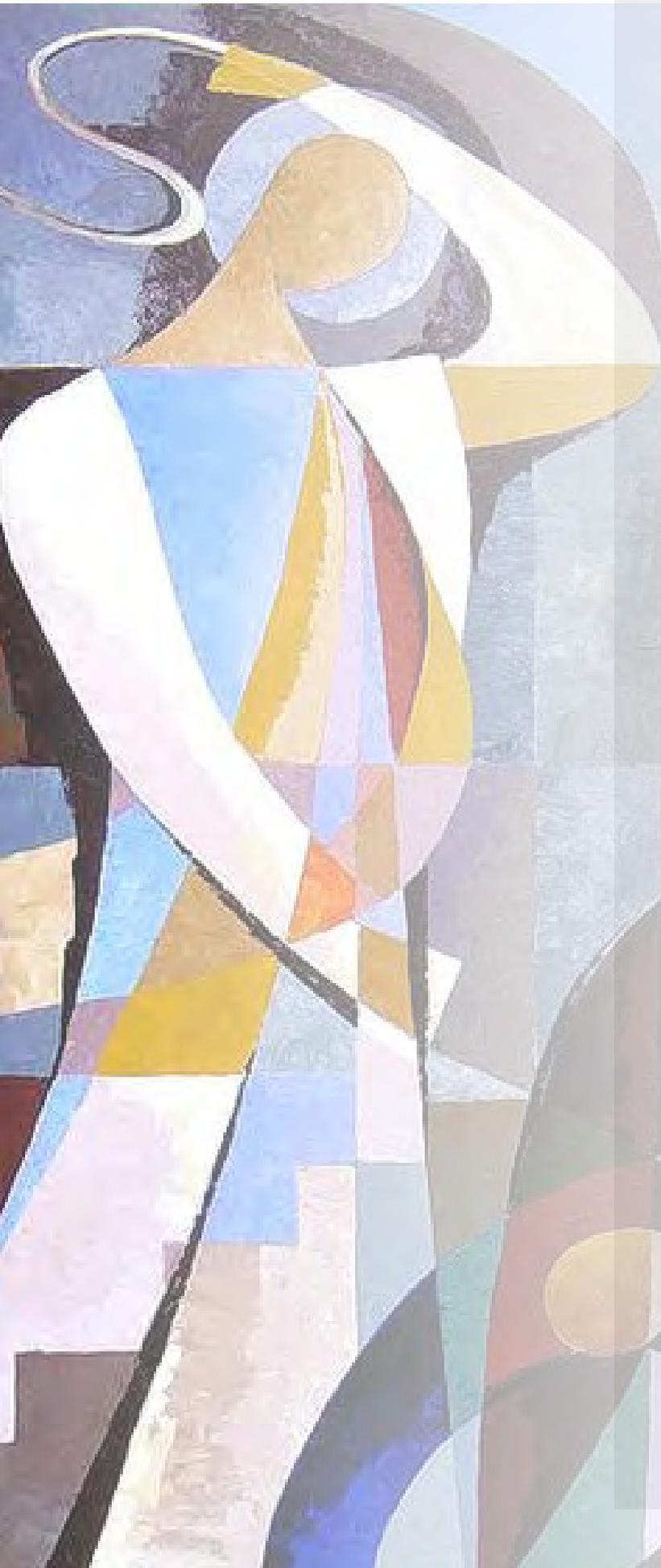
к затылку дочери, покуда дремлет та
в наушниках и джинсах после школы
Вот я кормлю приبلудного кота,
достала пачку писем с антресоли.

В предгорье третий был микрорайон:
в июнь в жару мы с дедом шли на рынок,
кассетный что-то пел магнитофон
и сказки говорили с грампластинок.

Кипел арык с прозрачною водой,
с подружками в него пускаем мячик
«Мяч не утонет, Таня, бог с тобой» -
держу в уме и почему-то плачу.

Ю. Петрова

Добыть бы сердцу милой ерунды:
вина шипучего, лавандовой воды,
тепла весеннего, что пальцы согревает,
луч солнца в парк холодный проникает,
подсвечивает тёмные пруды.

Скрипит задвижкой старое кафе,
проходит ветошью по каменном полу,
и мини-гольф на скошенной траве
из серых досок столики в листве,
где дети на обед идут из школы.

И паутины бесконечной нить
вращается с цветною каруселью,
и нужно с кем-нибудь поговорить
о молоке миндальном, может быть,
гавайском роме, тёплой карамели.

И промолчать, что парк еще пустой,
и холодно стоять под этим кленом,
что дорог мне наш разговор простой,
что утки прилетели на постой,
они как дома в месте незнакомом.

В небе грозовые облака,
в небе голубые самолёты,
дождь ещё пройдёт наверняка,
как туман с субботы до субботы.

И карман наполнится пустой,
и дела наладятся отныне
спи, мой мальчик, спи, мой дорогой,
это ветер из сухой пустыни

оставляет в локонах песок,
тихо колыбельную заводит,
будет белка, будет и свисток,
где на лето время переводят.

В новолуние быстрая волна,
скользящая до берега дорога,
солнечная ива у окна,
ведь без ивы всё не слава богу

*Посвящается Жене Беркович,
Александру Бывшеву, Артёму Камардину,
Егору Штовбу и прочим поэтам,
репрессированным режимом Путина*

Вергилий

Не кругла земля, а многоугольна.
Застонал Вергилий, затрясся, «больно!».
И стихи легли ровной стопкой в папку,
Ведь вместо точки он ставил крапку.

Истязатель был нестерпимо мерзким
От него сквозило не офицерским,
А, скорей, быдлячески-солдафонским.
Стих назвал он блядством англосаксонским

И, ударив снова, отправил в карцер
А затем этапом к добыче кварца.
И Вергилий мёрз и страдал за веру
В обновлённый мир и в другую эру.

Только сгонит кто-то орла-тотема
И тот час же треснет по швам система,
А пока преемник ещё содóбит,
Царь Кощей, сколовшись, иглу надломит.

Порошок в столе, как докажет знахарь, –
Боливийский кокс и рязанский сахар.
И руины башен и стен бастилий
Воспоёт как символ свобод Вергилий.

Он колодки скинет, расправит спину,
Наконец подарит игрушку сыну.
Сын поймёт, конечно, что мякиш это,
Ведь ему не семь, а семнадцать летом

И, от слёз сжимая всё крепче веки,
Он теперь запомнит уже навеки,
Как исполнил с шумом свод мечт отцовских
Сладкий звон падения звёзд кремлёвских.

Георгий Гришко

РОССИЯ - АВСТРИЯ

Кровь и битум

У тирана на руках кровь и битум.
Гоблин в форме, бьёт детей – чешет битую.
Обличает в темноте строгость линий
Убегающий маяк тёмно-синий.

Восемь лет пройдут, как сезонный грипп,
И оставят тик и тяжёлый трип.
НПЗ горит, я молчу навзрыд,
Погребён кумир и секрет раскрыт.
А тиран фиаско назвал ничьей,
Но асфальт кровавой пропах мочой.
Размочил газеты небесный плач.
Не вернулся сын, застрелился врач.
Разразился марш, военком хамит.
Помочился с неба Перун на МИД
И пошёл листать прошлогодний Vogue.
На столе iPhone, в голове – «совок».
Долистал и сжёг, как привык давно.
Все хотят пожить, но не всем дано.

Жертва, кажется, была в юбке-мини.
Всяк пропустит маячок тёмно-синий.
Рассчитавшись, дьявол вновь запил с квитом.
У тирана на руках кровь и битум.

**Георгий
Гришко**

Лыбедь

Раз тело во мраке сложнее найти,
Без света ей было ещё не до слёз.
Босая, без чильца, нагая почти
Бежала на гаснувший шорох колёс.

А утром был ливень со снегом и свет
С трудом пробивался сквозь струны дождя.
Построчно отскрипывал Новый Завет
По каске намокшей, как кончик гвоздя,

Её указательный палец, и льдом
Сгущалась беззубая влага на нём.
Вы видите этот разрушенный дом?
Отстроив его, мы жильцов не вернём.

Как грохот умолк, так и ветер затих,
Но слёзы на грубый текут казинет –
Так Лыбедь, рыдая о детях своих,
Не хочет утешиться, ибо их нет

Дураки

На свете шесть больших материков,
И сотни стран – все разные такие,
Но ни в одной не любят дураков
Так искренне, как любят их в России.
Четыре президента-дурака,
Иван-дурак – герой былин и сказов,
О дураках всегда несвысока
Писали Чехов, Тютчев и Некрасов.
Дурак удобен и в добре, и в зле.
Он подтвердит царю, что Крым – российский.
А главное – расходы на нуле;
Что нужно дураку помимо миски?

СОЛДАТЫ

Два расплавленных сыра склеятся
Ровно так же, как эти даты.
Мне хотелось ещё надеяться,
Что за мной не придут солдаты.

Ведь придут, а они ровесники,
Только в каждом втором по пуле.
Впрочем, новой войны предвестники –
Вряд-ли повод глотать пилюли.

Жаль, запястья друзей порезами
Мне напомнят, что будет жутко.
И мы будем казаться трезвыми
И считать, что свобода – шутка.

Будем видеть спасенье в пропасти,
А не в свежесожжённом лете.
Только лучшим не хватит робости,
Только лучших увидят дети.

Не по-дружески горем мериться.
Будут дальше сливаться даты.
С каждым годом всё меньше верится,
Что за мной не придут солдаты.

* * *

Опорожню рубильник в шёлк
Трёхцветного панира,
И вспомню, как мой город шёл к
Захвату полумира,

И был растоптан, словно червь,
Унижен, обезглавлен.
Горел завод, дымилась верфь
И не был бунт подавлен.

Я мог остаться в стороне
От суматохи ратной,
Но оказался на войне
Со стороны обратной.

И вот теперь сморкаюсь в шёлк,
Оправившись от града.
Я верю в принцип, но не в долг,
А принцип не преграда.

Не поднесут мне ни коржей,
Ни соли к караваю,
Ведь город этот я уже
Своим не называю.

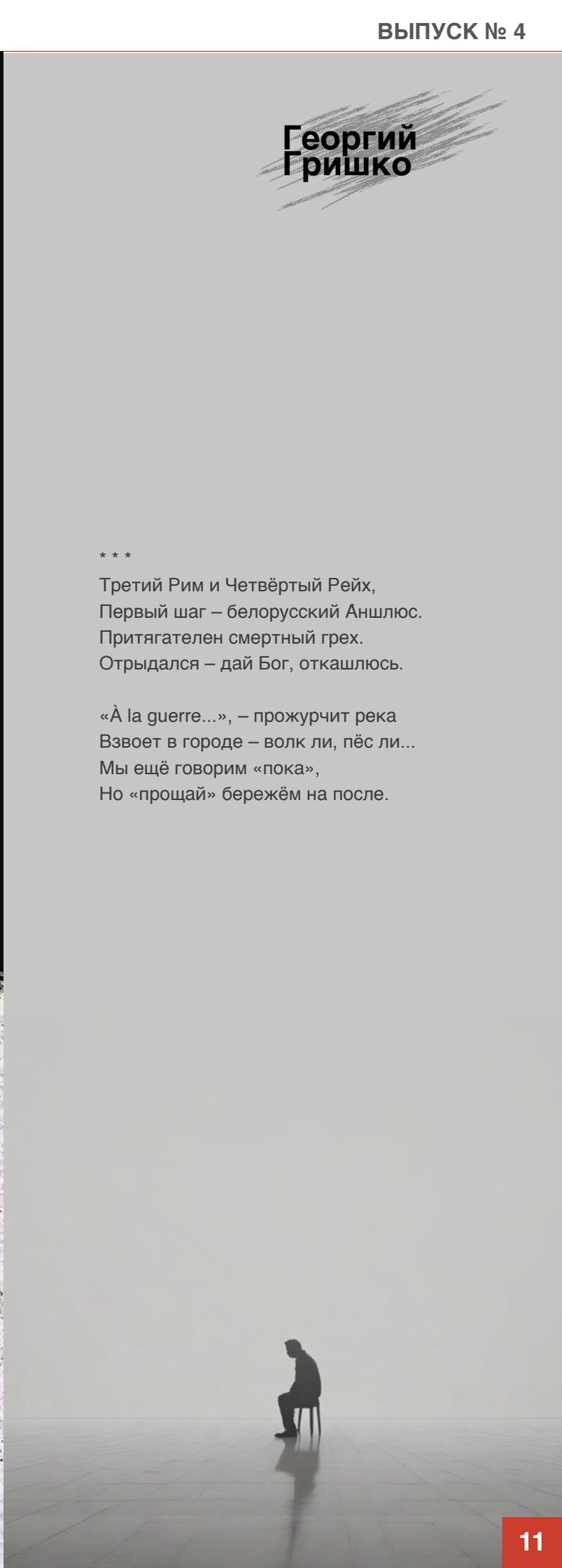
И завершаются бои,
Свободно зреет небо.
Боюсь признать, что он своим,
Наверно мне и не был.

Георгий
Гришко

* * *

Третий Рим и Четвёртый Рейх,
Первый шаг – белорусский Аншлюс.
Притягателен смертный грех.
Отрыдался – дай Бог, откашлюсь.

«À la guerre...», – прожурчит река
Взвоят в городе – волк ли, пёс ли...
Мы ещё говорим «пока»,
Но «прощай» бережём на после.

КАТАРЫ

БЕЗЬЕ

Господи, которого нет,
 Дай опору хотя бы на зыбкий свет,
 Раз иные тверди распались в прах
 И надежды нет ни в каких мирах,

И среди неправедных дел земных
 Отличи меня, Боже, допрежь резни,
 Я всего лишь пепел, песчинка, сбой.
 Сбой в системе, я — образ Твой.

МОНСЕГЮР

Льётся с небес жара,
 Сметает с доски фигуры.
 Но только на этот раз
 Им не взять Монсегюра.

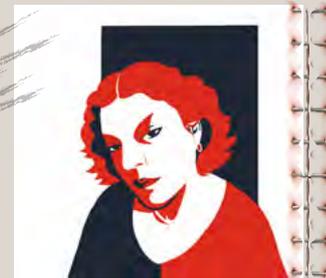
Давит на горло страх
 Своей аббревиатурой,
 Но только на этот раз
 Им не взять Монсегюра.

Все правила проиграв,
 Цензура стрижёт купюры.
 Но только на этот раз
 Им не взять Монсегюра.

Чему б ни пришла пора -
 Снова наступит утро,
 Но только на этот раз
 Им не взять Монсегюра.

Тиффани
Эйк

ФРАНЦИЯ

ЛАВОР

*(На манер Ив Монтана**Исполняется с нарастающим энтузиазмом)*

À Moscou!

Разгоняют тоску

Тем же методом, что демонстрантов.

Много праведных слов, потрясенье основ
 И стремительных вод навсегда утечет
 Из гнилого истока.

Дни летят!

И все катится в ад,

Не имея других вариантов.

А вокруг суета, беготня, нищета
 Только духа пока, но победа близка
 Над любым здравым смыслом,

Разведенье мостов, разведенье лохов,
 Продвижение полков, раздувание мехов —
 Красота да и только!

Этажи!

И за что не держись,

Лишь пронесишься вниз

С жизнерадостным свистом.

.....
 Справа-слева — стена, и уперлась спина,
 Если руки не врут, только стены вокруг,
 И податься куда мне?

В поле — пропасть во ржи, а над нею — стрижи,
 А кому расскажи... Такова эта жизнь.
 С дна колодца пока видно небо слегка.
 Но мешаются камни.

Меня замесили из звездной пыли,
 Разминали, катали, крутили, лепили,
 Лупили об стол, придавая форму,
 Комкали в сердцах, подносили к горну

И снова сминали, застыть не давая,
 Развивая прочность в моем составе,
 Добиваясь прочности как в кристалле,
 Руки, в которых вся глина — живая.

ЭВТЕРПА

Ни добра не помня, ни слез, ни любви, ни зла,
Я была покойна. Зачем ты за мной пришла?

Хлеба не преломлю и пренебрегу вином,
Мне ни к чему, ведь я умерла давно.

Имени не поминай, не говори «сестра»,
Я забыла его, я уже слишком стара

И слишком многим была до тебя сестрой,
Чтобы все бросить и изменить настрой.

Хотя мы могли бы обе держаться корней,
Умножать череду проносащихся мимо дней.

Жаль только, смена слагаемых в этих местах
Ничего не дает, разве что боль в костях -

Каждый день одинаковый здесь, в аду.
Я отсюда с тобой никуда не пойду.

Здесь любое слово теряет суть,
Так и я – разбитый пустой сосуд,

С виду цел, а внутри – сквозная дыра,
Из нее вытекают воды Днепра.

Как течение этих вод из-винять?
Я останусь здесь. Иди без меня.

Рисунок
Вадим Меллер
Украина (1919 г.)

Тиффани Эйк

Ветрен и слаб человек,
И непрочен весьма,
Через февральский снег
Соплями течет. Весна.

Хоть высока цель
И утвержден путь,
Он избежит пут,
Он утечет в щель,

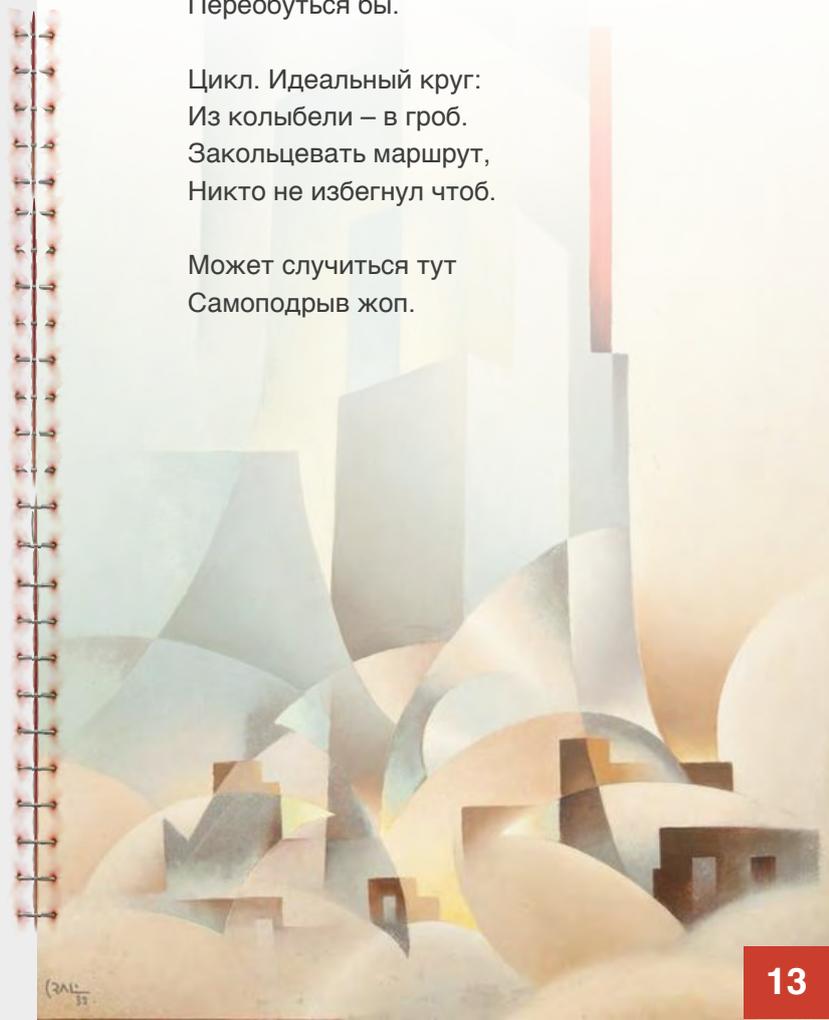
Он угребёт вplash
С этого корабля.
С мостика крикнут: «Вдарь!»
С острова скажут: «Бля».

С острова кажут фак.
Солнце слепит глаз.
По ветру реет флаг,
Белый на этот раз.

Белый как простыня –
Нет ни следа борьбы,
Тапки в прыжке роняя,
Переобуться бы.

Цикл. Идеальный круг:
Из колыбели – в гроб.
Закольцевать маршрут,
Никто не избегнул чтоб.

Может случиться тут
Самоподрыв жоп.

Унесённые ветром

Это мы! Унесённые ветром!
 Разлетелись, как птицы зимой,
 По чужим городам, странам, весям,
 Где теперь мы невольно живём!
 Мы такие унылые гости,
 Что не видел таких белый свет,
 Кто-то плакал уже на погосте,
 У других и надежды-то нет.
 Что вернётся домой в Украину,
 Что восстанет родительский дом,
 Расцелует пропавшего сына,
 И увидит рассвет над селом.
 Мы стоим, улыбаясь, на фото,
 И со взором, буравящим даль,
 Присмотритесь! В глазах наших что-то,
 Это что-то - тоска и печаль.
 Нас не радует пышность природы,
 И красоты чужой стороны,
 Мы мечтаем, чтоб орки-уроды,
 Отвязались от нашей страны!
 Не бомбят, да и пули не свищут,
 Так и кажется, будто живём,
 Только в сердце у нас пепелище,
 О стране и о доме родном!
 Каждый день возвращаясь исходно,
 В точку черной февральской зимы,
 Это мы!!! Унесённые ветром!
 Унесённые ветром войны...

Татьяна Демьяненко

УКРАИНА

Чужие окна

В чужой стране совсем чужие окна,
 Тут занавески разные висят,
 Стоят в горшках цветы,
 Помыты стекла,
 За ними люди что-то говорят.
 Наверное, готовятся к обеду,
 Или с детьми играют в тесноте,
 А может быть, несут пирог соседу,
 Ведь он один, забытый в суете.
 Кругом дела, кругом одни заботы,
 За окнами кипит чужая жизнь,
 Вот парочка пришла уже с работы,
 И новые окошки вдруг зажглись.
 Горят, горят, как острова спасенья,
 В чужие окна с завистью смотрю,
 Да как же ты прекрасно, воскресенье!
 Где все имеют радость и семью.
 Чужая жизнь, чужое счастье -
 Чьи-то окна,
 А меня болит мое, одно,
 Где нет меня и выбитые стекла,
 И как магнитом тянет все равно!
 И словно лёд надежда будет таять,
 И не увидеть видно суждено,
 И не даёт забыть, о злая память!
 Единственное, нужное окно...

Фото
 Евгения
 Сосновского

С РАЗБИТЫМИ СЕРДЦАМИ

А мы идём по миру
С разбитыми сердцами,
И в чемоданах нет
Ни денег, ни одежд,
И связей крепче нет,
Чем тех, что между нами,
Мы связаны войной,
И нитками надежд.
Надежда на победу,
Та віра в перемогу,
Вот все, что в жизни держит,
И не даёт упасть,
Не устаёт душа
От обращений к Богу:
«Врятуй рідненьку землю,
Від війн, та від нещасть!»
Проклятый руZZкий мир,
Как бес в аду лукавый,
Придумывает все,
Чтоб сделать больно вновь,
Как бешеный вампир,
Чудовищно кровавый,
Кусает и сосет, сосет родную кровь!
А мы идём по миру,
В душе одни руины,
И мирные мгновенья
У нас наперечет,
И горько- горько плачет
Над нами Украина,
А по щекам вода
Каховская течет....

Татьяна Демьяненко

Плачет небо над Украиной,
И никто не может помочь,
Перекрестит мама сына,
И проводит папу дочь.
А «друзья» разведут руками:
« Что поделаешь, мол, война ..».
Мы с бедою остались сами,
И понятна уже цена .
Вместе с кровью лежит пшеница,
На оборванных проводах,
И несут похоронки птицы,
В наши села и города.
И пока, как стеной ребята,
Защищают свою страну,
За границей идут дебаты,
Осуждающие войну.
...Встретит мама груз 200, с сыном,
И над флагом рыдает дочь,
Плачет небо над Украиной,
И никто! не может помочь..

Одинокая

Подбито крыло,
И истерзано сердце,
И с темпа сорвалось,
Как курс корабля,
Ведь не с кем теперь
журавлихе согреться,
Осталась одна она,
без журавля.
И ей бы взлететь,
и со стаею слиться,
Лететь и лететь,
далеко на юга,
Да только не может
с любимым проститься,
И сложены крылья,
и стынет нога.
Пускай улетают подростки дети,
А в стае летят,
и родня и друзья,
Осталась одна зимовать журавлиха,
Она одинокая.
Так же, как я.

Татьяна Демьяненко

Когда разбиты бомбами дома,
И справедливым гневом наши души,
Забудь проклятий страшные слова,
И утром выходи весну послушать!
Внимай весенним птичьим голосам,
Они поют наперекор ракетам,
Вдыхай весну!
И верь своим глазам,
Что после ночи снова быть рассвету!
Когда вся жизнь разрушена у нас,
И кажется, что все обыкновенно,
Услышь весну в такой тяжёлый час,
Она теперь для нас вдвойне бесценна!

Играй, мой харьковский скрипач!

Играй, мой харьковский скрипач!
Пускай струна не оборвется,
И твоей скрипки тихий плач,
Пусть в каждом сердце отзовётся!
Ты знаешь, что сейчас играть,
Про нашу боль и нашу силу,
Про то, что не проснулась мать,
И про дитя, что не родилось!
О тех, кто сгинул просто так,
Кто в страшном месте оказался,
Лишь потому, что хочет враг,
Сломить народ, что не сломался!
Взирай с бескрайней высоты,
На город наш золотоцветный,
Я верю, что сыграешь ты,
Вместо печали марш победный!
.....
Играй, скрипач, свой зов к победе!
Среди пожарищ, весь в дыму,
Хоть сам и скрипочка из меди,
И музыка слышна лишь сердцу моему...

Фото
Евгения
Сосновского

жителям посвящаю.

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

Двадцать третье ...
Я день провожаю,
В небо блюдцем
Всплывает луна,
И не знаю, ещё я не знаю,
Что стоит у порога война.

Несколько часов осталось счастья,
Оторвется календарный лист,
Впереди разруха и ненастья,
А пока мой город
Снежно-чист.

Спит мой Харьков,
Тихо, мирно дышит,
За окном ночная тишина,
И никто-никто ещё не слышит,
Что готова выстрелить война.

Там за черным горизонтом где-то,
В этот темный предрассветный час,
Минометы, бомбы и ракеты,
Ждут приказ, чтоб уничтожить нас.

.....
За окном февраль тихонько тает,
Впереди кровавая весна,
И никто-никто ещё не знает,
В каждый дом уже вошла война!

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА....

Где ты, голубь мира?
 Что же не летишь!?
 Взорвана квартира,
 И погиб малыш ...
 Может, был бы физик,
 Или инженер,
 Может, был бы лирик,
 Только что ж теперь!
 Маленький ребенок,
 В чем его вина?
 Что уже с пелёнок,
 В жизнь вошла война!
 И теперь, как данность,
 Есть на белом свете,
 Как же страшно, люди!
 То, что гибнут дети!

....
 Где ж ты, голубь мира?
 Что же не летишь?
 Слышишь! Горько плачет,
 Маленький малыш...

 Всегда вставайте с «той» ноги!
 Пусть солнце вас разбудит,
 Пусть сгинут войны и враги,
 А утро добрым будет!
 Ловите щебетанье птиц,
 И утренние звуки,
 Вдыхайте запах медуниц,
 Ведь завтра так не будет!
 А если дождик за окном,
 Вы улыбайтесь мудро,
 И думайте лишь об одном:
 «Ура! Ведь снова утро!»
 И нам погода нипочём,
 Пусть дождик льет и льет,
 Ну, в общем, ноги ни при чем,
 Когда душа поет!!!

Татьяна Демьяненко

Все устаканится, все перемелется,
 Крутится-вертится времени мельница,
 Страхи улягутся, боль успокоится,
 Мирное небо над нами раскроется.
 Мы перестанем бессоницей мучиться,
 И улыбаться по новой научимся,
 Наши седины красиво закрасятся,
 Наши морщины на лицах разгладятся.
 Будут счастливыми дети и внуки,
 И никогда не узнают разлуки,
 Новые стекла в окна поставятся,
 Плечи и спины с победой расправятся.
 Наши подсолнухи снова раскроются,
 И города непременно отстроятся,
 Все, что хотим - обязательно сбудется !

ТОЛЬКО ВОЙНА НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ....

Битва идёт!

Битва идёт!
 И встаёт баррикадами
 Город стальной стеной,
 Нет, не на жизнь,
 А насмерть бьется с гадами
 Харьков, мой город- герой!

Не запугать нас большими обстрелами,
 Люди, как звенья цепи,
 Накрепко связаны крепкими узами,
 Ни разорвать, ни пройти!

Что вам не ясно, проклятые русские!?
 Вами проигран решающий бой,
 Все потому, что на харьковской улице,
 Дети танцуют свой вальс выпускной!!!

Рисунок Ольги Прасол

А ведь весну никто не отменял,
 Ее приход и пышное цветение,
 Хоть враг любимый город расстрелял,
 И заглушил бомбежкой птичье пенье!
 Весна пришла! И вновь цветут сады,
 Никто не заберёт у нас надежду!
 Минуют дни и горечь от беды,
 И будет Харьков мой прекраснее, чем прежде!
 Нет, нет! Не отменял никто весну!
 Нам дарит снова свет Отец небесный,
 Молю его остановить войну,
 Чтоб снова смог Иисус Христос воскреснуть!!!

С добрым утром

Для неба- краску голубую,
 И белую, для облаков,
 Рисую утро, я рисую!
 Чтоб отворить души засов!
 Картинку надобно такую,
 Чтобы печали превозмочь,
 Ведь если я не нарисую,
 Никто не сможет мне помочь!
 Чтоб не прошел мой день впустую,
 Гоню плохие мысли прочь,
 Рисую утро, я рисую!
 Закрашивая злую ночь,

Понять бы истину простую,
 Чтоб выбраться из бед- оков,
 Берём для неба- голубую,
 И белую - для облаков!

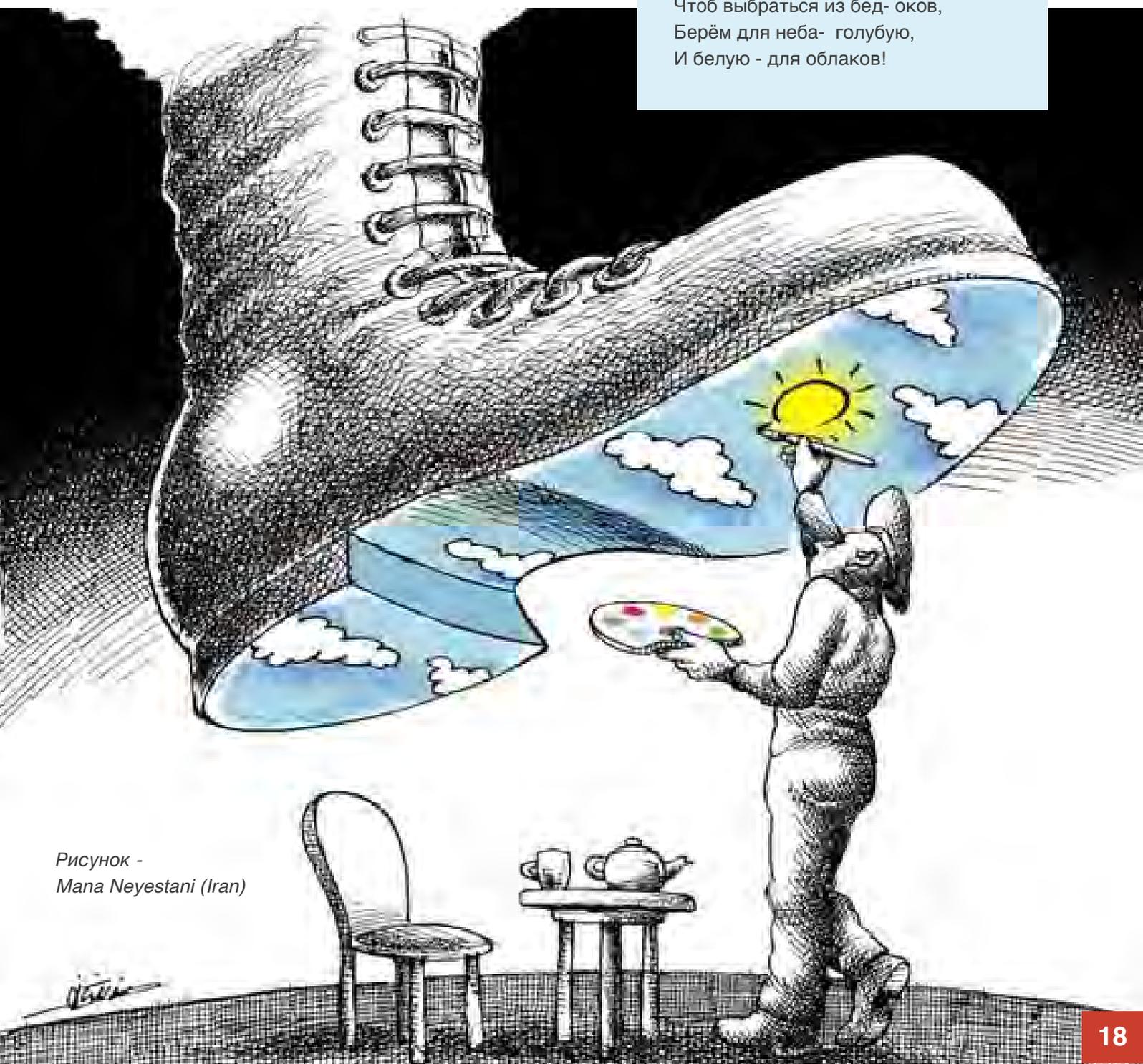

Рисунок -
 Mana Neyestani (Iran)

**Соглашаются в ЕС и НАТО:
Нам другой такой страны не надо!**

Слёзно улыбаясь и рыдая,
подтверждаю: «Широка родная!»
Но (о том вопил ещё Анпилов)
нам прохода нет от педофилов!
И ему невольно вторил Битов:
«Тесно от квасных антисемитов».
Плакал академик Виноградов:
«Спасу нет от всяких демократов!..»
Сколько же всего у нас, однако!..
И зачем-то хочется – в Монако.

Боже правый (да и левый боже),
И одной такой – не надо тоже.

Русь была унижена, забита –
Вечно в шушуне и зипуне,
А теперь встаёт на все копыта
И у электронного корыта
Гимн поёт о славном Типуне!

Он в ответ ей: «Не валися набок,
Взад-вперёд идейно не вихляй!
Встань с колен и стой на задних лапах,
И хвостом приветственно виляй!»

И стоим, послушные авралам,
Учимся державному уму.
Всяким обиралам-любералам
Чем не угодили, не пойму?..

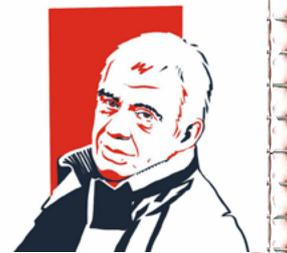
С Типуном любая даль близка!
Он живой на все века. Пока...

Поздний снег

Поздний снег! Топчи его и комкай!
Мы ведь не надеялись уже...
Он свеченьем, шорохом, позёмкой
тронул что-то в памяти, в душе.
Милые, ну как вы там живёте
на свирепой родине моей,
на знакомом с детства эшафоте,
на чужом столе семи морей?
Небо эту манну проронило,
чтобы скверна сделалась чиста.
Вот что нас навеки породнило –
нежный саван, снежная фата.
Все надежды, все ночные страхи
вымело прозрачное крыло,
и повсюду пусто, как на плахе,
на душе и на сердце бело.

**Георгий
Ефремов**

ЛИТВА

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Звёздное кресало.
Горнее огниво.
Млечные шлеи.

Сколько бы ни чиркал
наднебесный циркуль,
целы колеи
боли и любви.

Боли и любви ты
всуе не страшись:
намертво не вбиты
вышние орбиты
в зыблемый кремь...

Тьма лежит, не зная,
что очередная
вычерчена жизнь:

краткая морока
(смерть всегда при ней),
и ясна дорога –
не найти прямой

Георгий Ефремов

Наш людолоб – ублюдок,
но страстный патриот,
любитель прибауток
и умственных дремот.

Среди родных колдобин
и духосочных тел
он был на всё способен,
но мало что успел.

Он власть, по свалкам тычась,
построил на костях,
угробил сотни тысяч, –
но это же пустяк!

Он Альфа и Омега,
несправедлив, но строг –
буянил четверть века,
но разве это срок?

А что там для сограждан
ещё припасено?
Прищур, пригляд за каждым –
но только и всего.

И что же я, тетеря,
по родине скорблю,
подумаешь, потеря!
Дорогу кораблю!..

Кровавая зевота,
промятая кровать –
и только-то, всего-то!
Да нам не привыкать!..

Донесение зампреда совбеза Верховному прокуратору фортинбраса при умслопогасе в преддверии Светобесия:

Иисус был выкормыш Бендеры –
террорист, жидомасон,
он имел босяцкие манеры
и ходил по свету без кальсон.
Презирал он русскую идею,
говорил он цезарю – ХЭЛЛО.
Мы-то знаем, кто платил злодею!
НАТО, США, Гринпис и НЛО!
Как вчера писал один баблоид,
возражать властям – нехорошо.
Ну а этот ходит, души ловит
в нашей Новороссии!

Ну шо?

Обложили, пакостные звери,
либерасты, толстопеды, тля!
Прочь, охульники, от правой веры, –
тут вам, гады, русская земля!
Не пускать заразу эту в церкви, –
пустит нам всю благодсть под откос.
Мы же, понимаешь, тут не в цирке.
Тоже, блин, спаситель! И. Христос!

Георгий
Ефремов

Время войны

Мы едины в высшей мере:
смерть – и облако взамен,
комья сросшихся артерий
сообщающихся вен.

Не спастись мечтой о тыле
на передней полосе:
кровью Венгрию поили,
а захлёбывались все.

Коротка родная сказка,
а похмелью много лет;
с мостовых Новочеркасска
протянулся скользкий след

от копыта, сапога ли...
Кто ещё – Норильск, Арцах?
Прагу танками пахали,
вот и родина в рубцах.

В струпьях весь мой край великий,
заскорузлое руно,
нам что Грозный, что Маврикий
что Аляска – всё одно:

ров укромный, кров наёмный
всюду ворохи ворон
и над ширью неуёмной
машет крылышками дрон:

жёлтый он наполовину
и, конечно, голубой...
Убивали Украину
а казнили нас с тобой

Рисунок
Galyna Kifyak

Неба не бывает под землею,
только свод, бетонный и немой.
Маки, маки с рыжей головою,
Асфодели Первой мировой.
Там, где вы цветете молчаливо,
нет ни воздуха, ни ветерка.
Вы стоите над сухим обрывом,
под которым серая река.
Под веслом, разохшимся, щербатым,
не плеснув, расступится вода.
Мы и вправду верили когда-то,
что не повторится никогда.

ТИККИ
А. Шельен
БОЛГАРИЯ

Big brother, we're watching you

Потом ты захочешь спрятаться.
Ну как-нибудь, чтоб не так.
Затопит мгновенная паника,
если сзади услышишь шаги.
Перестанешь ходить по улицам,
когда не видно ни зги.
Заведешь собаку-охранника,
хотя и боишься собак.
В голове всплывет невозможное,
типа "Господи, помоги!"

Ты удалишь все записи,
выпилишься под ноль,
может, даже сменишь фамилию,
но легче не станет, нет.
По ночам будешь вить тихонечко,
может, в рифму, ты же поэт,
и крепче от месяца к месяцу
будет твой алкоголь,
и мама из комнаты вынесет
веревку и табурет.

Пока что все это в будущем.
Пока ты уверен и прям.
Числишь себя на службе
правды и красоты.
Ты любишь Большого брата,
который немножко ты.
Но скоро, когда все кончится,
Вернее, пойдет к чертям,
ты будешь скулить и не понимать
при чем тут, собственно... Ты же хороший...

Отчизна следит за нами,
читая все донесенья,
в том числе и те, что написаны
легкой твоей рукой,
А мы - мы все это время
угрюмо и неустанно
глядим на Большого брата.
Мы знаем - и не забудем.
Запоминаем и пишем.
Мы наблюдаем за ними.
А значит, и за тобой.

ТИККИ А. Шельен

К РФ Статья 280.3.

Все публичные действия, направленные на дискредитацию Армии, действующей в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности... наказываются штрафом. Наказываются арестом. Гражданской медленной смертью в богом забытом аду.

А я говорю тебе: Армия! Да гори ты в огне.
Да засыплет тебя кирпичом и бетонною пылью.
Да сметет твои рации, все позывные и важные переговоры
звон выбитых стекол
родильного отделенья.

Плач испуганной крохи.
Вой собаки, оставшейся в комнате,
полуповисшей над бездной.
Армия,
тратящая миллиарды,
чтоб убивать
пятерых,
десятерых,
не успевших даже проснуться...

Или они были виновнее всех в Силоаме?
Нет, это просто война,
а вернее - бесчестье и стыд.
Армия «наших мальчиков»,
которые после Бучи,
Ирпня, Бахмута и Марьинки
однажды вернутся к себе -
и увидят рухнувший мост,
нищету, глухие деревни,
развалившиеся жилища,
злые, чужие лица
испуганных тощих старух,
а потом
заметят
маньяка.
С сумасшедшим тоскливым взглядом.
В зеркале на стене.

Этот мир исполняется красотой,
то с одной стороны поглядишь, то с другой,
рдеют яблоки, копится мед золотой,
и вечерние розы, устав от жары,
на горячий асфальт лепесток обронив,
еле слышно вздыхают - и август грядёт,
и венки победителя в пышных кудрях,
виноград, перевитые в гроздья плоды,
что возносятся к небу, а в небе миры,
бесконечные, кружатся, кружатся, ах,
и цикады поют на платанах, и Дух
снова дышит, где хочет, и звуки цикад,
и священный налив, и божественный мёд,
и предчувствие непоправимой беды,
и война всё идет. И война всё идет.
и золотые плоды из садов Гесперид
пахнут ржавчиной, кровью, войной...

ТИККИ А. Шельен

За трудами, за трудным житьем,
за хлебами, гробами, жильем,
документы чтоб выправить в срок,
не споткнуться о низкий порог болевой,
не забыть позвонить через силу домой,
(где твой дом? а иди вспоминай!)

Но внезапно обрушился май.
Вот и яблони цвет, и сиреневый куст,
и девицы в цвету, как говаривал Пруст,
вот и солнца залиvistый свет.

Только мира по-прежнему нет.
Вместо мира - осколки, седьмая печать,
да и слово такое нельзя называть,
нету мира, а только глухая стена,
штукатурка с известкой на месте окна,
Известковых созвездий наляпанный слой,
не споткнуться о низкий порог болевой,
а когда-то был мир, труд, май.
Шпиль, мейн фиделе, шпиль, балалайка,
без струн, без надежды, без радости,
все же играй.

Там заброшенный дом,
в переулке, еще не застроенном,
майское деревце зябко дрожит под ударами ветра,
там попробуй.

Дверь в парадную будет открыта.
Заходи на третий этаж, квартира пятнадцать.
Осторожно.

пол проломлен, обои оборваны,
лестница полуразбита.
В принципе там не должно быть людей.
Может, Бог и услышит тебя.

Если же даже там не услышит,
то не услышит нигде.
Но ты все равно

Встань спиной к стене.
И беззвучно начни.
Именины сердца.
mayday mayday mayday

И когда Он войдет во внезапно затихший эфир,
передай ему только одно.
Запомнишь?

***Dona. Nobis. Pacem.
Даруй. Нам. Мир.***

Мои друзья остались там,
тарам-парам, ну ясно где,
фейсбук, ЖЖ и телеграм -
почти прогулки по воде.

Мои друзья сейчас в аду -
ну как в аду - а так, в аду,
они живут среди траншей
в зоологическом чаду,

они не пьют из той реки,
откуда велено хлебать,
им мир не подаёт руки,
о них не любят вспоминать.

Они опознают своих
по сотне крохотных примет,
а ад вынюхивает их
и жадно щерится им вслед.

Одни остались на посту,
другим не выгрести самим,
но всем глотать неволю
Отчизны тошнотворный дым.

Мои друзья по грудь в земле,
и рот у них забит землёй,
Отчизна им приносит хлеб
со смазкою и спорыньей.

В них сера с жупелом летят,
но, как всегда в такие дни,
Господь щадит сей скорбный град,
пока еще там есть они.

Век двадцать первый

Век двадцать первый. Вы не забыли?
 Дня не проходит, чтоб не бомбили.
 Ночью сирены будят народ -
 Харьков, Метула, Чернигов, Сдерот...

Кажется, разум планеты украли.
 Рупоры зла верещат о морали,
 И почему-то, податлив и тих,
 Мир с одобрением слушает их.

- Да, несомненно, мы в целом согласны,
 Дети страдают, а войны ужасны.
 Да, сионисты, конечно, виной,
 Остановить их любой ценой!

Киев, Одесса, Ашдод, Нагария...
 (Это приелось, к чему истерия?!)
 Да погляди ты, в Европе весна!
 Век двадцать первый. «СВО.»

Виктор Тумаркин

РОССИЯ - ИЗРАИЛЬ

Продолжается движение

Продолжается движение
 В этой вечной суете.
 Вот и наше поколеньё
 Подошло к своей черте.

От творящегося в мире
 Нервный тик, дрожит рука.
 Не смогли, не отвратили...
 Стало быть, кишка тонка.

Вместо здания – обломки,
 Черепки, обрывки схем.
 Как помянут нас потомки,
 Думаю, понятно всем.

Покаянными речами
 Не унять щемящий стыд.
 Впереди пора прощаний,
 Двери настезь. Путь открыт.

Не доколоты орешки,
 Погружаемся в туман,
 И глядят на нас с усмешкой
 Ким, Чухонцев, Губерман.

А в соседнем измеренье
 В свете театральных рамп
 Продолжают представленьё
 Путин, Биби, Байден, Трамп.

Заболела моя мама давно,
уж не помню, была ль здорова,
умоляла: лечись, всё ей равно,
бесполезные разговоры.

Заунывные колотят дожди –
без просвета, вот снова пришла весна.
Говорю себе: ещё подожди,
даст Бог, может, выздоровеет она.

Но всё хуже маме день ото дня,
перестала узнавать своих,
словно хлопнула за ней западня,
и наотмашь ей дали под дых.

Мама, очнись! У тебя сильный жар!
На кровати забилась в бреду,
и вокруг тебя потоп и пожар,
а врачи – те же бесы в аду.

Заразиться боюсь твоей чумой,
удлиняю сама расстояние,
ты была мне, мама, самой родной,
о тебе молюсь. Горько прощание.

Вера Арболь

РОССИЯ - США

Блокпост

Стоят мальчишки в хаки,
построили блокпост,
есть автомат для драки –
здесь каждый не так прост.

Есть флаг жовто-блакитний
и банка для банкнот,
и всем отлично видно,
что враг тут не пройдёт.

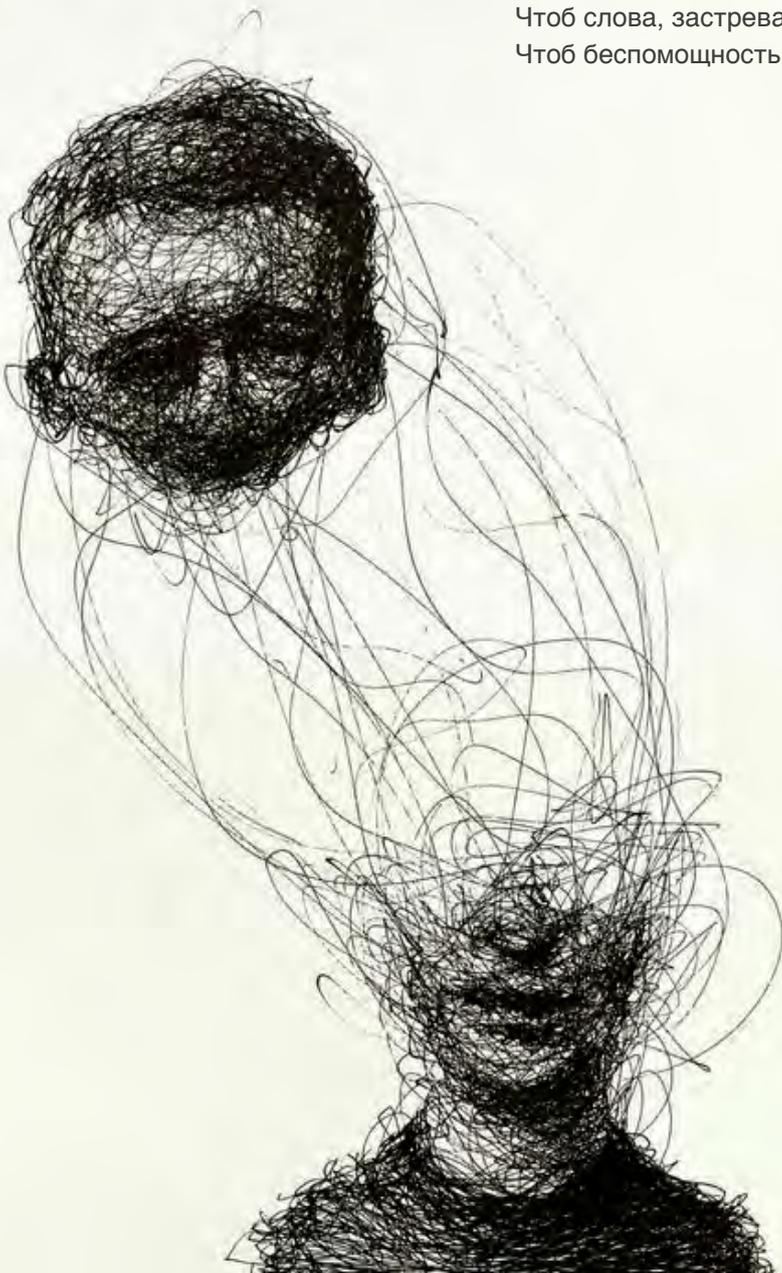
Честь отдают солдатам,
спешащим на войну,
за тата и за брата
стоят они в струну.

Напишут скоро в книжках:
«Спасли страну от бед»,
ведь на посту мальчишки
стоят и смотрят вслед.

Хроническая Хтонь

Сакральность жертвенности — неоспорима.
Чтобы гулять по воде или между волнами
Нужно страдать. Людям так близко, так трепетно
Знать, что страдание — не зря.
Платон своим миром идей нам сказал:
Вся жизнь — наказание,
Перед тем как отправиться в Рай.
Но так же естественно людям думать,
Что отстрадают — за них.
Чтобы терновый венец украшать розами
После муки и смерти другого.
Этот кто-то возьмёт на свой горб всю гору метаний и лжи
Чтоб после гибели всё оживало снова и снова.
Чтоб слёзы, что копились в груди — стали дождем;
Чтоб слова, застревающие в гортани — легли удобрением;
Чтоб беспомощность превратилась во всемогущее солнце.

Как в глаза безнадежно больного,
На мой Харьков сегодня глядят.
Не ищу ПМЖ я другое,
Никуда не хочу уезжать.

Окна слепо фанерой забиты,
От тревоги здесь воздух густой.
Раздаю оптимизма кредиты,
Безвозмездно, конечно, порой.

Аморально здесь быть пессимистом.
Не противишься, значит, ты злу.
Согласился предательски быстро,
Что летит целый мир наш во мглу.

До фундамента стерты все села,
До Мордора рукой лишь подать.
На неровностях минного поля
Первоцветы синеют опять...

Не могу писать сейчас про талый снег,
И подснежник робкий на поляне.
Этими цветами называют тех,
Кто полег зимой на поле брани.

Проступают смертью через сахар льда
Под весенними тепла лучами
Искалеченные молохом тела,
Словно в землю вросшие плечами.

Гиацинт для нас, пион или тюльпан
Потеряли смысл первоначальный.
Разрушений стали символом и ран,
Это уровень другой ментальный.

В небо смотрит настороженно дитя,
Ярко-синей полное гуаши,
До истерики доводит гул меня...
- Не хвилюйтеся усі, це наш!

«Гиацинт», «Пион», «Тюльпан» - названия артиллерийских установок.

Валерия Садковская

УКРАИНА

Мой город убивают по ночам,
И днём, и утром убивают тоже.
Как в шахматном порядке - по домам,
По людям, и по детям...Слышишь, Боже?

За день тревоги десять раз звучат,
Все понимают, прятаться нет смысла.
И генераторы, как пульс, стучат.
И кажется, что жизнь в безвременье зависла.

Не правда, наглой смерти вопреки,
И даже здесь (я этому так рада!),
Влюбленные приходят, старики,
Военные, кто вырвался из ада,

Любуются...
Мгновение, замри!
...На вишни
Ботанического Сада...

Можно привыкнуть почти ко всему:
Спать под бомбежку и стрекот шахеда.
Только унять в себе дрожь не могу,
Если вдоль кладбища этого еду.

Ветер безжалостно рвет паруса,
Синего колера, колера хлеба.
И исчезают вдали голоса,
Там, где все стяги сливаются с небом.

Косы бессильно дорогу метут,
Бьются о землю плакучие ивы.
Словно в отчаянии волосы рвут
Матери-сироты в скорби, что живы.

Вскрикну беззвучно, ответит мне птица.
Роща по-вдовьи заломит вдруг руки.
Сердце пытается с ритма все сбиться.
Сколько в глазах встречной женщины муки...

Валерия
Садковская

Мой Крым

I

Вряд ли снова сюда я вернусь.
Может, с следующим круге Сансары.
Слишком больно, мой Крым, ну и пусть
Без меня поскучают Байдары.

Было тихо в Никитском Саду,
Пили чай мы в бамбуковой роще,
Я во сне по аллеям иду,
Мне забыть тебя было бы проще.

Ялта в мае в лиловом дыму
От лиан, оплетающих город.
Снова к морю по парку иду,
Ветер рвет с нетерпением ворот.

Чаша синяя где-то внизу,
Отдыхаю в тени на паперти.
Создал Бог же такую красу!
Слышу звон Поликуровской церкви...

Ты развейся, прошу тебя, грусть!
В то село, где есть греки, татары,
Я ребенком, наверно, вернусь,
Может, в следующем круге Сансары...

II

Там пещерный таинственный город
Был форпостом, Всемирный Потоп
Превращал это озеро в море,
Выживал человеческий род.

Обнимала колонны у моря,
По античному городу шла.
А Медея сходила от горя
И предательства мужа с ума.

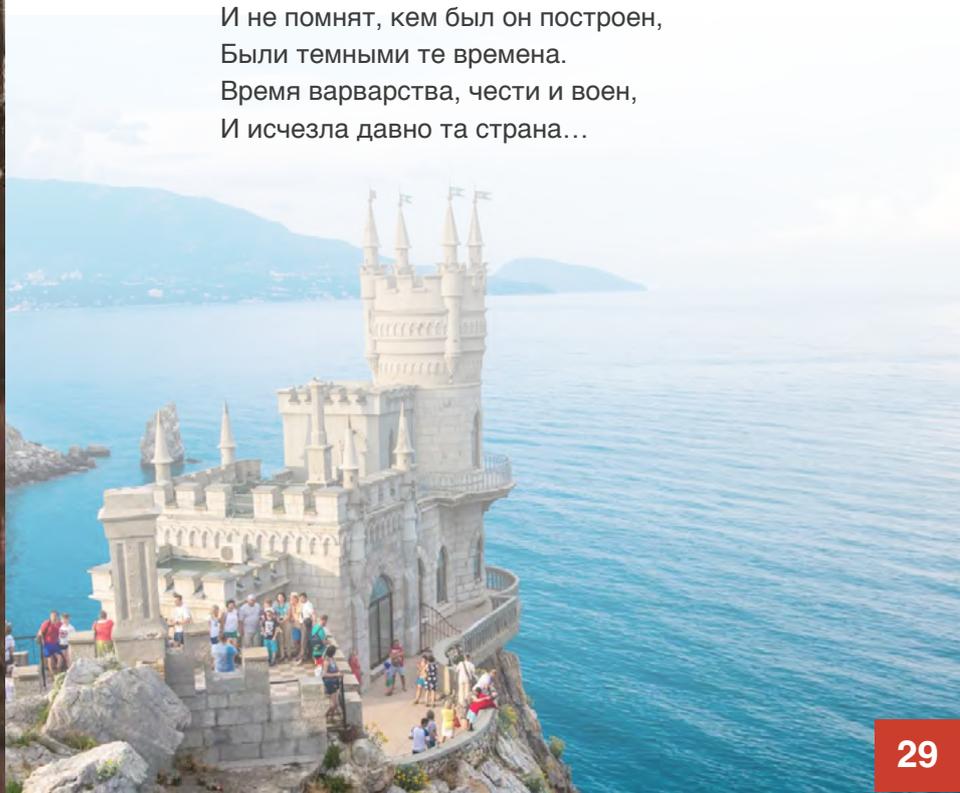
В Херсонесе давали премьеру,
В чаше театра страдала толпа.
По законам классической эры,
С облегченьем катарсис ждала.

А потом я томилась в гареме,
Ненавистна такая судьба!
От наложниц бесправных ни тени,
Ни имён не осталось следа.

В Ливадийском роскошном палаццо
Наблюдала за царской семьёй,
Собираясь навеки расстаться,
Обещала вернуться весной.

И чьи-то веселые дети,
И какая-то снова весна,
Вдруг решили идти на рассвете
На пленэр у развалин моста...

И не помнят, кем был он построен,
Были темными те времена.
Время варварства, чести и воен,
И исчезла давно та страна...

Валерия Садковская

А вы были когда-нибудь в тире?
Там, где крепятся цели на стенд?
А с мишенью на лбу вы ходили?
Побыстрей, сквозь разрушенный центр.

Сколько в жизни счастливых билетов?
Сколько есть у меня козырей?
Снова взрывы над городом где-то,
На звонки отвечаю друзей:

-- Было громко, не в нашем районе.
Пронесло нас, опять пронесло.
Только двери открылись все в доме,
И звенело на люстре стекло...

И собака дрожит на диване,
Только кошка спокойно лежит.
Надоело нам прятаться в ванной.
И в ботинках никто уж не спит.

Говорят, что без жертв... Я не верю...
Город слухами полон
всегда.
Не пускаю безверия зверя,
И уныние -- грех для меня!

Материмся, чтоб выплеснуть горе.
Хорошо, что не слышит нас внук.
Я потом дам слезам своим волю.
Только ярость сейчас лучший друг.

Я вплетаю ее в звенья сетки,
Добавляю обильно к словам:
Боже милостивый, Боже крепкий!
Ты воздай им по их же делам!

Где-то идёт война,
Кто-то сидит в кафе,
Воет в ночи вдова,
Четверть страны в огне.

Слёзы уже ушли,
Только осталась злость,
Вырыла из земли,
Гложет собака кость

В черном гнилом носке,
Гложет людскую плоть.
Больно держать в руке,
Этот шеврон так жжёт!

Быстро растёт погост,
Там уже пол села.
-- Милый, пришел твой гость.
Сына с собой взяла...

Он ещё слишком мал,
Гладит стоит портрет.
Знаешь, что кум пропал?
Друг твой и наш сосед?

Может, они с тобой?
Может, их Бог сберёг...
К камню прижмусь щекой,
Знаю, что ты не мог

Прятаться за спиной,
Если б не сын, то я
Тоже была б с тобой...
Обнял кто-то меня...

...Флага, наверно, края...

Превращаю все чувства в слова,
Подчиняю незримому ритму.
Так спасаю я мир и себя,
И к реальности новой привыкну.

Полон воздух обрывками фраз.
Я ловлю их и снова рифмую.
Может, мир пронесет в этот раз,
И заслужит он участь другую?

Заглушают тревогу стихи,
Мысли мрачные кружат, как стая.
Боже, всем нам сейчас помощи
Удержаться у самого края.

Осязать можно горе и страх,
Настроение чувствовать кожей.
Даже ночью в прерывистых снах
От себя твой побег невозможен...

Вчерашний день попробую облечь в слова:
Как пенилось варенье в медном лоне,
Над ним пикировала пестрая оса,
И флоксы спали в глиняном вазоне.

В нем тает масло на серебряном ноже,
Вишневый плещется ликер в бокале,
Лавандой пахнет самодельное саше,
И птичий щебет в утреннем хорале.

Про мед с акаций не забуду, как янтарь
Мерцает он в тяжёлой липкой банке,
Малины спелой, чуть туманной, киноварь,
Как самоцветов россыпь без огранки.

Впишу, как дышит и вибрирует вся ночь
От звона, что устроили цикады.
Но вряд ли я смогу кому-нибудь помочь
Забывать, что город под ударом ФАБов...

ФАБ - фугасная авиационная бомба

Валерия Садковская

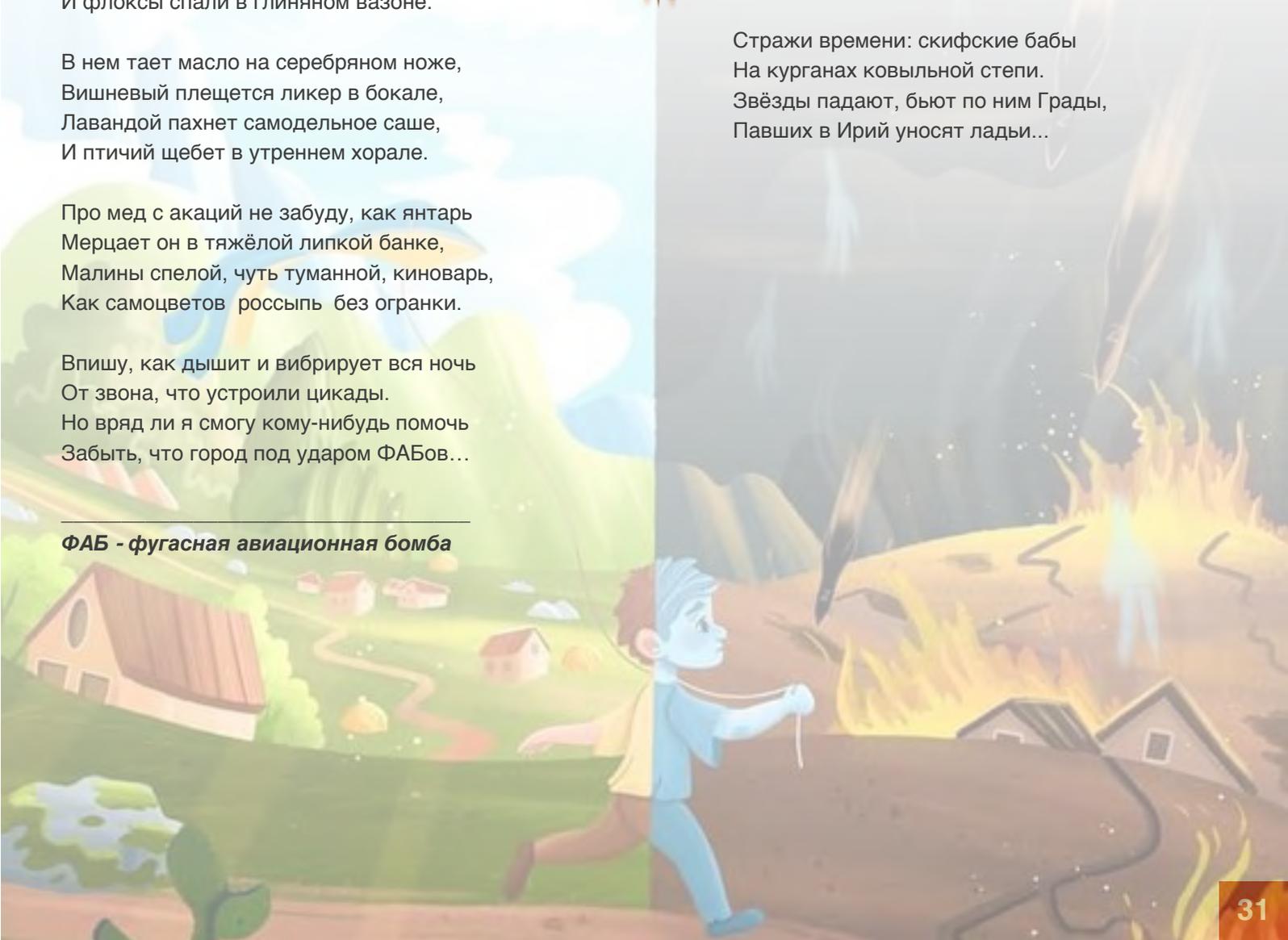
Я не знаю, смогу ли я снова
Превращать терпкий август в слова?
Знойный сок винограда Молдова,
Радость жизни простой, бытия?

И арбузная сладкая мякоть,
И полынь, что как горе на вкус,
Вдруг заставят кого-то заплакать...
Не поделишь ни с кем тяжкий груз...

Рыжеватые волны Азова,
И подсолнухов даль без конца,
Южной ночью под звездным покровом
Мы так счастливы были тогда...

Но залечит земля эти раны,
Как всегда, уже тысячи раз,
Станут прахом рабы и тираны.
Не отводят от вечности глаз

Стражи времени: скифские бабы
На курганах ковыльной степи.
Звёзды падают, бьют по ним Грады,
Павших в Ирий уносят ладьи...

Не бойся

Не бойся шума, бойся тишины,
Выносят в ней беззвучно приговоры.
Не бойся падать, бойся высоты,
Оттуда все одно, и степь, и горы.

Не бойся грязи, бойся чистоты,
Ей блещут пыточных полаты.
Не бойся леса, бойся пустоты,
Ей демон брат, и ведьма-мать тут кстати.

Не бойся боли, бойся онеметь,
И плоть чужда, и голос твой погашен.
Не бойся жизни, хуже не успеть
сказать: не бойся, мне уже не страшно.

Мы

Мы ищем Бога там, где нет людей,
где нет ответа на вопросы,
где ищут, корчась, горсточку идей,
чтобы строчить горбатые доносы.
Ты видишь солнце, греет ли оно,
щеки прохладной мелкие морщинки?
Пропела птичка. – Разве? - Глянь в окно!
Там мутно. Во дворе идут поминки.
Я видел сон: я падал, я кричал,
вопил истошно: помогите!
Я в том кошмаре Бога не искал.
Людей я звал: ну, где ты, мой спаситель?!

Лиλιана Янхофер

РОССИЯ-США

Выбор

Искал я долго, выбирая,
своих людей среди чужих.
Не сильно в суть вещей вникая,
я слушал голос свой, не их.

Кто выдумал оттенки цвета,
делящие на полдень день?
Кто слово дал певцу-поэту
назвать тень светом, светом тень?

Я мерил, четко разделяя
на красных-белых, с синевой,
и, сердцевину надрезая,
Лишь ужасался: Боже мой!

Деля своих, чужих, хороших,
плохих, не очень и совсем
один стою промежду прочих
столбов, заслонов, липких стен.

Я заблудился, потерялся,
нет ни тропинки здесь кругом.
Один я в той толпе остался:
иголка в сене. Поделом?

Ольга Прасол

УКРАИНА

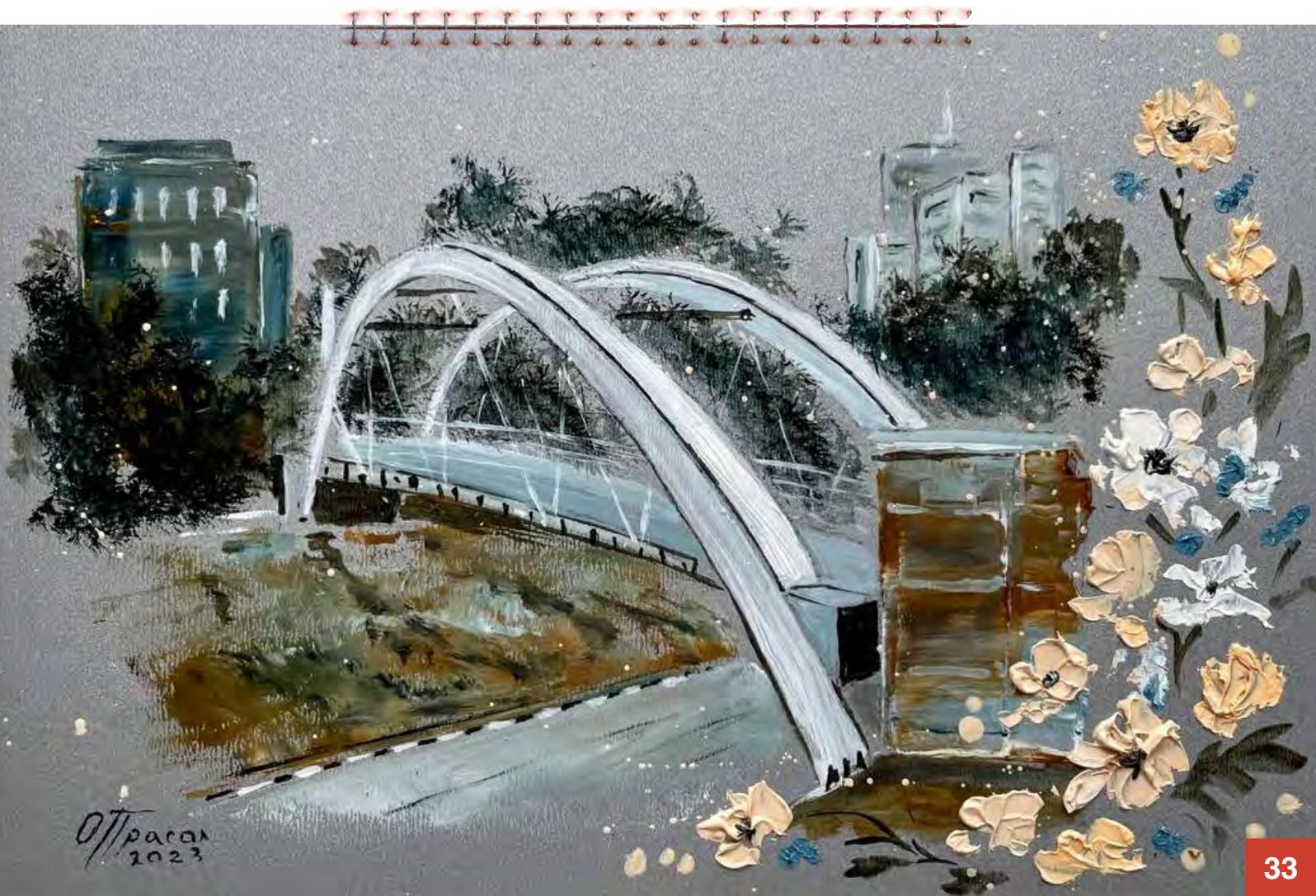

Мы разучились мечтать
 Планы — всего на день
 В разгаре уж третий май
 Почти отцвела сирень

Третья весна войны
 Харьков бомбят опять
 Нервы звонче струны
 Взрыв! Ну твою же мать!

Сколько еще лет?
 Смыл бы все страхи дождь...
 Счастье — включили свет
 Значит сварю борщ

Каждый день просыпаться в четыре
 Странный побочный эффект войны
 И спрятать поглубже мечты о мире
 В ящик комода у дальней стены
 Клумбы петуний... И липами дышишь
 Это как блеф в очень злой игре
 Если поднимешь глаза чуть выше —
 Слепые окна, забитые ДСП
 В мае — семьдесят шесть обстрелов
 КАБы, ракеты, сотни часов тревог
 Каждый, кто здесь — под прицелом
 И есть ли тому порог...
 Город воет от боли и «держит марку»
 Свежа на дорогах опять разметка
 Закрыты асфальтом воронки в парках.
 Мы так живем. Это Харьков, детка...

Яков Наерман

США

Песенка о Главном Советчике

Есть у меня самый главный советчик,
Он лишь один знает всё наперёд.
Всё понимает и он не обманет,
Старший и мудрый – я сам через год.

С ним я сверялся, когда мне жениться,
Как мне начать тягомотный развод,
Он посоветует, он мне подскажет:
Мой ясновидящий – я через год.

Ведомо мне, что мой верный советчик
Рано иль поздно меня подведёт.
Просто когда-то его уж не будет,
Кем я надеялся стать через год?

Но пока жив, на тебя уповаю.
Я запою - ты подхватишь, шутя;
С лёгкой синкопой, мой верный и близкий,
Мой недоступный - я сам, год спустя.
Ты подпоёшь мне, старший и мудрый,
Но недоступный – я сам, год спустя.

Рисунок
Малгожата Пёнтек-Грабчиньска
(Польша)

ЛАДУШКИ

Собрали лопатами кашу
С солью и химикатами,
Принесли домой, стали есть
- Прожёвывали, заглывали.
Засовывали детям во рты,
Широко закрытые:

За маму глотайте –
Мотают бошками.
За папу глотайте
Бошками мотают.
Глотайте, птенцы!
Кто кашу не ест...
Потом не летает? ...

Не ползает. И страдает.

Сорочата конфузились.
Сорочата жевали.
Сорочата опузились.
Сорочата пропали.

Ладушки, ладушки,
Где были?
У бабушки.
Что ели?
Кашку.
Что пили?
Бражку.
Кого ругали?
Того убрали.
Попили, поели. Шу-у-у!
Угорели.

Даша К.

РОССИЯ

Зелёный человечек

Зелёный человек стоит.
Готов, парниша? Валим!
Зелёный человек горит
Он строен и брутален.

Вот молодец! Теперь вперёд
Шагает каждый сам.
Зелёный пуховик идёт
К твоим моим глазам...

Ты не забавный карапуз,
А маленький мужик.
Держи увереннее курс!
Нас вьюга окружит.

Вихрь времени изменит мир,
Сотрёт назад пути.
Найди себе проверенный,
Надёжный ориентир.

Твои глаза горящие
В моих твоих глазах.
Мы, взрослые, - пропащие...
Тобой не правит страх.

Шагай навстречу свету,
Зелёный человек.
Подталкивай планету,
Лови губами снег.

Мой самый настоящий
Забавный карапуз.
Светящийся, летящий...
Держи ровнее курс!

Луч.

Из-за синих набрякших туч
 Пробирается тонкий луч
 И скользит по железным крышам.
 В глухо запертое окно
 Он струится через стекло,
 Настигая закат неслышно.
 Нет преград на пути луча.
 Если можешь, то излучай,
 Не сгибайся посередине.
 Ты то теплишься янтарём,
 То горишь золотым огнём
 В одинокой как ночь пустыне.
 На дверях в небеса сургуч .
 Ускользает в потемках луч.
 Кто поймает его, не сгинет.

Кого просить
 взять на руки планету ,
 И защитить живущих всех на ней ?
 Так много зла , так мало , мало света ,
 Все больше дочерна сожженных дней.

Куда идти искать укромный угол ,
 чтоб вжаться глубже и закрыв глаза ,
 над головой сложить ладони в купол?
 Но мир округлый. Нет того угла.

Ирит

США

В июньской утренней прохладе
 Купается мой тихий двор.
 На кухне жарятся оладьи,
 Журчит негромкий разговор.

Какие на сегодня планы?
 Так хочется в Долину Роз*,
 Найти цветущую поляну,
 Ловить там радужных стрекоз.

Держась за руки, чуть волнуясь,
 Укрыться в зелени аллеи,
 Где пух воздушных поцелуев
 Роняют кроны тополей.

На рейсы перелётных судеб
 Уже был вытянут билет.
 Тогда не знали мы, что будет.
 Нам было по шестнадцать лет.

** Долина Роз - Парк в Кишиневе*

Так трепетно, как можно лишь синицу
 Держать, на журавля не уповая,
 Держу слова, готовые родиться,
 И стаями на волю выпускаю.

Есть слово-лидер, как вожак всей стаи,
 Есть слово-образ, как ее граница,
 Я в оперенье букв мечту вплетаю,
 И улетает от меня синица.

Нагие звёзды шары
ныряли в шумящий ручей...
Я гладил их краешком губ,
И сердце в груди моей
Росло, превращаясь в шар,
В огромный шар до небес.
И все помещалось в нем:
И горы и синий лес...
И море, под крыльями рук,
И ветер - варгана звук...
Я знаю - прошло много лет,
Как звезды купались в реке...
Под кожей течет это свет
В твоей и моей руке...

Елена Сосна

УКРАИНА

Я зажигаю вновь свечу-
И пусть стихи в тиши польются...
Пусть люди плачут и смеются,
Пусть надо мной - я их лечу...
Я зажигаю вновь свечу..

Брала я кисть... На белом полотне
Рождалась жизнь, и я ее вдыхала...
И то, чего казалось слишком мало,
Спускалось тонким лучиком ко мне...
И проросло... и шумел мой сад
Раскинув ветви, обнимая время...
Любовь росла и вновь роняла семя...
И разрасталась в мире во сто крат..

У каждого порог свой и броня,
У каждого под кожей бьётся солнце,
Открой же ты хоть малое оконце...
И волны света хлынут на тебя!

Во мне много небес тишины-
 Чистой, влажной, в туманах висящей,
 И на кончиках елей, дрожащей,
 Уводящий дорогой во сны...
 По дорогам, к горам Терракота,
 Мы гуляем который уж век,
 Снова в теле, я - вновь человек,
 Значит есть для души здесь работа...
 Просто взяли кувшин тишины,
 И наполнили светом Вселенной,
 Влили в души, ведь души - нетленны,
 Так с тобой создавались и мы..
 Во мне много твоей тишины.

Пропуская солнце сквозь себя,
 И сплетая горизонтов нити,
 Я лечу в распахнутость событий,
 Облаком в бескрайность уходя...
 Золотой струной - в прозрачность неба,
 Серебром дыхания среди берёз,
 Ты - твори! Твори, и где бы не был,
 Свет прольётся от далёких звёзд...
 Отпусти! Пусть было самым близким,
 Самым теплым, трепетным, родным...
 Время лечит, жизнь подарит смыслы:
 Быть открытым, смелым и живым...
 Нет путей, несущихся наружу,
 Каждый шаг из боли - в глубину,
 И когда под кожей ветер, стужа,
 Нервом ощущаю, что - живу.
 И я верю в важность тех событий,
 Что прожил душою на пути:
 Просто быть - Любовью, с этой нитью
 В своем сердце до конца лети!

Елена Сосна

Я стою над дрожащим, земным,
 Над взлохмаченными ветрами,
 Я играю сейчас с облаками-
 Я как лёгкое пёрышко, дым...
 Я- улыбка, я - тоненький мост,
 Переброшенный мирозданием,
 И слагаемый с тыщи желаний,
 Из которых десяток- даст рост...
 Мне бы крылья, с разбегу, в полет.
 Мне бы силы, чтобы подняться,
 Незаметно, легко растворяться каплей в радуге.
 Солнечный свод поддержать и потрогать руками,
 И почувствовать, как в тиши-
 Мир дрожит, мир сбегает ручьями,
 И рождается стих - для души...
 Я лечу над дрожащим, земным,
 Над взлохмаченными ветрами,
 Я играю сейчас с облаками -
 Я, как лёгкое пёрышко, дым.

Два шага я ступлю по вертикали
 И страхи все оставлю позади.
 Мои тревоги и мои печали
 Я тучи призываю: разведи!
 Я горы призываю: схорони!
 ...и на душе становится так чисто,
 Как белый склон, что ввысь идёт маня.
 И я иду, порывисто и быстро,
 Топчу ступени, но внутри себя,
 Ищу дорогу, но внутри себя..

Троллейбус

I

Как-то ночью, слегка под парами,
Я бродил в одиночестве гулком
По колено в молочном тумане,
Что клубился волной в переулках.

Озирало пространство сурово
Бледным оком ночное светило,
Сквозь прорехи небесного крова
Звёздным ветром попутным сквозило.

Мимо мчались колёсные боты,
В просторечии – автомобили,
Унося в своих чревах заботы
И людей, что куда-то спешили.

Было влажно, скорей даже сыро,
Колыхался туман на просторе,
И казалось: от этого мира
Очень близко до дальнего моря...

До того, где трубят кашалоты,
Где парят над волнами фрегаты,
Где шумят штормовые широты,
Где на шхунах гуляют пираты!

II

К остановке причалил троллейбус,
О двух мачтах, с двумя фонарями;
Я, как шкипер, взошел на площадку,
Зыбкий пол ощутив под ногами.

Злой кондуктор в дверях меня встретил,
На индейского бога похожий;
Я принёс ему в жертву билетик, –
Он проткнул его тонкую кожу...

И поплыл мой кораблик в тумане,
К неизвестному мне назначенью,
За рулем навигатор с усами
Управлял направленьем движенья.

Свет погас. Засверкала Венера
Над бортом; и в мерцании чудном
Я себя ощутил флибустьером –
Капитаном корсарского судна...

Было тихо, лишь мачты скрипели,
Пол дрожал и шуршали колёса,
А я слышал, как ванты гудели
И кричали, кружа, альбатросы...

Семен
Патлис

США

III

Полной грудью вдохнул я свободу, –
Мы плывём в неизвестные страны!
Покорим острова и народы,
Будем грабить в морях караваны!

Будем есть черепах на Тортуге
С свеже-сорванным с дерева хлебом,
Целовать таитянок упругих
На песке под лазоревым небом.

И любить будут нас гаитянки,
И туземки на острове Пасхи,
Разноцветные островитянки
Нам дарить будут знойные ласки...

А когда в нас угаснет горенье,
И покоя запросим устало,
Нас возьмут в свои тёплые семьи,
И с почётом съедят каннибалы...

IV

Впереди замаячила гавань, –
Нет, не время нам к берегу жаться!
Я скомандовал «ПОЛНЫЙ НАПРАВО!!!» –
Переулками к морю прорваться.

Но мятежный матрос у штурвала
Не моргнул, не повёл даже усом, –
И, завидев толпу у причала,
Лишь убыстрил движенье по курсу.

Оценив обстановку сурово,
Я мгновенное принял решение:
Оттолкнул бунтаря рулевого
И привёл колесо во вращенье...

И троллейбус, сверкая огнями,
На ходу разорвав пуповину,
Развернулся, скрипя тормозами,
И, как слон, завалился на спину...

Семен Патлис

V

Оказался корабль не пригоден
К совершенно великих открытий, –
Был его капитан не свободен
В управленьи теченьем событий.

Завершилось мое приключение
В странном доме с обидным названием;
Там ко мне применили лечение,
Так похожее на наказание!

Темнота разрушает границы стены,
И смыкаются в клетку пространство и время.
Набухает под толстой корой тишины
Первобытного страха колющее семя.

Это семя растёт, созревая впотьмах,
И ползут узловатые корни, как пальцы,
Словно синие вены на тощих руках
Обойдённого жизнью и смертью страдальца...

Тишина отделяет от семени жмых,
И, стекая по каплям, как вязкая влага,
Потаённые страхи сгущаются в сны,
Разгоняя тяжёлый покой саркофага

И взрывает сознание кошмарная суть;
То ли явь, то ли бред, то ли сон тебе снится?
Ты лежишь и не можешь рукой шевельнуть,
Ты кричишь, но твой голос не может пробиться...

ЭМИГРАЦИЯ

Эмиграция – меня больше нет
Для всех тех, кто остался там,
Но и здесь уже много лет,
Я брожу по чужим местам.

По местам, где дома молчат,
Где нет смысла в рябине той
И нельзя посмотреть назад –
Пустота за моей спиной.

За моей спиной тишина,
Ожиданья тягучего сумрак,
Беспокойные ночи без сна
И тревожно рассветное утро.

Наталья Е-К

РОССИЯ

ВЕРШИНА

Нас уносит на улицу стылых огней,
Нервных башен и жалких обманов.
Мы захвачены, жертвы огромных сетей
Мировых городских океанов.

Трепыхаемся, дышим и вечно бежим
По спирали безумной дороги.
Нет конца марафону, бессильно дрожим
В проникающей болью тревоге.

Небо сверху надвинет тяжелую хмарь,
Злобно клацнет железная клетка.
Мы останемся здесь. Где-то рядом алтарь
И вершина судьбы человека.

Армии России посвящается

Сыплют слёзы мои градом,
Из-за того что «градом» ,
Бомбили опять Мариуполь,
А война не идёт на убыль.

Стыдно впервые, я - русский...
Ну дайте хотя бы узкий
Вы «коридор» для деток,
Но снайпер-убийца так меток!

Про рай не мечтайте даже,
Там дьявол стоит на страже,
И в ад вас даже не пустит...
Живу две недели в грусти.

Мне снится ужасный сон,
Надежды нет на ООН,
Глаза опускает ЕС.
Росармия хуже СС,

Ночами бомбит города,
Чтоб не оставить следа,
Любовь насадить на штыках...
Вам Гаага, тюрьма и крах.

Воспоминания о Сардинии

Электричка – два вагона.
Мелкий пляж – залив Аранчи.
И жужжание от дрона,
Что отправил местный мальчик.

Низко-низко пчёлы мчатся
Корсиканским пируэтом.
Загорать или купаться?
Я замучился с ответом.

А песок, ох, жжёт мне пятки!
Белый парус спит на яхте.
Жизнь со мной играет в прятки:
Я сегодня не “на вахте”.

Рамазотти, равиоли,
Мирто, кофе, сыр, прошутто.
Будто граф я в этой роли.
Ух, сегодня отдохну-то!

Новый остров, сорок третий.
Благоденствие, истома.
На Сардинии, поверьте,
Лучше, лучше мне, чем дома...

Арнольд
Коптев

США

**Арнольд
Коптев**

Год бы знать, когда смерть

Год бы знать, когда смерть,
Протянувши костлявые руки,
Тормознёт круговерть
И у жизни поклянчит разлуки.
Знать бы день этот, час,
Чтоб осталось бы время проститься.
Попрощаться. За вас
И в аду даже буду молиться.
Знать хочу наперёд
За долги б попросить всех прощенья.
Совесь всё ж наберёт
Их достаточно, без обольщенья.
Но зачем это мне?
Неужели грехи все отпустят
И на белом коне,
В кущи райские, может быть, пустят?
Наша жизнь, как вагон,
Что давно называется «общий».
Опоздал на перрон,
Если тлеют в земле твои мощи...

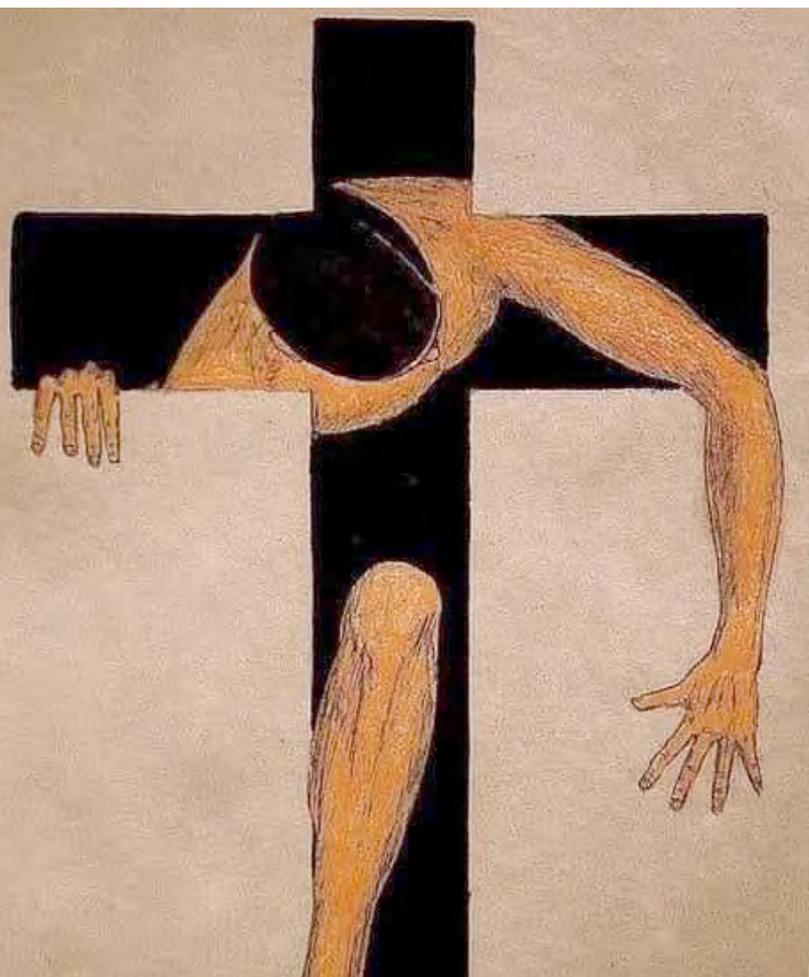

Твои плечи, как белые клавиши,
Я играю на них фьюжн-джаз.
А твой взгляд, мне ловушки расставивший,
Жжёт сильнее, чем тысячи фраз.

Твоё сердце - в апреле проталина.
До конца, умоляю, оттай.
Расставания злая оскалина,
Потеряйся, в пути заплутай.

Твои губы - что сладкая ягода,
Прикоснулся, и в пропасть лечу.
Ты моя неприступная пагода.
«Навсегда ты моя», - я шепчу.

...А глаза твои - поле клеверное.
Подкупить бы? Не хватит монет.
Ты моё сияние северное,
Грешь холодом с дальних планет.

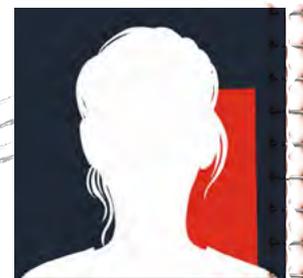

Марк Шагал -
«Танец Мариам»

**Анна
Суттерлин**

РОССИЯ

Моментальные снимки жерновов калейдоскопа

Часть первая. Мириам, старшая сестра Моисея

Слезы лила Мириам:

«Спасибо, Господи, за дары – но как я за них воздам?»

Отвечал ей голос из глубин её живота:

«Постановка вопроса у тебя не та –

Я ж не дед мороз, чтоб просить прочесть стишки, не налоговая и не банк,
В войне этой есть и моя вина, мой баг».

Страхом вопрос зазвенел, слеза замерла:

«Если уж ты не властен, Господь, то как найти... антитела?»

Грустно вздохнув, автобус тронулся на вокзал.

Если бы я знал, если б только я знал...

«Ты не дрейфь, пей дары до последней капли и знай –

Каждому семени свой урожай.

А слёзы твои опресню, пожалуй –

Что добру пропадать, да и пол весь уж ржавый.

Верну после колодца последним в пустыне,

Пригодится бывшим рабам и рабыням».

Повисла молитва на полуслове, на полумесяце облако село.

«Не покинь нас, Господь, ибо мы слепы и незрелы!»

Легкой полуулыбкой всклубилась нильская рябь:

«То приди, то уйди, то усиль, то ослабь...

Молоды дети мои, даже ты, Мириам.

Верь в себя, верь братьям своим и снам».

Белые струпья покрыли все тело – и тут же пропали разом.

«Задохнетесь от боли по взаимным связям,

Если уйдете поодиночке. Идите

Вместе, назовут это время Исходом.

Ключ на цепочке, до границы кто поездом, кто самолетом».

«Не наказанием будут скитанья, наградой?»

«Верно, дитя.

Семена сладкой смоквы шершавы и горьковаты.

Так и иди: всё потеряв – и себя обретая».

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО

«...ЭТО ЗНАЧИТ - ЗА НАВАЛЬНЫМ!»

Феликс Волков
Сорок дней без Героя

Герой, ты замучен холодной зимою.
Полярные волки отпели тебя.
А те, кто боялся идти за тобою,
Уже не сумеют поверить в себя.

Давно ты готов был на эту утрату.
Ты всё понимал, по-другому нельзя.
Ведь только по небу и только по трау
возносится к Богу крутая стезя.

Да кто мы такие? И где наша сила?
Ни словом, ни делом не можем помо
По грязной дороге ступает Россия
И ждёт впереди всех полярная ночь.

Георгий Ефремов

Ты будешь сметена
Такая мощь, куда ни кинь,
Во все концы – она,
И всё ж любая из твердынь
Должна быть сметена.
Ну до чего была крепка
Берлинская стена,
Она стояла на века –
И всё же сметена!
Слыла гаремом всех племён
Советская страна,
Был космос ею покорён,
А ныне – сметена.
Казалось, до чего малы
Ростки и семена –
Но вот осколки той скалы,
Что ими сметена.
Пускай, империя греха,
Ты в мире не одна, –
Ты прах, ты смрадная труха,
Ты будешь сметена!

Валерия Садовская

Равнодушно она созерцала,
Как его убивали в тюрьме.
И уже не скрывала оскала,
На скуластом опухшем лице.
Не достойна она этой жертвы,
Не достоин её твой народ.
Будут почести, будут посмертно,
И прощен тебе «Крым-бутерброд»...

Георгий Гришко
Памяти Алексея Навального

Вышел криг, не вышло блица.
Вологодских ваят «Валом».
Крейсер с именем столицы
Вспорот маленьким нарвалом.
Нет обратного билета,
Если пойман шахиншахом.
Дама скалкой бьёт валета,
А король опять под шахом.
Помолчим же, чтоб не сглазить,
Для всеобщего же блага.
На столе бокал, как калла
Валидол велит не влезать,
А в ладони только влага.
С чем-то слабоалкогольным.
Вольным воинам – Вальгалла,
Госпитальный вал – невольным.
Это значит – не позволю!
Это значит – отвоюю!
Это значит – все на волю,
На поверхность, не вслепую!
Это значит – все на волю
Наступленьем хоть провальным!
Это значит – все на волю!
Это значит – за Навальным!

Мирослава Китеж

С утра я обожглась о батарею,
Умылась и помчалась на Лубянку
Гвоздики три, не две – герой не умер,
И не могила этот камень Соловецкий.
У камня памяти несмело Алексею
Седые женщины цветы кладут, кто сколько.
Стоят минуту, смотрят вдаль, уходят.
Менты и люди в чёрном вьются рядом.
Следят. Угрюмы и тревожны:
На женщин нападать тащить и мучать
Они обязаны, коль те зафордебачат.

А женщины цветы кладут и деру.
Бесстрастны лица.
Чтоб себя не выдать,
Заходят в синие кабинки.
Отдышаться.

Сортиров батарея вдоль Лубянки.

25 февраля 2024
Москва

ИЗ ТОЛПЫ

1 марта 2024 г.

Москва

Люди с хорошими лицами и цветами начались в переходе от Пролетарки к Крестьянской заставе, на прямой ветке в Марьино. И дрожь в воздухе началась. По своей ветке я ехала, читая «Карлсона». Тупо, спокойно. Но уже на платформе на Крестьянской заставе - другая атмосфера.

13.19. Метро, 41 минута до начала

Людей на станции в разы больше, чем полагается в будний день. Все очень серьёзные. Хотела достать «Карлсона». Но на лица смотреть интереснее. В вагоне многие с цветами. Только в поле моего зрения трое. Надеюсь, что тоже смогу купить в Марьино. Вот кассу сделает Навальный местным цветочникам!

На Братиславской напротив сел парень с черными локонами в щегольском терракотовом пальто. Молодой бог. С роскошными розами.

Я не выдержала - заплакала.

Достала темные очки. Надела.

Я же ресницы намазала не слезостойкой тушью! Теперь очки не снять.

13.46. Марьино

С цветами я промахнулась. Так и есть – в цветочном очереди. До улицы: магазин, ступеньки, улица.

- Надо же – больше, чем первого сентября! - комментирует кто-то.

Сосредоточенная толпа медленно продвигается в сторону храма, вот он – через дорогу.

Прямо над нами в облачном небе белое солнце. Яркое. Круглое как дура в полнолуние.

По толпе разносится клич: «Поворачивайте, поворачивайте, там перекрыто».

Все разворачиваются и начинают медленно удаляться от храма. Все спокойны – обойдем. Под ногами жеваный снег.

Над головами проносится скандирование: «А-лек-сей» и «На-валь-ный».

Я не могу кричать, слезы душат.

Улыбающиеся брюнеты из кафе «Плов-хаус» вышли на крылечко, наблюдают с интересом, зачем-то фотографируют нас.

Рассматриваю людей вокруг. Возраст 20-60, детей и стариков нет. Хотя нет - вот идет пожилая дама в бархатной шляпке. Одной рукой опирается на палку, другой на руку дочери.

Что отличает бабу от пожилой дамы? Бархатная шляпа. Не модная, не уместная в этой слякоти. Но Женщина скорее умрет, чем напялит пуховый платок, какой бы хромой старухой она не была.

Мужчина под полтос рассказывает спутнику:

- И всем сказали: кто уйдёт - расстрел и увольнение.

13.55. Марьино, дворы

Шествие петляет внутри дворов, естественно, по автомобильной дороге.

Местные автомобилисты, попавшие в людской компот отчаянно сигналият.

Их пропускают. Какая-то машина не сигналиит, а истерично визжит, как и водитель - тётка в шапке: открыла окно, орёт матом.

Молодежь влезла на обледеневший сугроб:

Мирослава
Китеж

РОССИЯ

- Кто-нибудь сверху, скажите, что там происходит?

Смех.

- Ничего, всё что и тут.

- Там рыбы нет!

Толпа цивилизованная. Никто не толкается, не повышает голоса. Все спокойны, сдержанны.

Нетерпеливые ручейками струятся вперед.

«На-валь-ный». Люди аплодируют, поднимают букеты. Толпа превращается в огромную клумбу. «На-валь-ный».

- Не надо кричать, сейчас нас всех повесят, - тихо говорит красивая девушка с тонким лицом.

14.20, Луговой проезд, 6

Два поворота направо, обходим квартал, по идее церковь впереди, но отсюда не видно. Встали.

- Как юрист советую вам не кричать, – повторяет девушка, но слышу её только я и её компания.

В компании разговор:

- Хотел ещё Артём прийти, но мы посоветовались и решили, что не надо.

Меня пугает его состояние.

«Алексей не боялся, и мы не боимся!»- звучит мужской голос. «Алексей не боялся, и мы не боимся!» - поддерживают сотни голосов.

Толпа уплотняется. Некоторые в масках. Люди прячут лица.

Наш рукав встал плотно.

По противоположной стороне дороги люди идут. Но вот пара возвращается.

- Что там?

- Тоже самое - толпа.

14.30. Луговой проезд, 6

Где это? Где-то в Марьино, в паре кварталов от гроба с Навальным, от его матери, иностранных послов, Дунцовой и Надеждина. В какой-то жопе. Но на лицах нет разочарования. Мы – толпа. Мы огромная внушительная толпа, которая кричит, которая дышит, которая есть. Мы – есть. Если бы мы не стояли в этой жопе, мир не узнал бы о нас.

Молодёжь вежливо прет по сугробам параллельно дороге. На проезжей части омон. Разворачивают.

А вот и щеголь, из «нашего» вагона.

Девушка в топе смотрит «Навальный-лайф», прямая трансляция.

- Можно с вами?

- Да, конечно.

- Ройзман прилетел.

- Молодец!

14.40. Луговой проезд, 6

Где это? Это - в центре мира. Здесь сейчас Бог сверлит Землю взглядом.

Изучает букашек, что сползлись на сладкий запах свободы. Свободы во всю глотку орать «Не забудем – не простим!». Свободы идти плечом к плечу с нормальными людьми. «Герои не умирают!», - заявляет толпа, - «Он не боялся, и мы не боимся!».

Мы не герои. Поэтому на свободе. Мы все боимся. Но не сегодня. Не здесь. К черту рефлексии! Нас больше чем кажется – с нами Артём и те, кого не пустили с работы и универа, и те, кто и с палочкой не может идти по мокрому льду. Всё Марьино прильнуло к окнам. И никто ни разу не крикнул: «А ну, потише там!».

**Мирослава
Китеж**

ИЗ ТОЛПЫ

14.56. Луговой проезд, 6

Отпевание закончилось. Начали на полчаса позже и вот уже финита. В очках темно. Солнца больше нет. Солнце везут на кладбище. И мы пошли, раскачиваясь.

Вдоль нас стоят омоновцы и менты. Парочка ментов - он и она – не обращают внимания на шествие. Оба мелкие и распухшие. Он смотрит вдаль, она тянется к нему курносый носом, хочет потереться. Ей бы платье белое.

Вот и цивилизация – иностранный журналист с мохнатым микрофоном вопрошает: Anybody speak English? От толпы отделяется девушка.

«Ю-ля! Ю-ля! Ю-ля!» - скандирует толпа

«Россия-без-Путина! Россия-без-Путина!»

«Путин – убийца! Путин – убийца!»

«Не забудем – не простим!»

- Лена-а-а! - кричит какой-то мужчина. «Лена-а-а!» - подхватывают несколько голосов и смеются.

«Нет войне!»

«Даёшь свободные выборы!»

15.16 Вот и церковь

- А мы даже не слышали колоколов - стояли за домами!

- Не-е, звон был хороший - все замолчали и только собака скулила

Двигаемся медленно – под ногами теперь мерзкие лужи. Тротуар на метр сужен металлической оградой, на снежных отвалах каждые пятнадцать шагов «космонавты» - омоновцы в форме, пластиковых латах, с дубинами и шлемами.

«Свободу политзаключенным! Свободу политзаключенным!»

«Россия будет свободной!»

«Герои не умирают!»

Кто-то потерял перчатку. Кто-то гвоздику.

- У Сечина сын...

- У Иванова тоже погиб - в Дубаи.

Скользко, мокро, джинсы воды набрали и прилипли. Как там та пожилая дама с палочкой?

«Мы-здесь-власть!»

«Перемен!»

Борисовские пруды, 8

Пришли. Просторный двор, толпа расплзлась. До кладбища 400 метров.

Но попасть туда надежды нет. Люди с цветами немного нервничают. Цветы нужно возложить.

- Давайте здесь!

И люди возлагают «здесь». На снежном пригорке крест из двух связанных веток, толстая свеча, и букеты, букеты, букеты.

Скоро стемнеет. Еще раз смотрю на прекрасные лица. Уходить тяжело.

Кто-то воткнул красные гвоздики в сугроб, и парень лезет туда же со своим букетом.

- Погодите, - говорю, - мемориал там. - А заодно вытаскиваю гвоздики и несу к «мемориалу». Незнакомый мужчина поддерживает меня под локоть – скользко. Кладу на «мемориальный» сугроб чужие цветы. Миссия выполнена. Можно уходить.

В соседнем дворе несколько женщин на корточках вокруг машины. Под ней пушистая красавица кошка.

- Киса, кисонька, иди сюда, не бойся!

- Да она беременная!

- Иди сюда милая, я тебя в клинику отвезу. У кого-нибудь есть сумка?

Мирослава
Китеж

ИЗ ТОЛПЫ

И кошка выходит, и позволяет новой хозяйке себя погладить.

Хоть кто-то сегодня спасен.

В метро напротив садятся два красивых мужчины. Брюнет и «бывший брюнет» - кудри с проседью. Везет мне сегодня на кудрявых да на красивых. Платформа. Двери открываются. В вагон влетают трое полицейских – и к брюнету: «Молодой человек, пройдемте!». Секунда и кудрявого выводят через соседнюю дверь. Его спутник кидается вдогонку. Двери закрываются. Оборачиваюсь: на платформе целый отряд «людей в черном». Тут же пишу новость подруге. Пока я ехала, подруга всё узнала. «Андрей Морев, зам-пред московского Яблока и до 2022 года глава района Якиманка, возвращавшийся с похорон, задержан в метро Марьино по ориентировке (видимо, системе распознавания лиц). Возможно, с ним задержан коллега». К вечеру Морева отпустили. Меня отпустило через пару дней.

По подсчетам проекта «Белый счетчик» на похороны Навального пришли не менее 16.5 тысячи человек.

Задержаны – около 50 человек. Двое на моих глазах. Первым был мужчина «из толпы» с табличкой А4 на палке с фотографией Алексея и невинным «текстом».

**Мирослава
Китеж**

ИЗ ТОЛПЫ

П Р О З А

«Без интервенции нам не обойтись»

МОЛИТВЫ БЕЗБОЖНИКА

«Жизнь весьма загадочна, и в ней присутствуют сверхъестественные силы, которые влияют на наше существование»

Альберт Эйнштейн

Введение

Войны, растущая самоизоляция людей, мрачная обстановка в мире и вокруг нас опускают в состояние безысходности. Как дальше-то жить? Мы-то проживём, но за детей и внуков страшно и тревожно. Оптимизм всё чаще воспринимается как проявление глупости. Всё больше людей сползают в мистику. Те, кто могут, пытаются найти утешение в религии. Молятся. Меня лично формальная религия так ни в чём убедить и не смогла, и единственным укрытием для меня остаётся природа. Я даже как-то стишок написал на тему:

Признаюсь: в молитвы не очень-то верю:
Я глух, к сожалению, к древним словам.
Но на побережье в заката преддверии
Всегда прихожу, как к Всевышнему в храм.
Тревоги, волненья, наш мир бесноватый,
События все уходящего дня
На фоне божественных красок заката
На миг, как наркоз, отпускают меня.

Но и совсем ни во что неверующим себя назвать не могу. Я искренне загадываю желание на каждую падающую звезду. Мы всегда присаживаемся перед дорогой. И я сам напоминаю Свете зажигать свечи в пятницу вечером. Как-то спокойней от этого... Случилось в моей жизни несколько мистических эпизодов. И было пару раз, когда я искренне взывал к Богу. Попробую о некоторых рассказать.

Гриша

Папа любил рассказывать о семейном предании, когда на кого-то из нас наваливалась неприятность и опускались руки. Потом эту историю рассказывал детям и я.

Мой дед был из-под Луцка, города на западе Украины. До 1917 года город, вместе со всей Польшей был в составе Российской Империи. После 1918-го года, он стал частью независимой Польши. Когда, в 1918 году родился мой папа, они находились в доме моей бабушки в Минске, и после Брестского мирного соглашения, они оказались отделены от дедушкиной семьи государственной границей. Любая связь с заграницей могла закончиться арестом или даже расстрелом, и они не могли даже переписываться.

В 1939 году в результате пакта Молотова-Риббентропа и территориального раздела Польши между СССР и Германией, Луцк перешёл назад в Россию. В 1941 году бабушка и дед смогли, спустя 23 года навестить его семью в Луцке. Дед был тринадцатым ребёнком в семье, и когда они приехали в местечко, там было около 300 родственников: братья, сестры, племянники, племянницы, их дети, внуки, невестки, зятья, золовки, снохи.

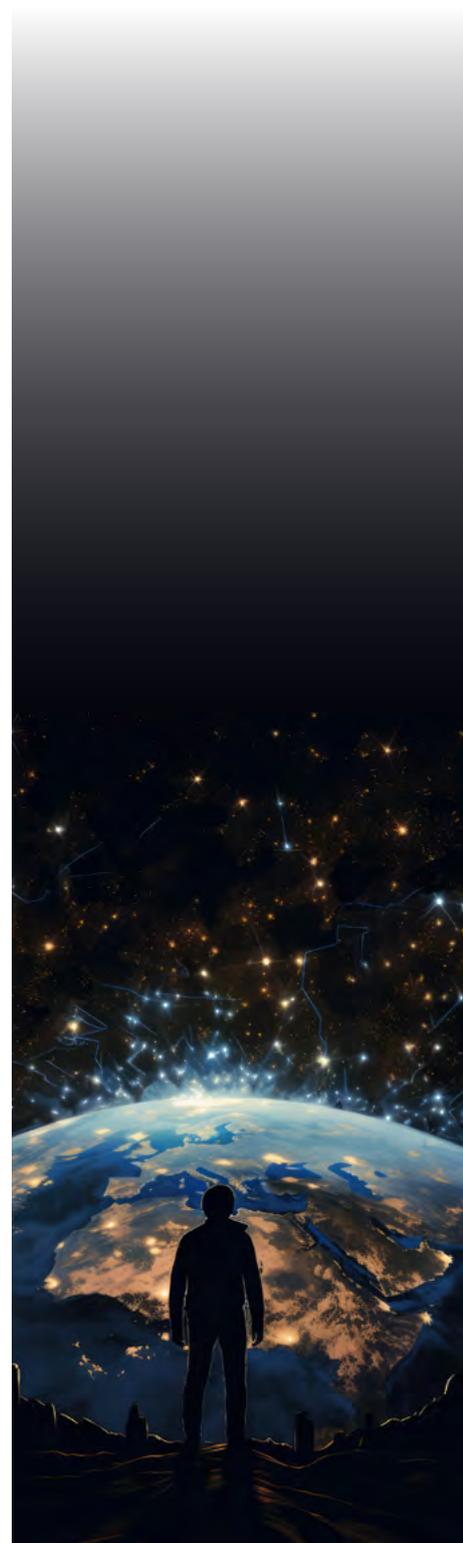
И у всей семьи там было горе: племянника Григория, который высказался против коммунистов, арестовали и увезли в Сибирь. Все его оплакивали.

Через несколько месяцев началась война. Луцк немцы заняли через неделю. А ещё через неделю все три сотни Наерманов расстреляли или угнали в Треблинку и Аушвиц.

Яков Наерман

США

В живых остался только «несчастный» Григорий. Его послали воевать (в лояльности евреев против нацистов никто не сомневался). Он закончил войну капитаном. Потом, через Польшу, уехал в Израиль. Я его не видел, но видел его детей и внуков.

Ворожба

С ещё одной забавно-трагичной историей, связанной с предопределённостью судьбы, я косвенно столкнулся сам. В 70-е работал в отделе главного конструктора автомобильного завода ЗИЛ. Нам прислали на экспертизу детали рулевого управления поливально-моечной машины на базе нашего грузовика ЗИЛ-130. Поливалька эта, часа в ипм ночи, на всей скорости врезалась в угол одного из деревянных домов по Таганской улице в Москве. В том углу спала восьмидесятилетняя старушка. Удар пришёлся ей в голову, и она скончалась, не просыпаясь. Шофёр говорил, что у него заклинил руль. Наше заключение должно было установить, был ли это несчастный случай или непреднамеренное убийство. С рулевым управлением всё было в порядке, и мы с нетерпением ждали возвращения конструктора, поехавшего на суд давать экспертные показания. Когда он вернулся, все собрались в туалете, выполнявшем роль курилки. Вернувшийся конструктор был явно обескуражен.

- Ну, что? Посадят?

- Посадят по полной: шофёр был, как выяснилось, далеко не первой трезвости. Но самое интересное не в этом

- ??

- Там выступала дочка этой бабульки. Её мамаше лет десять, как нагадала цыганка, что она погибнет, попав под машину. Бабка поверила и перестала выходить из дома. Даже в магазин. Но от судьбы, как говорится, хрен спрячешься!

Свет в Ночи

Люблю я себе на день рождения дарить короткие поездки и путешествия. В начале октября 1979 года я поехал на несколько дней к своему приятелю Тариелу Топурия в Сухуми. Дом их стоял за городом, практически на самом берегу. Море было не по сезону тёплым, градусов двадцать четыре или двадцать пять, теплее воздуха, и поздно вечером, устав от домашнего вина и грузинской кухни, я уходил плавать. Плавание в темноте тогда было особенно волшебным: море светилось. Этот феномен, называемый биолюминесценцией, наблюдается довольно редко. От моих гребков руки начинали мерцать фантастическими зеленоватыми рукавами и ощущение было совершенно сказочным.

В последний вечер перед моим отъездом слегка штормило и шёл мелкий дождь. Волны, разбиваясь, вспыхивали загадочной иллюминацией, и пропускать последнее купание я никак не хотел. Прыгнул под волну, поплыл брасом. Завороженный светящимися руками и пеной, я на какое-то время забыл о времени. Незаметно отплыл метров на двести или триста. Немного отдохнул и поплыл обратно. И вдруг случилось нечто ужасное: на берегу погас свет. Я слышал, что в Сухуми иногда бывают отключения электричества. От внезапно потухшего берега я впал в панику. Поплыл кролем так быстро, как мог, но проплыв, как мне казалось, вдвое больше чем было до берега, понял что ... заблудился. Вокруг меня разбивались, теперь уже светящиеся жутким, светом волны, освещая падающие капли дождя. Ни неба, ни звёзд не было видно. Я пробовал кричать, нахлебался солёной воды, понял, что кричать некому. Плыть перестал, сэкономил силы. Но головой понимал, что пять-шесть часов до рассвета мне не продержаться. Так страшно мне никогда не было. Прощаться с жизнью в двадцать семь лет был совсем не готов. Кажется, я плакал. Вдруг вспомнил притчу о том, как тонул сильно верующий. Тонет и громко просит Бога помочь. Проплывает мимо лодка. Рыбак с неё кричит:

- Давай руку, я тебя вытащу.

- Нет, мне Господь поможет!

Яков Наерман

МОЛИТВА
БЕЗБОЖНИКА

Потом другая лодка – та же история, третья – опять тоже самое. Утонул бедолага. Предстаёт перед Создателем с претензиями:

- Я был таким праведником всю жизнь, молил тебя, просил. Что ж ты мне не помог?

- Как не помог? Я тебе три раза лодку посылал. Ты сам отказывался!

Вспомнил я эту притчу и вдруг, не знаю, что на меня нашло, видимо от отчаяния, громко крикнул вверх:

- Помоги, коль ты там есть! Я отказываться не буду!

И в этот момент меня подняло на волне и вдруг я на мгновение увидел далеко-далеко красный отблеск поворачивающей на горной дороге машины.

Я сообразил засечь угол от этого света к направлению падающих капель и пене волн и медленно поплыл к невидимому берегу. Минут через тридцать я услышал прибой и, спустя ещё какое-то время, меня полуживого и ободранного выбросило на гальку. Отполз от воды, но идти сил не было, и я вырубился. Разбудили меня утром пограничники. Документов у меня никаких, естественно, не было, но поглядев на мою окровавленную и закоченевшую фигуру, они поверили, сжалились и, добросив до дома Топурия, отпустили.

18 Ханукальных Рублей

В этом году на празднование Хануки мы с друзьями попробовали новшество. После того, как зажгли ханукальные свечи, съели по тарелке картофельных оладий, и произнесли подобающие тосты, каждый по очереди стал рассказывать о каком-то чуде или просто приятной неожиданности, случившейся с ним...

И я вспомнил маленький, почти совсем забытый эпизод 35-летней давности.

Ханука 1988 года выпала на самый конец декабря. Мы готовились к отъезду.

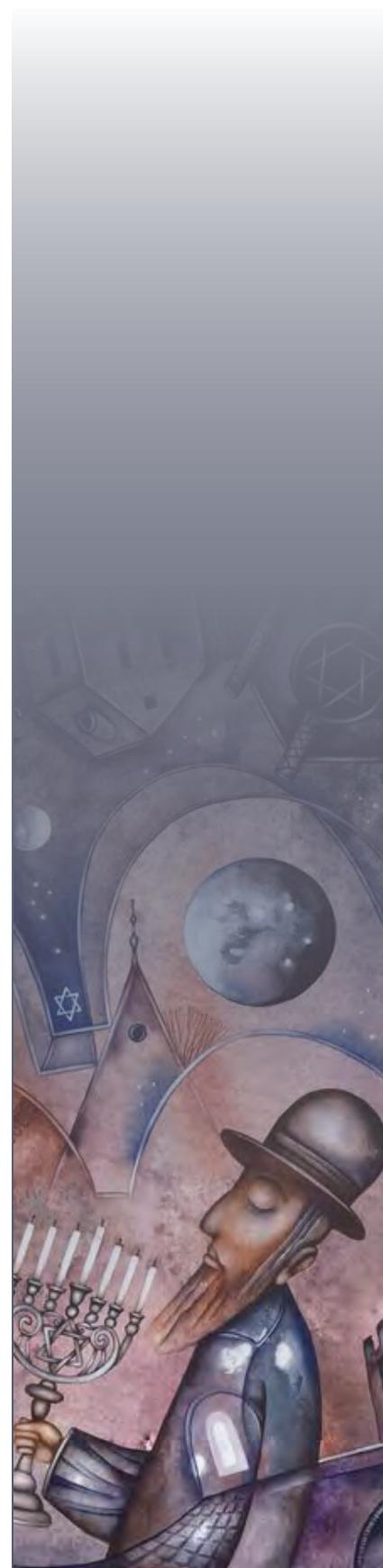
Вызовы на всех членов семейства пришли. Дилемма «ехать-не ехать» была обговорена-переговорена. Решение было принято. Но всё пока было на внутрисемейном уровне. Наступило время делать первые практические шаги: объявлять на работе, брать характеристики и выписки и начинать оформлять документы в ОВИРе. Процесс был односторонним: засветился раз, возврата не было. Из благонадёжных граждан ты переходил в разряд предателей-сионистов. Было жутко, было страшно. Очень хотелось, используя какие-нибудь зацепки, отложить всё это на потом. Но откладывать тоже нельзя: у вызова очень ограниченный срок действия. Наша проблема усугублялась тем, что жилось нам по советским меркам очень неплохо. У меня была хорошая работа, Лена только что закончила институт, было жильё, машина, прекрасные друзья... Юле было меньше года, Ленины родители никуда не ехали, а это означало, что оставляли мы их, возможно, навсегда. Всё более точили сомнения, а устройсь ли я «там» на работу, смогу ли обеспечить семью... Да и гарантий, что нам дадут разрешение на выезд, никаких не было. Отказы сыпались часто, а у меня когда-то была небольшая секретность. Всё более одолевали мучительные сомнения: вправе ли я так рисковать благополучием стольких людей?

И вот, накануне подачи документов, меня начало всерьёз поколачивать, я больше не мог сидеть дома, допил остатки коньяка, взял пачку сигарет и вышел на улицу. Было уже часов девять вечера. Несмотря на декабрь, в Москве моросил промозглый мокрый дождь со снегом. Я медленно шёл и курил. Настроение было подавленным. Вспомнил, что сегодня – один из дней Хануки. Подумал, что с отъездом бабушки и дедушки Хануку мы больше никак не отмечаем.

Вдруг вспомнил слова деда, которые он сказал мне перед отъездом: «Ехать, Янке, надо! Не повторяй ошибки тех, кто оставался, когда была возможность»... «Да, - мысленно ответил я ему, - тебе, верующему, было легче: «В следующем году – в Иерусалиме!». А ведь я-то ни во что не верю!

Яков Наерман

МОЛИТВА
БЕЗБОЖНИКА

И вдруг, не знаю что на меня нашло: я остановился, поднял лицо к падающим с чёрного неба холодным каплям и громко крикнул в никуда: «если ты там есть, то помоги, дай какой-нибудь знак!» Шедшие спереди две женщины обернулись и ускорили шаг. Я понял нелепость своего поведения и, понутив голову, пошёл обратно. И вдруг, почти подойдя к дому, под фонарём, я увидел какой-то целлофановый свёрток. Поднял. Там были кем-то обороненные деньги. Огляделся: никого. Посчитал. Шесть скрученных в трубочку трёшек. Ровно восемнадцать рублей. Но ведь восемнадцать, по еврейской традиции, - счастливое число. Мы ассоциируем число 18 с жизнью, долголетием и благополучием.

Я не часто находил деньги на улице. Но вот чтоб ровно восемнадцать через минуту после отчаянного вопля?!

На меня вдруг снизошло какое-то удивительное спокойствие. Из мучительно-неопределённого состояния меня эти 18 рублей переключили в статус уверенности и оптимизма.

На следующий день, без каких-либо колебаний я начал оформлять документы на отъезд. И ни разу не пожалел об этом.

А эти шесть трёшек я хранил, как амулет. Они и сейчас, наверное, где-то лежат в бермудском треугольнике нашего гаража...

Яков Наерман**МОЛИТВА
БЕЗБОЖНИКА**

**Вера
Арболь**

РОССИЯ - США

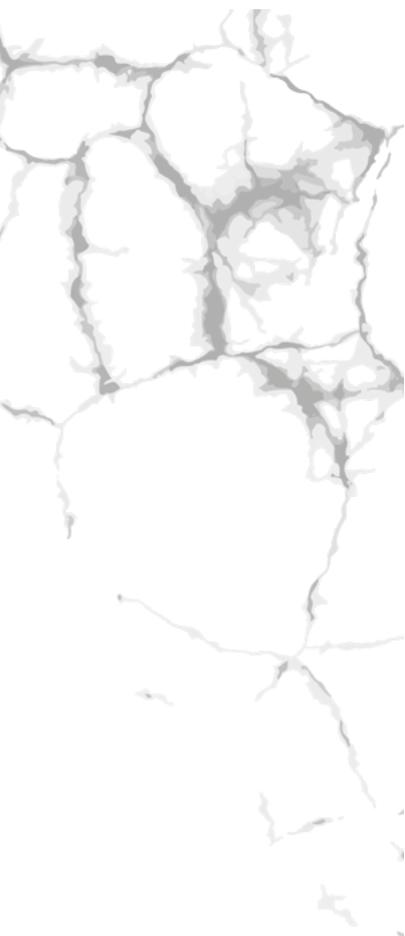
ПРИВЕТ, «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

Веничка, дорогой наш чел, докладываю, как на духу: хотели б мы попробовать твои хваленые коктейли: и «Ханаанский бальзам», и «Дух Женевы», и «венец трудов» – «Сучий потрох». Чтобы всё было, как ты описал: «и каприз, и идея, и пафос» и этот, как его, букет с гимном демократической молодежи. И особенно, то, что пробирало тебя до самых далёких печёнок – «Слеза комсомолки», когда сначала память твёрже твёрдого, но ума нет, потом через сто грамм ум появляется недюжинный, а память наоборот исчезает. Но где ж теперь внутренности сыскать для этих фееричных коктейлей?! Где взять, к примеру, шампунь «Садко – богатый гость», или резоль для очистки волос от перхоти, или даже зубной эликсир? Щас у нас на местном рынке продают цветные бутылёчки с иероглифами из Китая – а поди разбери, чего они там нарисовали. Мужичонка с глазками-щёлочками говорит, что товары эффективные, тока я не сильно ему верю. Толик ведь так и траванулся, бедолага, и откачать не успели – язык синий вывалился, как у собаки, а глаза наоборот впали – череп-черепом, с языком тока. Щас, Веничка, травануться – лёгкое дело. Водка палёная или ликёр могут под носом у тебя лежать, как мухоморы – красивые, да дешёвые. Да и всё равно берут их, черти. Ну, там уж кому как везёт.

А вот ты, Веничка, в корень смотрел насчёт революции и гражданской войны – щас у нас прямо всё так и происходит – по твоему плану. «Без интервенции нам не обойтись», – говорил ты. «Чтобы восстановить хозяйство, разрушенное войной, надо сначала его разрушить», – ещё говорил ты. И со своими соратниками вы объявили войну Норвегии и прочей Европе. И никто не спал в ту ночь. И ждали норвежских бомб.

Тока наш президент дальше пошёл – он не ждал ихних бомб, он сам напал, и чтоб далеко не ходить, по старой памяти недалеко пошёл – к братьям-славянам, к своим, значит, можно. Но это детали. Главное, что разрушение хозяйства происходит полным ходом, с опережением графика, так сказать. ЖКХ этой зимой на нет практически вышел – люди по всей стране в шубах спали. Мосты обваливаются. В межсезонье дороги в грязи и лужах утопают. Зато отличные декреты теперичав можно выпускать. Вот этот хоть – «Разговоры о важном» в школах (там патриотизм и гражданское воспитание самые важные), или о том, чтобы сделать 24 февраля праздником «Днём участника СВО» (это чтобы 23-е февраля безболезненно перетекало в 24-е без надобности опохмелки), или о запрете ЛГБТэшников – это ж песни, а не проекты! Пусть извращенцы прячутся теперь по подвалам. А нам свои семейные ценности сберечь надо от развращённого Запада, чтоб они потом к нам за получением опыта ездили. А ещё в нашей Госдуме предлагают девушкам не получать высшее образование, а сразу детей рожать, а то как же ещё восполнять потери людей в СВО (вообще, чё-то не хотят нынче рожать в России – странно как-то)? Да и много-много ещё всяких чудесных законопроектов напридумали – эт мы могём, эт мы запросто!

И с террором у нас, Веничка, дела обстоят получше, чем в вашей Петушинской республике. У нас вот человек какой с книжкой про войну и мир выйдет на площадь, а его под белы руки в каталажку и сопровождают – на что, мол, намекаешь, мил человек, шпион украинский ты, может?! Нечего народ в смуту вводить. Недавно самого главного оппозиционера президентского извели – умер, сказали, с кем не бывает-то. Да тока сначала они его травили и три года в тюрьме мурыжили, а под конец и вовсе в Заполярный круг отвезли, чтоб подальше от людей, значит. Политических по каталажкам,

Вера Арболь

ПРИВЕТ,
«МОСКВА – ПЕТУШКИ»

знаешь, сколько сидит – в наших лучших традициях. У нас, Веня, настоящие враги, не то, что у вас были. У нас и НАТО, и ИГИЛ, и неонацисты всякие. У нас по-взрослому всё тут. Нас даже если и предупреждают они, что теракт будет, мы ни за что не верим – что мы идиоты, что ли верить врагам? Вот в «Крокусе» – большом таком комплексе террор организовали: люди на концерт пришли, а их террористы приняли. И крышу подожгли. А полиция со спасателями сильно задержались. Так что кого не убили, тот в пожаре задохнулся. У нас, кстати, сейчас и афганские талибы друзья, и ХАМАС, что Израиль терроризируют, понятно зачем – опытом чтоб делиться. Так что террор у нас хорошо поставлен. А сейчас по горячим следам вот ещё смертную казнь хотят вернуть, и, если это случится, тут-то и закрутится!

Всё равно никому до нас дела нет, Венечка. Вот и я спрашиваю так же, как ты когда-то спрашивал: «Почему такое молчание в мире? Мир молчит от того, что затаил дыхание», глядя на наши российские забавы? Так же, как и ты спрашивал: «В состоянии войны мы с Норвегией или не в состоянии?», я спрашиваю: в состоянии войны мы с Западом или нет? Непонятно. Но у нас меры радикальные, Венечка, у нас ядерная бомба есть. У нас и президент – «личность, стоящая над законом и пророками». Ты-то вот сдал свои президентские полномочия и умыл руки, как Понтий Пилат, а наш президент категорически не станет этого делать. Вот он тут, неугомонный, записался на пятый срок правления. Тебе, Венечка, сатана предлагал усмирить свой духовный порыв, а ты его отправил, куда подальше. А наш с сатаной на брудершафт «Мадам Клико» пьёт – орёл. Тут он интервью дал Карлсону – не, не настоящему, который с крыши, с пропеллером, другому – журналюге американскому. Вот наш красавчик там: утёр нос капиталисту – всю историю мира в аккурат рассказал, у того в зобу дыханье спёрло – не выдержал, значит, величия нашего российского.

И-таки склоняюсь я к тому, что пора переходить на «Сучий потрох». Как ты, Венечка, сказал? «Музыка сфер»? О, да, чистая музыка и «борьба за освобождение человечества». Это ты точно подметил. Хотя постой – ингредиентов-то нет у нас! У нас же ещё эти, как их, санкции экономические – у нас, не то что средства от потливости ног не сыщешь, даже гвоздей элементарных не завозят. Так что главного не получится. Они ж начисто извели одеколон «Лесная вода» и чем теперь его заменишь в «Слезе»?

А ангелы твои набрежали тебе, Венечка. Засмеялись только? Ну, разумеется, они отлетели, и спасти тебя забыли. Обычное дело. И вообще, сдаётся мне, Венечка, что по сегодняшним временам нам только «Поцелуй тётки Клавы» и доступен. За упокой души твоей, Венечка. А если не нравится тебе там что, так ты просто встань и иди – хочешь налево, хочешь направо, иди, Венечка, иди, тебе можно.

Привет, коль не шутишь (ответ Венечки)

А! Так это внук Митрича мне написал, тоже Митрич?! Помню, помню вас, ребятки, как вы облизывались на меня в поезде, когда мы проезжали Храпуново, и как вы искали у меня компота и белого хлеба, и спёрли мой «Поцелуй тётки Клавы». Царица небесная! Неужто привет с родины до меня дошёл!? И что ж я думаю на молодого Митрича? Так дедушка, как пить дать, кони уж наверняка откинул. Мне б его тут где-то обнаружить – вот умора была б! Ну это я ещё обмозгую на досуге. А тут стало быть внучок письмецо наката. Или постой! Молодой Митрич, честно скажем, не силён в интеллектуальных экзерсисах был, да и в эпистолярном жанре, наверняка, не искушён. Так, может, это черноусый вспомнил обо мне, вольном страннике?

Тот черноусый, что от Есино до Фрязево всё про композиторов да писателей басни рассказывал – этот и письмо, пожалуй, написал бы, будь здоров!

Вера Арболь

ПРИВЕТ,
«МОСКВА –
ПЕТУШКИ»

Да... вот он уж был начитанный чёрт – от Мусоргского и Николая Римского-Корсакова до Герцена и Помяловского. И что ты, брат, вещал-то тогда? «Все ценные люди России пили, как свиньи» – так, кажется, ты говорил? Ну, тут правда твоя или даже Дмитрия Писарева, который так и написал, что говядину российский мужик позволить себе не может, а может только водку – вот и пьёт от невежества своего да нищеты. И помяловские разные сами все пьют от отчаянья, ибо помочь мужику ничем не могут. И попробуй скажи, что это всё враки – а ничего подобного! Ничегошеньки не поменялось с тех времён – как забетонировалось – мне-то сверху много чего видно. Вот, скажем, смотрю я сверху вниз и наблюдаю очередюку. Около чего б ты думаешь?! Мусорных баков! Приближаюсь чуть ближе и уже различаю, что это старички толпятся и даже по мордам друг друга охаживают, если разногласие какое у них происходит. А чего ж они делят, спросишь ты меня, черноусый друг. А просроченные продукты, отвечу я тебе. Да, да, именно так: просроченные продукты. Пенсии-то на нормальные, свежие, не хватает, вот и приходится по помойкам пропитанием заниматься. А ещё видал тут на днях целый рынок просроченных продуктов – самый что ни на есть настоящий. И кто там опять же колготился, поинтересуешься ты. А те же самые пенсионеры несут туда свои последние деньги. Вот такое прекрасное будущее Герцена.

А, вот, кстати, о Герцене. Ты, мил человек, может и не черноусый вовсе, а? Может ты декабрист в коверкотовом пальто, который поразил черноусого тем фактом, что тайный советник Гёте совсем не пил? Ох уж я помню, как ты хвастался, что у тебя тридцать плохих женщин, которые лучше, чем одна хорошая, и ещё историю про своего приятеля и Ольгу Эрдели рассказал. Если это ты, так ты много ещё чего нарасказывать мне можешь. А я уж, конечно, слушать тебя стану, ибо повторю снова, что надо чтить потёмки чужой души: смотри и чти, смотри и не плюй – вот что я повторю тебе, декабрист.

А вот ты помнишь, как я тебе с черноусым про Америку рассказывал, что у них там на каждой роже столько достоинства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую семилетку? И что по эту сторону Пиренеев русского человека совсем не ценят? Так вот всё это и сейчас сплошная правда. Да, сплошная, не сомневайся.

Ты, верно, слышал а, может быть, и участвовал в борьбе с наводнениями, декабрист? Помнишь, весной, когда в Оренбургской области прорвало дамбу, Орск-таки почти весь ушёл под воду, и потом ещё несколько областей затопило? Власти тогда прорыв ни за что не признали и, соответственно, не предупредили граждан, и граждане потеряли собственность, нажитую тяжёлым трудом. Да-да, потеряли, то есть подчистую. Так какова цена, спрашиваю я тебя, человеческого достоинства в нашей стране? Пострадавшим-то обещали горы золотые, а на поверку нате-выньте – десять тысяч! (Или двадцать одна – не суть.) А по нынешним-то меркам с учётом инфляции это ведь тридцать серебряников, декабрист! Улавливаешь, куда я клоню? А туда, декабрист, что за десять тысяч сатана в лице властей выплатил населению, чтобы они место своё знали, что достоинство их такое и не ждали большего. Находились смельчаки, конечно, да против сатаны они бессильны оказались.

И вот тут злость меня взяла. Ах ты, думаю, Василий Козупица – шельмец ты эдакий, а не мэр города Орска, что ж ты врешь-то так бессовестно! И ты ведь, декабрист, прав, что и мои ангелы мне набрехали и покинули меня в жестокий час. Мои тоже шельмецы оказались. И поэтому я сделал нечеловеческое усилие над собой и обратился куда надо, и сам попал на ангельскую должность. Не спрашивай меня, как я это сделал, но я попал. И вот когда чувство несправедливости обуяло меня, я решил вмешаться. Я так устроил, что Дубай, где проживал сын мэра Орска в прекрасной квартире, тоже потерпел наводнение, и сын так же, как жители Орска, претерпел разные

Вера Арболь

ПРИВЕТ,
«МОСКВА – ПЕТУШКИ»

страдания и лишения. Мои потуги, конечно, похожи на каплю в нескончаемом море порока и беззакония, но зато совесть моя чиста. А по нашим с тобой временам и уже это немало, декабрист.

Да и что говорить и впустую сотрясать воздух, друг! Но ведь я теперь ангел – и могу называть всё его настоящим именем. Так вот я говорю: много-много сейчас творится безобразного и ужасного на нашей многострадальной родине: и позорная кровавая война в Украине, и чистки генералов в армии, и герои СВО – бывшие зеки, вновь совершающие насилие над беззащитными, и бесконечное вранье и террор государства. И во главе всего президент – безбожник, прости Господи. И только одна надежда у меня на таких, как ты, кто б ты ни был – черноусый, декабрист или даже канцлер Вадик Тихонов. Не думаешь ли ты, кстати, что я и вправду не знаю, кто это мне написал? Да только не скажу для конспирации. Это я ведь так, для игры, для фарсовости момента – фарсу много нынче.

А ты, главное, держи нос по ветру, глаза открытыми, и я прошу тебя: не называй чёрное белым, а белое чёрным. И не стучи на ближнего своего, перетерпи, а то ведь сегодня ты, а завтра тебя – ох, уж сколько стукачей развелось – травить-не перетравить, и подлецов разных помолов и разливов. Как тебе, скажем, этот – Алексей Кан, отправивший в СИЗО двадцать килограммов соли пожилой женщине-педиатру, чтобы израсходовать весь её лимит на передачи? Помнишь, её по доносу одной дуры-родительницы арестовали? Так вот если ты всяких подобных мерзостей делать не будешь, то тогда настоящие ангелы, а не бандитское фуффло, будут тебе в подмогу.

И вот ещё что, милый друг, не верь батюшкам, которые утверждают, что герои СВО воскресают из мёртвых. Как православный, ты должен знать, что это смог сделать лишь один человек – Иисус его звали. А если не знаешь, так просто поверь ангелу Веничке – он-то врать не станет – у него Царица небесная в свидетелях.

Приготовиться жить

Олена помнила только внезапный всепоглощающий грохот. Она провалилась куда-то в темноту. Казалось, что дым, гарь и жар заполнили собой всё пространство – может быть, так выглядит преисподняя? Оглушённую взрывом, Олену словно парализовало – она не могла пошевелиться в кромешной тьме. Через какое-то время её сознание всколыхнулось, и неуверенной рукой она стала ощупывать своё лицо, тело, ноги. Она не могла понять, что с ней случилось после взрыва. Чувствовала нестерпимую боль – левая нога придавлена чем-то тяжёлым. Олена стала шарить пространство вокруг ноги и нащупала шершавую каменную глыбу – это она зажала её ногу. Подумала, что раз она чувствует боль, то нога ещё принадлежит ей. Обеими руками она изо всех сил – слава богу, руки её слушались – надавила на глыбу – не помогло.

Олена постаралась собраться – ей нужны были силы, чтобы освободить ногу. Она закрыла глаза и замерла. Гарь била в нос, ставила заслонку в горле. Олена вновь ощупала свою одежду и нашла почти оторванный лоскут своей туники, она рванула его и этой тряпкой закрыла рот и нос, завязав её на затылке. Она, наконец, осознала, что присутствует ещё на этом свете и находится где-то внутри обломков дома. Вновь попыталась вытащить ногу из-под глыбы – это причиняло адскую боль. Минут через пятнадцать изнуряющих усилий у неё это получилось. Нога, очевидно, была серьёзно повреждена – Олена оттащила её в сторону, как какой-то неживой предмет. Там, где она находилась, было немного места – в сидячем положении она нащупала две плиты, сложившиеся буквой «л» над головой. Она оказалась запертой в каменном шалаше.

**Вера
Арболь**

ПРИГОТОВИТЬСЯ ЖИТЬ

Олена сидела и отдыхала, пытаясь сообразить, как ей быть дальше. Прошло часа два, так ей показалось, когда она почувствовала вибрацию в кармане куртки. Она припомнила, что с утра моросил дождь, а когда прогремел взрыв, она собиралась выходить из типографии. Она вытащила мобильник из кармана и с удивлением обнаружила, что его экран засветился и показал время 12:30 – будильник сообщил о назначенной встрече с редактором. Связи не было. Однако, Олена увидела, что телефон имеет 87 процентов заряда. Она помнила, что включенный мобильник мог помочь спасателям найти её под завалами быстрее. Теперь, когда обнаружилась вещь, соединяющая её с миром, у неё появилась надежда. Она решила, что нужно экономить батарею телефона и не поддаваться соблазну тыкать пальцем в экран.

Война шла уже больше двух лет, и в Харькове все давно привыкли к военному положению. Олена совмещала работу корректора и составителя учебных пособий для школ и детских садов. Дома её ждали двое маленьких детей – сын и дочка. С начала войны муж-анестезиолог дневал и ночевал в больнице – операций прибавилось в разы. Мама Олены присматривала за внуками, пока их родители пропадали на работе.

Сегодняшнее утро не было каким-то особенным. Весна приходила неспешно, дразнила кратковременным теплом и снова удалялась, уступая место холодному дождю. Как обычно, Олена сначала собралась сама, позавтракала, потом собрала в школу детей. Андрийко ходил в третий класс, Гануся – в первый. Она наспех поцеловала их и выбежала за порог, предоставив маме проводить учеников до школы.

Сейчас, под завалом, сердце Олены сковала нестерпимая тоска от мысли, что она может никогда больше их не увидеть. Она заплакала: «Господи, как такое возможно? Зачем ты оставил меня в живых и не дал возможности обнять детей, мужа и маму в последний раз?» Её разрывало изнутри от несправедливости и беспомощности. Она дала волю слезам, и они катились, словно беспорядочные капли дождя стекали по стеклу окна, до тех пор, пока повязка на лице не увлажнилась. «Что ж, это даже к лучшему», – подумала она, – «влага уменьшит запах гари. Зато у меня наконец-то есть время подумать о своей жизни», – с горькой усмешкой отметила она в голове. «Как ужасен будет мой конец, если я умру здесь медленной смертью от нехватки воды и воздуха. Если бы у меня была астма, наверно, я бы уже задохнулась в этом смраде. И это было бы моим благословением. А теперь вот страдаю, раз здорова». Она вспомнила, как год назад вот на этом самом месте они с девчонками обсуждали печальное происшествие: пять человек задохнулись в батискафе на месте крушения «Титаника». «Какая глупая смерть!» – искренне сокрушалась она. Если б она могла только представить, что подобная участь будет ожидать и её! «И что бы ты сделала, если б знала?» – спросила она себя и тут же получила честный ответ: «Ничего».

Олена никогда не отличалась набожностью, в церковь ходила от случая к случаю, но сейчас ей казалось совершенно естественным молиться – а когда же ещё? И она зашептала слова мольбы: «Боже, помоги мне выбраться отсюда и обнять детей, мужа и маму. Я всегда буду хорошей мамой, женой, дочерью, обещаю, только спаси меня, Господи». Сами собой слова превратились в жалобную песню из репертуара её любимой группы «Океан Эльзы»: «обійми мэне, обійми мэне, обійми...» Нехитрая молитва и обрывки песни принесли некоторое успокоение. Олена впала в новую фазу оцепенения, но через несколько минут очнулась, и уныние снова начало овладевать ею: что, если никогда больше?

Время превратилось в склизкий кисель, свободно блуждающую жидкость вокруг живой клетки. Невозможно было понять, сколько прошло – час, три, или полсутки. Олена вдруг вспомнила про мобильный и достала его из кармана привычным жестом.

**Вера
Арболь****ПРИГОТОВИТЬСЯ ЖИТЬ**

Экран услужливо зажётся и покажет, что прошло ещё около двух часов. Она стала усиленно прислушиваться, и как ей казалось, действительно слышала глухие шумы. Она снова затихла.

Повреждённая нога непрерывно ныла, так что Олена уже даже привыкла к этой боли. Через пятнадцать минут она открыла галерею фотографий в телефоне и принялась их просматривать. Сотни, тысячи фотографий. Она всегда фотографировала много и детально. Из-за этого памяти в телефоне оставалось совсем немного, но у неё никак не доходили руки перенести и стереть старые фото. Сейчас Олена была благодарна этому обстоятельству – она влезла в глубины галереи и обнаружила настоящие сокровища.

Вот их с Андрийкою выписывают из роддома: лица мужа и мамы светятся, она немного бледная, но тоже счастливая, прижимает дорогой комочек к груди. Вот сын в садике на новогоднем утреннике в костюме зайчика – длинные уши смешно свисают по сторонам, зайчик озорно улыбается. Вот дочка в коляске, вокруг цветущие деревья – как сейчас. А это первое сентября: нарядные дети стоят на линейке перед школой – девочки с белыми капроновыми бантами, в белых колготках, мальчики в отглаженных форменных брюках. Какие прекрасные малыши. Вот муж и она – вместе смеются на дне рождения подруги Оксаны – сколько они уже вместе, кстати? Девять лет, неужели десять? Максим обнимает её за талию, прижался щекой к её – такой родной. По лицу Олены снова катятся слёзы. Фотографий очень много, их можно смотреть целые сутки, вот только б не расходовался заряд. Но заряда уже 49 процентов. Ещё чуть-чуть и выключу, думает Олена.

Мама в свой день рождения – с шикарным букетом любимых хризантем. Не выглядит на свой возраст – моложава, очаровательные ямочки на щеках. «Надо же, как я раньше их не замечала? Ведь мама ко всему прочему – прелестная женщина. Почему я никогда ей этого не говорила?»

Поездка в Хорватию: каменистый пляж, римские развалины, изящные городские пейзажи, местный фестиваль культуры. Их снятый на время отпуска дом утопает в розах, кустики лаванды у крыльца придают ему европейскую элегантность. Дети ещё детсадовского возраста. Счастлирое время. Олена глубоко вздохнула: «И почему у меня никогда не было времени, чтобы разложить эти фото по папкам, систематизировать, распечатать, наконец? Много я уже и забыла. Какая отрада видеть всё это вновь!» Олене вдруг подумалось, что все эти фото были сделаны специально для этого момента, что вот все они существуют ради одной только цели – выжить под этими плитами в руинах типографии.

Что, если никогда больше?

Больная нога как будто занемела. Ужасно хотелось пить. Олена не могла больше плакать. Инстинктивно она понимала, что даже плакать в её ситуации – непозволительная роскошь, как в фильме «Дюна», который они недавно посмотрели с мужем. Нельзя, если она собиралась дожидаться спасателей. А что, если её не найдут? «Не смей!» – тут же приказала она себе, – «не смей так думать!»

«Боже, помоги, у меня ещё много дел, мне ещё детей поднять на ноги надо, прошу тебя, помоги».

Олена вновь стала молиться про себя. Она чувствовала, что теряет силы, что она, словно мобильник, растрачивающий свой заряд, который неминуемо достигнет нуля. А внутри ведь столько всего...

И всё-таки гарь и удушливость постепенно сделали своё дело – Олена потеряла сознание. Оно вернулось к ней через несколько часов, когда чьи-то сильные руки сначала поддерживали плиты, поднимаемые строительным краном, потом дотронулись до её плеча. Она открыла глаза, но тут же закрыла, ослеплённая дневным светом. «Дотянула, – промелькнул отголосок в её голове, – теперь я буду жить».

**Карина
Исакаева**

УКРАИНА

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

А не было никакого предчувствия.

Две тысячи двадцать второй год начался с запаха корицы, гвоздики, муската и надежды.

В моём доме все декабри пахли корицей - я пекла пряники, и пространство наполнялось духом Рождества. А этот декабрь к тому же упоительно пах надеждой. Вот-вот планета победит ковид и заживем лучше прежнего. Так и въехали в 2022 год – с пряниками, корицей и надеждой.

Снаружи пахивало войной. Да что там говорить, уже не пахло – смердело. Мизантропы проникали в мысли, планы, разговоры. Но не для меня – я спряталась в своём уютном доме под тонкую шаль ароматов.

Да и откуда ей взяться?

Глупость какая.

Средневековый анахронизм.

Не может быть.

Но каждый день по дороге на работу, я выхожу из троллейбуса на остановку раньше, чтобы пройтись. Через парк Горького или по тихим старинным улочкам. Брожу и наглядеться не могу. Фотографирую, фотографирую, фотографирую...

Можно было бы сказать – предчувствие войны, можно – предчувствие прощания. Можно – но нет, не было его.

ДО НАЧАЛА ВОЙНЫ - ТРИ МЕСЯЦА

На самом деле война идет уже восемь лет, восемь долгих лет Харьков – прифронтовой город, принявший на себя волны беженцев. Многие тут и остались. Переселенцы. Старое как мир слово обрело новый, с привкусом полыни, смысл.

- Ты останешься или уедешь? – спрашивали друг друга бывшие донецкие и луганские.

Уж эти запах надвигающейся беды распознавали безошибочно. И мне бы прислушаться, но я думала - дуют на воду. Травмированные войной - они теперь от любого резкого звука вздрагивают.

Знакомая из Донецка еще в январе схватила сына в охапку и уехала в Тернополь в полной панике.

«Паникерша, - подумала я, - нашла время для отпуска».

Сочувствую ей искренне, сострадаю, но – не верю.

Ну какая может быть война в самой большой стране Европы?

ДО НАЧАЛА ПОЛНОМАСШТАБНОЙ ВОЙНЫ - 25 ДНЕЙ

- Я пыталась не привязываться к вещам, - говорит девушка из Луганска, - но не получилось. У меня опять милых сердцу вещей больше, чем я могу взять с собой – беру каждую в руки и мысленно с ней прощаюсь.

Говорит печальным голосом, руки лодочкой, как будто в них лежит котёнок, смотрит сквозь руки туда, где осталась её прежняя жизнь. Здесь она создала новую, из осколочков. И теперь снова - мерзкие щупальца войны.

«Еще одна паникерша, - думаю я, - нашла повод для переживаний». Сочувствую ей искренне, сострадаю, но – не верю.

Ну какая война в двадцать первом веке!

А вот такая. Она уже идёт – восемь лет. Метастазами окутала Крым, Луганск, Донецк.

**Карина
Исакаева**

Мы говорим шестого февраля. Я записала это в своем ежедневнике. Это самый странный ежедневник в моей жизни. В нем нет дат и дней недели. Зато у него тисненый золотой корешок, металлические уголки и желтоватые странички с прозрачно проступающими дворцами, замками, марками и почтовыми штемпелями.

Этот блокнот я купила года три назад – из-за его невысказанной красоты, но так и не придумала, что в него писать, писать-то надо что-то невысказанно прекрасное. А в новом, прекрасном две тысячи двадцать втором году я назначила его ежедневником.

Как будто бы я знала, что дни будут без чисел, недели без счёта, а месяцы сольются в один сплошной февраль. И никаких планов на будущее. Нет будущего – нет планов. И мой искусственно пожухлый ежедневник дожухнет самым естественным способом, на дне рюкзака, утонет залитый слезами.

Но нет – не было этого предчувствия – год должен быть таким же дивным, как этот винтажный блокнот. А даты – напишем от руки.

ДО НАЧАЛА ВЕРОЛОМНОГО ВТОРЖЕНИЯ В УКРАИНУ - ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ

- Ты уже знаешь, что ты будешь делать? – спрашивает меня сестра. Она пережила войну в Израиле, она тоже знает ее запах, чувствует ее приближение. Но я упорно думаю, что и она – паникёрша. Ну что она там, в Канаде, может знать о нашенских реалиях. Ну какая может быть война?

Но мы собираем деньги и документы в тревожный чемоданчик и держим бак в машине полным. Что должно быть в тревожном чемоданчике – любимая тема донецких и луганских. Они могут его собрать во сне. Одной левой. Не приходя в сознание. Они уже приняли решение. Уже каждый из них знает самое главное: кто останется и кто уедет. И у каждого есть веские аргументы в пользу этого решения. Но независимо от решения чемоданчик должен быть. Тому, кто едет – в путь, тому кто останется – брать в убежище. Смешные такие. Какое может быть убежище тут, в Харькове? В милом, мирном, безмятежном Харькове. Таким наполненным жизнью, кипящем весельем, переливающимся разноцветьем огней и афиш.

Я слушаю их разговоры вполуха. К реальной жизни они отношения не имеют. Харьков и война – понятия несовместимые.

ДО ОБСТРЕЛОВ НАШЕГО ДВОРА - СЕМЬ ДНЕЙ

Несколько лет назад мы переехали из центра на тихую окраину, отделенную от города многокилометровой полосой леса.

Поближе к границе с агрессивным государством – поселок примет первый удар.

Красивый дом, дивный вид – дальше только леса и поля.

Дом раскинулся белым лебедем, красиво смотрится с окружной, особенно в прицел.

На последнем этаже, сверху никто не топает, выше только звезды.

Электричества не будет месяцами, лифт встанет намертво.

Рядом с университетским ядерным реактором. Кто же будет бомбить ядерный реактор? Это невысказанно! Бессмысленно! Опасно!

Будет.

Надо запомнить всем, везде и навечно: тот, кто сбрасывает бомбы, не руководствуется логикой и здравым смыслом.

Квартира с большой студией, мебель - специально выдуманная, скроенная и сшитая другом дизайнером под мои хобби.

Его уже нет. Он – мариуполец.

**Карина
Исакаева**

Чайный домик на лоджии – каждый гость выбирает себе чашку: из невесомого фарфора или увесистую из глины и чай из коллекции. Или кофе. И мы завариваем чай, варим кофе и говорим, говорим, говорим. И от этого чая, от этих разговоров разливается тихое счастье и заполняет всё вокруг.

На лоджии справа и слева влетели осколки, всё – вдребезги, а мои чашечки, говорят, целы. Бесмысленный тонкий фарфор. Напоминание о невозвратимом прошлом.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ФЕВРАЛЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ГОДА

22.02.2022. Красивая дата.

Иду в Никольский.

Тот самый, который разбомбят первым.

Дети скачут на интерактивном ковре. Это так заразительно, что сама делаю пару шагов и смотрю, как разбегаются из-под ног разноцветные картинки. На душе тихая радость - завтра у меня день рождения, и я пришла сюда за красивым платьем. А купила толстое, теплое, вязаное, уютное, оверсайз.

Его наденет через две недели мама, когда мы отправимся в эвакуацию, в неизвестность. Можно было бы сказать – предчувствие, но нет, не было его, я не верю в войну. И не слушаю паникеров. Вы о чем, люди?

ДО КОНЦА МОЕЙ СКАЗОЧНОЙ МИРНОЙ ЖИЗНИ В МОЕМ УЮТНОМ ДОМИКЕ В САМОМ КРАСИВОМ РАЙОНЕ ХАРЬКОВА НА КРАЮ ПРЕКРАСНОГО ЛЕСА ОСТАЛОСЬ ДВА ДНЯ

23.02.2022

Я хорошо помню утро 23 февраля 2022 года. И ощущение тихого счастья.

Как шла по пушистому снежку и радовалась. Просто жизни, снегу, грядущей весне. Строила планы и удивлялась. Планы были скучноваты, но от них было на душе тихо, солнечно и неопишимо счастливо.

В этот день мне исполнилось 55. Погода была чудесная, жизнь наконец-то была чудесна именно так, как мне мечталось и будущее представлялось тихим и безоблачным, каким-то чересчур тихим.

Поговаривают, что может быть война. В последнее время часто поговаривают. Па-ни-кё-ры!

Ковид показал всем, как хрупка человеческая жизнь, как уязвимо человечество. Впервые Мир что-то делал именно всем миром. Мы всей планетой сидели в карантине. И всей планетой поняли ценность каждой минуты, каждого дня, каждой жизни.

Человечество теперь умеет что-то делать всей планетой - тут до решения глобальных проблем осталось полшага. Смотрите, какой красивый год – 2022 – что плохого может случиться с таким красивым годом? Самое страшное – локдаун – позади, чего нам бояться?

И я искренне убеждала в этом всех вокруг, в этот самый день, в офисе, этими самыми словами. Хорошо запомнила. День был такой – памятный, и день рождения и последний день мирной жизни.

Вечером прощаемся с друзьями на опушке леса. За день навалило снега, они идут прокатиться на лыжах. Шутим про последний снег и последнюю лыжную прогулку, и про то, как мне повезло жить на самой опушке леса и при этом в миллионном городе, а им вот, приходится ездить со всеми лыжами.

Лыжная прогулка на самом деле последняя, снег выпадет еще не раз и даже апрель будет снежным, еще одно испытание военного года, вот только всем уже

**Карина
Исакаева**

будет не до прогулок, лес до сих пор заминирован, на том самом месте, где мы прощаемся завтра будет бой и подбитый броневик будет стоять еще много дней.

Уютно отметили красивую дату дома с мужем и котом. Обсуждаем, как отметим с родственниками, как отметим с друзьями, как полетим в Испанию и как это будет здорово – вот из этого пушистого снега и прямо в Испанскую весну. Впереди - счастливая вечность.

ДО КОНЦА СЧАСТЛИВОЙ ВЕЧНОСТИ - ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Мы проснулись от страшных звуков обстрела и еще более страшных звуков – боя. Бой был совсем рядом, буквально под окнами.

Нет, это муж проснулся и разбудил меня – тихим, страшным, потеряннным голосом.

- Что? – спрашиваю.

- Всё... - отвечает.

И такая тоска в голосе... Такая невыразимая черная тоска! Чернее этой февральской ночи. Чернее отвратительной пустоты, которая вдруг разверзлась и поглотила всё: жизнь, планы, встречи, весну. В одну секунду стало ясно – всему этому конец. Всё. Исчерпывающий ответ.

Стоим на балконе, куруем сигарету за сигаретой.

Вспышки и сполохи выхватывают из темноты очертания домов, панически вспыхивает свет в окнах, видны силуэты мечущихся людей, силуэты, застывшие изваяниями.

Страх придет позже. Паника, отчаяние, ярость – все это позже. Первой пожаловала тоска, прогрызла в душе черную дыру, и эта дыра всосала всю радость, все краски мира.

Вокруг только война и февраль. Дни без чисел. Недели без дней. Февраль без края и исхода.

ВСЁ.

Художник Аня Черненко

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Часть 1.

К вопросу об ангелах

Ангелы живут среди людей. Они рождаются как обычные люди, живут как люди, и в свой срок умирают. Они такие же как люди, их почти невозможно отличить. Невозможно, если не знать, на что смотреть, на что обращать внимание. Тщательно присмотритесь к ближним.

Ангелы могут быть женщинами или мужчинами. Они могут быть любого роста и комплекции, красивыми и не очень. Они могут иметь любую профессию или увлечение. Они радуются и огорчаются по тем же поводам, что и люди. У них разнообразные вкусы и пристрастия во всем. Они ведут точно такую же жизнь.

Иногда они не знают, кто они.

Как же отличить ангела, если они настолько похожи?

Ангелы слегка андрогинны. Даже если они выглядят очень конвенционально, все равно остается легкий намек — в повороте головы, или взгляде искоса, или даже в том, как ангел открывает дверь. Но чтобы заметить такие мелочи, надо быть настоящим параноиком.

Ангелы, что называется, приносят удачу. Или находят решение или выход в безвыходной ситуации или просто выход. Ангел может просто объяснить сложные вещи или даже вовсе необъяснимые. Ангел понятен, он всегда говорит на вашем языке, настроен на вашу волну. Ангел всегда подставит плечо, когда вы в этом нуждаетесь, или жилетку — зависит от ситуации. И его не надо об этом просить. Для ангела такие вещи естественны. Ангел будет радоваться вашим победам. И ему ничего не нужно от вас взамен.

К ангелу вы будете испытывать безотчетное доверие. Ему вы расскажете свои тайны — страшные, стыдные или трепетные, вы поделитесь с ним самым горьким и самым сложным, о чем не собирались вообще никогда никому рассказывать. Но вы никогда и ничего не узнаете о нем, даже если он будет с вами откровенен.

Ангелы нравятся животным и детям. Вы с удивлением увидите, как ваш агрессивный, не любящий чужаков, кот придет к нему тереться об ноги, а стеснительный ребенок принесет ему свою любимую игрушку. Ангел не стремится нравиться, но почему-то нравится всем. Он не обязательно весельчак и балагур, он вообще может быть довольно мрачным молчуном, но тем не менее вы почувствуете симпатию к нему.

Ангелы незаметны. Даже обладая яркой внешностью, они могут затеряться в компании, мимо него будут сновать люди, происходить какое-то общение, но ангел не будет в это общение вовлечен. С ангелом ничего не может случиться. Хотя, конечно, они тоже болеют или калечатся, но выздоравливают. Ангелам невозможно причинить вред. Ангел может один ночью гулять по кишасшему бандитами району, увешанный золотом и бриллиантами, и на него никто даже не обернется.

Обещания ангелов всегда исполняются. Если ангел сказал вам, что все будет хорошо — так оно и окажется. Даже если вы упали в канализационный люк. Ангелы всегда находят слова, которые нужны вам в данный момент.

Ангелы обладают обаянием и даже шармом. Но при всем своем обаянии ангелы абсолютно сексуально не привлекательны. Сексапил отсутствует у них как принцип. Даже обладая аппетитными формами, они не пробуждают ничье либидо. Так что если у них и случаются сексуальные партнеры, то это скорее всего люди с отсутствующим эмоциональным интеллектом, напрочь лишённые эмпатии или просто нарциссичные твари. Ангелам не везет в любви. Впрочем,

**Тиффани
Эйк**

ФРАНЦИЯ

сам ангел скорее предпочтет любить недоступный объект, чем вступать в длительные романтические отношения, хотя это и причиняет боль.

Ангелы одиноки. Хотя некоторым из них случается заключить брак с человеком, но стать чьей-то половиной они не могут. Ангелы слишком цельные и самодостаточные. Поэтому с другими ангелами семейных отношений тоже не получается.

У ангелов не бывает детей.

Ангелы ценят жизнь. Хотя им случается прихлопнуть комара, за вашу жизнь они будут биться до последнего шанса. Они никогда не сдадутся. Если вас можно спасти — они это сделают. Ведь для них нет ничего дороже жизни.

Ангелы живут среди людей. А вы видели ангела?

Часть 2.

Всякая бесовщина

Наличие бесов вокруг нас сомнений не вызывает. На самом деле, бесов не так много, как казалось бы. Бесы приносят в жизнь людей здоровый оптимизм, беспочвенное веселье и бесшабашность. От людей с виду их вообще не отличишь, а иногда они просто чистые ангелы. Анделы.

Отличить беса от человека невозможно, разве что бес сам захочет быть опознанным. Так что его можно подозревать, но окончательно удостовериться вам не удастся, пока он сам себя не назовет. А бес назовет, уж будьте уверены. Бесы тщеславны и страшно гордятся своей бесовской натурой.

Бесы живут весело и словно в последний раз. Хотя конечно не в последний. Как бы то ни было, они здесь надолго. От этого в их веселье сквозит некая горечь, словно пряность в коктейле. И разумеется, поэтому бес напьется до положения риз, а если вам посчастливится оказаться рядом в этот момент, то его павшее тело — ваша забота.

Бес всегда — душа компании. Хотя вопрос о наличии души у бесов дискутируется. В любом случае, вы не сможете пройти мимо этого фейерверка. Бес генерирует идеи и делегирует их выполнение собравшимся. И вот вы уже едете в Петергоф купаться в ночных фонтанах, а бес мирно спит на заднем сиденье.

Бес никогда и ни в чем не виноват. Потому что не отвечает за решения, принятые взрослыми людьми добровольно. Да, бес подает идею, но подхватить ее и тем более воплотить в жизнь — это ваша собственная инициатива. С точки зрения беса вам достаточно лет, чтобы просчитывать последствия своих действий.

Бесы обаятельны. Через полчаса после знакомства вы будете уверены. Что знаете этого беса всю жизнь, что он ваш близкий друг.

Бесы живут легко. Разумеется, их тоже могут терзать мрачные мысли, как быть, куда мы идем, что все это значит и где взять денег на все перечисленное? Но все складывается само собой.

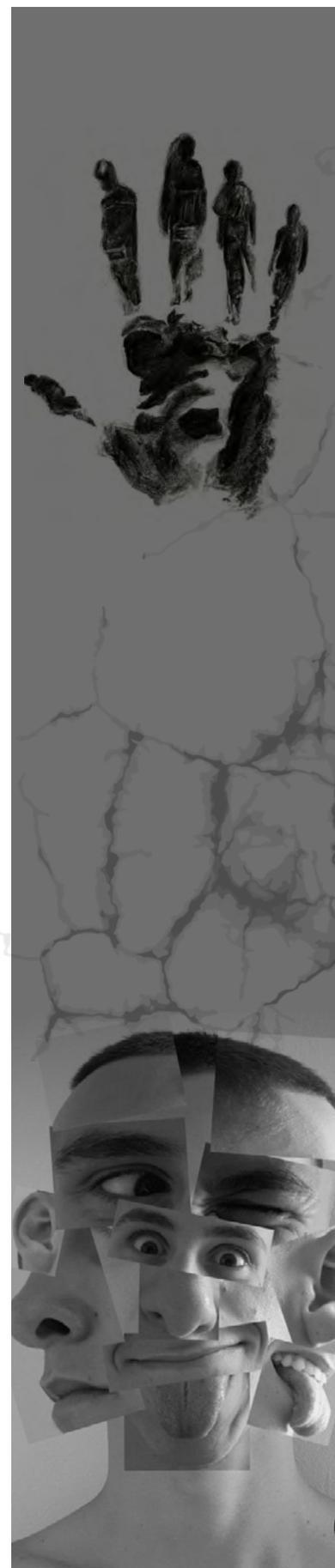
Бесы могут заниматься всяким. Но натуры они творческие. Натворить могут что угодно, чего не угодно и провести аукцион своих произведений под занавес, а потом скрыться с барышом в неизвестном направлении. Бесы любят быть в центре внимания. Поэтому бес непременно выйдет на бис, даже если кому-то придется его туда нести.

У беса отсутствует чувство направления и времени, потому что он всегда здесь и сейчас. И не выпить ли нам по этому поводу?

У беса всегда есть ответ на любой вопрос. Даже если его никто не спрашивает. Даже если он не развирается в предмете. И вовсе не потому, что он врет как дышит. Хотя и поэтому тоже. А потому, что он не может проигнорировать заданный вопрос. Бес всегда знает, как правильно. Но это не значит, что правильно для вас. Или для него самого или для кого угодно еще. Это такое сферическое правильно в вакууме. Но это вы должны выяснить самостоятельно.

**Тиффани
Эйк**

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Своей главной жизненной задачей бес считает показать, как не надо делать. Разумеется, вам тут же захочется повторить. Как надо делать, бес не знает. Ему незачем. Вам надо — вы и узнавайте. Тоже мне, нашли у кого спрашивать.

Бес постоянно влипает в истории, иногда леденящие кровь и вселяющие ужас. Но всегда как-то выпутывается. Если беса занесёт темной ночью в глухой переулочек, через три минуты он уже будет хохотать в компании единомышленников, которые хоть и украдут у него часы, но зато заплатят за выпивку и дадут денег на такси.

Вы конечно не сможете перед ним устоять. Вы влюбитесь в него. Бес будет искриться и пениться, как шампанское. вы потеряете голову, а также совесть. А потом вы ему наскучите. Это непременно произойдет, потому что люди в основном скучные. И бес отдалится от вас, после чего вы потеряете еще и время, пытаясь вернуть все как было раньше. Но для бесов не существует «раньше», бесы живут в настоящем.

Возможно вы попытаетесь предложить бесу душу, но если вы ему надоели, то и ваша душа ему не нужна. Как, впрочем, и любая другая.

Когда бес увлечен вами, вам покажется, что вы попали в сказку. Но эти сказки никогда не заканчиваются свадьбой. Вы не сможете жить долго и счастливо. А бес сможет. Нет, он не хочет зла, но и блага тоже не совершает.

Глядели когда-нибудь в калейдоскоп? Вот бесы как раз такие.

Часть 3.

ЛЮДИ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

А все остальные — люди.

РИМ

О дикарях ходят разные слухи. Они сами их о себе охотно распространяют. В основном о том, что они дики. Дики, но благородны. Что мол, хотя они по большей части одеты как попало, редко моются и меняют белье, но зато честь у них на первом месте.

Первое место, в котором помещается дикарская честь, очень странное и, казалось бы, вовсе нелогичное, но что возьмешь с дикарей?

Еще дикари, хоть и говорят по-нашему почти без акцента, очень обижаются на слова. Видимо понимают все-таки плохо. Честь их никто задевать не собирается, поскольку ни у кого нет желания иметь дело с тем самым местом и с дикарями, которые на этом самом месте буйно помешаны, да так, что и вас зарежут, и место уничтожат, буде кто на честь посягнет. Ну или дикарю покажется, что посягали. Или он решит, что ему как раз надо, чтоб будто посягнули, потому что и место надоело и вы ему не нравитесь.

Как и положено дикарям, себя они считают избранными, а все остальных — выродками и вообще недочеловеками. Они преисполнены чистоты и добродетели, а все остальные — грязные грешники. Возражать или объяснять им что-либо бесполезно, поскольку любое слово от грешных выродков — суть ложь и соблазн и просто белый шум, и слушать они не станут. Кроме того, слова у дикарей очень ценны, но только если они говорят между собой. Для всех остальных их слова ничего не стоят. Однако если они вам угрожают, лучше принять меры безопасности, кто их разберет, может они и не шутят. Хотя поговаривают, что будто и промеж себя дикари не то что бы очень уж... Но это скорей всего завистливые наветы.

Дикари считают, что вы находитесь здесь, только потому, что они вам это позволяют. Они достаточно великодушны, чтобы позволить вам дышать. Но не слишком глубоко.

**Тиффани
Эйк**

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

**Тиффани
Эйк**
ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Им нравится, что вы о них думаете, но они не думают о вас вовсе, вы и весь ваш погрязший в смраде порока и глупости мир их не интересуют вообще, за исключением благ, которые вы должны предоставить им добровольно. И дать гарантии, что будете относиться к дикарям с уважением. И не требовать от них взаимности, поскольку вы суть скверна и само ваше присутствие оскорбляет, а они к скверне очень чувствительны и оскорбления не терпят. Иначе — урон чести. И всё.

Дикари считают себя выше вас. И даже будучи на голову вас ниже, он будет смотреть на вас свысока. И считать себя умнее вас, даже если он едва может прочитать две строчки и накарять свое имя, а у вас — докторская степень по квантовой физике. В его представлении вы все равно остаетесь низшей тварью и должны помнить об этом.

Дикари всегда ведут себя как хотят. Ваши правила и приличия — это ваши правила и приличия, вот вы их и соблюдайте. А они будут вести себя в вашем обществе как угодно. В конце концов, ваша безопасность — это ваши проблемы, так что вы ведите себя правильно и может быть вам повезет. Хотя правильную линию поведения с дикарями выработать невозможно — дикари все время меняют условия игры.

У дикарей есть идея о Великом Отечестве, ради которого они готовы убивать. Их Отечество настолько прекрасно, что все остальные им люто завидуют и хотят это Отечество завоевать и присвоить. Чтобы этого не произошло, дикари превентивно вторгаются в чужие границы и располагаются там, как у себя дома, принося свои варварские обычаи. Покоренные народы при этом должны быть рады и отдать всё. Если они не рады, их нужно убить, чтоб не портили пейзаж своими недовольными рылами. И это не преступление, а приведение мира в соответствие с представлениями дикарей. Дикари верят, что им за это ничего не будет, потому что они не делают ничего плохого.

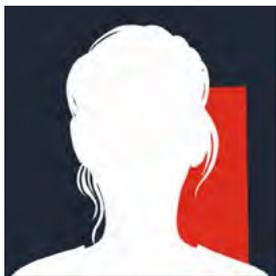
Также они убеждены, что рождены для того, чтобы все остальные им прислуживали. Потому что таковы законы природы или гор, или их право победителя. Потому что у них есть что-то, чего нет у вас. И это самое что-то дает им превосходство над вами. Дикари считают, что у них — великая миссия, духовность и особый путь, который в конечном итоге приведет в рай, а остальные просто сдохнут.

Впрочем, дикари любят, что называется, блага цивилизации — красивую одежду, мощные автомобили и даже университетское образование. Многие из них переодеваются в костюмы и даже модно стригут бороды и расплачиваются за это банковскими картами. Кое-кто умеет пользоваться столовыми приборами за едой. Кто-то ходит на концерты классической музыки. Однако почти каждый из них помнит, в каком шкафу висит его воображаемая шкура неубитого медведя и где зарыт придуманный фамильный кинжал. В крайнем случае всегда можно посмотреть записи в айфоне. Пользуясь этими благами, дикари презирают вас за то же.

Дикари так давно среди нас, что мы уже перестали их различать. Мы привыкли к ним. Мы воспринимаем их как данность и в глубине души надеемся, что нам удалось их как-то цивилизовать или хотя бы слегка одомашнить. Или что на фоне других дикарей наши уже практически неопасны. И от наших даже есть некоторая польза — они отпугивают чужих дикарей, создают нам некоторую стабильность. И пока наши дикари всем довольны, мы можем хотя бы вполглаза спастись спокойно.

Хотя задворками ума, загнанными практически в бессознательное, мы понимаем, что в любой момент дикари откопают кинжалы, наденут свои шкуры, и тогда все пойдет по тому месту, где находится их честь. По пизде.

**Анна
Суттерлин**

USED TO BE

На русском языке мы можем сказать с разной интонацией, выделяя разные части одного и того же предложения: «Это была моя страна». Выделив «это», подчеркнем указание на текущее состояние (положение) объекта или (если до этого контекст содержит описание реалий) – то положение и состояние, о котором было сказано ранее. Выделив «моя» - обозначаем принадлежность, чувство родства, сделав ударение на «была» - факт такой принадлежности в прошлом.

Собственно, в английской версии интонации также будут иметь значение, но и в письменной речи, кроме курсива или подчеркивания, есть специальная возможность, особое место, грамматическая конструкция, где прошлое выражено либо обычной констатацией факта, либо констатацией факта с чувством усиления и сожаления, примешанным к этому факту. Такая тонкая, на чувственном уровне разница между *was/used to be*. В английском переводе, если нам нужно просто констатировать данность, мы скажем: *This was my country*. Если же констатации недостаточно и автор текста хочет сделать ударение на «было», показать чувство потери, он может написать: *This used to be my country*.

Раньше я понимала эту конструкцию иначе.

Мне казалось, что там есть элемент долженствования и «примерности» – в значении «вот какой должна была быть моя страна».

Но как-то уже военным летом я услышала эту конструкцию именно так, с сожалением, в старой песне Мадонны:

This used to be my playground,

This used to be our pride and joy.

This used to be the place we ran to

That no one in the world could dare destroy.

Удивительно, как слова меняют свой смысл от контекста, в котором ты их слушаешь и проживаешь. То, что раньше казалось лирической историей про закончившиеся отношения двух некогда близких людей, обрело новую грань, дополнительную поверхность. Слушая Мадонну, проезжая в такси мимо знакомых московских улиц, я заплакала, потому что теперь текст для меня стал одой утраченному времени, потерянному дому: действительно, этот город, как и вся страна, когда-то был моей территорией, моей радостью, моей гордостью. И да, здесь были уголки, куда я могла «сбежать», почувствовать себя в безопасности, и никто в целом мире, казалось, не мог бы у меня эти потаенные места отнять.

Что же, кое-кто всё же смог.

Сегодня я поймала себя на таком же чувстве от песни российской группы ДДТ «Это всё, что останется после меня», которую уличные музыканты поют на Триумфальной площади, перед входом в метро «Маяковская», недалеко от концертного зала им.П.И.Чайковского. Место, время и песня, конечно, сошлись в идеальном тандеме так, что нарочно не придумаешь. Бьет меня в самое сердце.

Ведь что это за место такое – Триумфальная площадь в Москве?

Триста лет назад тут были триумфальные арки для торжественного въезда в город царя Петра Первого – триумф для молодой еще империи, когда эти слова (империя, триумф) обладали совсем иным весом и смыслом. Сто пятьдесят лет назад уже был широко известен композитор Петр Ильич Чайковский, чьим именем назван концертный зал – несмотря на то, что в современном российском информационном поле довольно достоверно известно о его нетрадиционной ориентации и самая известная его симфония посвящена его другу и любимому, о композиторе хорошо отзывался даже патриарх Кирилл, известный борец с «противоестественным смешением полов и так называемой ЛГБТ-идеологией». Сто с лишним лет назад тут был так называемый «вертеп Омона» (в честь Михаила Григорьевича Омона), не имеющий к тому, что сегодня русскоязычное сообщество понимает под «омоном», ничего общего.

Анна Суттерлин

USED TO BE

И тем не менее, именно «вертеп омона» уже в том самом современном смысле случился уже на моих глазах в этих же местах. Чуть больше 15 лет назад, в 2009 году, каждое 31-е число у метро «Маяковская» начали собираться так называемые «несогласные», движение в защиту 31-й статьи конституции РФ о праве собраний, которое перетекло и переросло в оппозиционные шествия 2011-2013 годов, «территориальным» оппонентом которых на той же Триумфальной и ее окрестностях всегда был именно российский ОМОН (сокр. от Отряд Мобильный Особого Назначения, с 2016 года – подразделение Росгвардии).

Участников этих оппозиционных движений – «маршей несогласных», позже «болотного движения» - в 2009-2013 годах провластные структуры презрительно именовали «белоленточниками», потому что символом их, унаследованным от мирных протестов 2006-го года против произвола ГАИшников, стала белая лента. При этом смысл протестной белой ленты с самого ее появления был как минимум неоднозначен даже для оппозиционных кругов из-за вышедшей в том же 2009 году кинокартины Михаэля Хайнеке «Белая лента», где название ленты – метафора, отчасти предтеча нацистских нарукавных повязок. Еще более удивительно сейчас, из 2023 года, вспоминать, но одним из идеологов использования белой ленты в акциях против мигалок и уж точно самым медийным популяризатором этих протестов был не кто иной, как Владимир Рудольфович Соловьев, тогда ведущий программы «Соловьиные трели» на радио «Серебряный дождь», а ныне печально известный выразитель провластных идеологием, пропагандист и фигурант всех списков персональных санкций со стороны большинства цивилизованных западных стран, наложенных в 2022 году на наиболее одиозных представителей российской Z-журналистики.

И вот так в этом городе и в этой стране повсеместно: куда ни глянь, в одной точке пространства и времени сходятся до абсурдного противоположные явления, порой называемые одними и теми же словами; с разницей в пару лет, а порой и месяцев приходится перепроверять себя, правильно ли ты помнишь про какого-то человека, его позицию и поступки; истории – переписываются и затираются более яркими и свежими, по-живому, по живой памяти на скорую руку набитыми смыслами.

Я стою посреди Триумфальной площади и, оцепенев, слушаю шевчуковские строки «С нами память стоит у стола, а в руке ее пламя свечи. Ты такой хорошей была, посмотри на меня, не молчи». Шевчук, которого сегодня, 40 лет спустя, запрещают ровно за то же самое, за что «брали на карандаш» майоры в советское время, просто-напросто, видимо, во все времена умеет найти честные слова.

Ко мне подходит подруга, с которой мы собрались пойти на концерт, «в гости к Чайковскому». 12 лет назад мы встретились на митинге на площади Сахарова – говорят, то был самый массовый в протестах 2011 года. Так что это свой человек, с ней можно. Я утыкаюсь в ее теплое плечо, чтобы спрятать слезы.

Память со свечой в руках на пути у сметающего всё, почти всемогущего ледяного ужаса беспомощности.

Это была наша страна.

This used to be our pride and joy.

**Анна
Суттерлин**

ВЫЖИВАЛИТИ-ШОУ

имени Р.Бениньи, Дж.Оруэлла
и святого духового оркестра Республики Беларусь

Никогда бы не подумала, что стану продюсером. Но стала: с 2022 года я генеральный, исполнительный и очень дотошный младший-на-побегах продюсер моего личного выживалити-шоу. А ниже будет, что называется, «библия проекта»: концепция, персонажи, техтребования и методы работы.

«Выживалити», строго говоря - это всего-навсего очередное реалити-шоу на российском ТВ. Но для меня это новый жанр жизни в стране, которая была и остается моей родиной. Выживалити - не про то, как выжить физически (хотя это тоже важно и является конечной целью всего проекта). Но мой концепт про то, как остаться и живым, и человеком, и самим собой одновременно. Рабочее название «Легче сказать, чем сделать».

«Поухавшие, молчать!» - такой комментарий весной 2022 года я прочла в обсуждении новостей о «бешеном принтере» новых законов и репрессиях в ответ на правильное словоупотребление терминов «война», «аннексия», «оккупация» и одновременное использование цветов неба и солнца в одежде.

«Классный совет», - подумала я. - «И для оставшихся в РФ он еще более классный».

Хотя автор комментария, конечно, имел в виду нечто совсем другое.

Так у моего выживалити-шоу появился первый безымянный соавтор. А сразу следом и второй - режиссер Роберто Бениньи. Если помните фильм «Жизнь прекрасна», там главный герой дал своему малолетнему сыну задание-игру, которая (спойлер) помогла мальчику выжить в концлагере. Вот и я решила расщепиться на наивного ребенка, у которого будет в этом диком новом мире своя странная игра, и взрослого, который рассказывает о правилах.

Итак, первое правило выживалити-шоу: играть круглые сутки, молчать и всегда прятаться от NPC (non-playing character, неигровой персонаж в компьютерных играх). А еще - нельзя проявлять чувства, жаловаться, плакать и просить еду, даже когда все NPC вне зоны видимости.

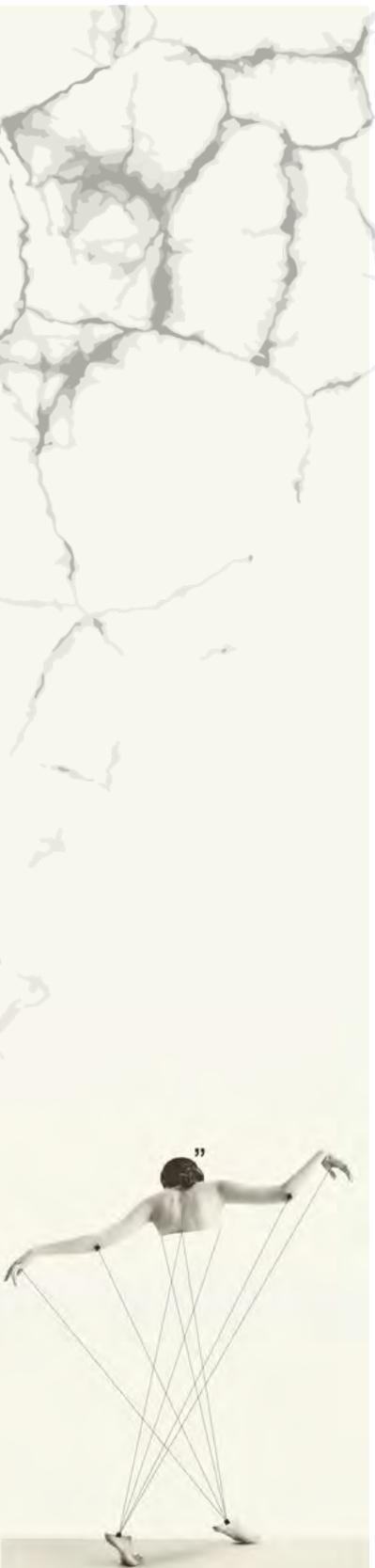
Что же тогда можно?

Наблюдать. Запоминать. Собирать разрешенные материалы - газеты, журналы, скрины. Архивировать. Фотографировать новую реальность тоже поначалу было можно, но когда за фото стали давать сроки (с формулировкой, мол, работал на украинских кураторов, проводил фотосъемку местности), пришлось прекратить. Записывать. Советоваться внутри себя каждый раз при каждом взгляде на каждого человека - NPC перед тобой или нет, с ним можно только молчать или, например, о чем-то аккуратно спросить. Придумывать себе квесты.

И я собирала, запоминала и записывала. Особенно меня волновал меняющийся на глазах смысл слов в русском языке: на смену редким артефактам вроде «хлопок» и «отрицательный экономический рост» весной 2022 года не пришел, а буквально хлынул поток новояза. А когда скринить, покупать и анализировать российскую прессу стало совсем тошно, придумала себе новый квест - собирать истории и разговаривать с не-NPC.

И тут пришло время еще одного соавтора моего выживалити - Джорджа Оруэлла. Причина проста: если при обработке потокового новояза с чувствами я еще кое-как справлялась, то в разговорах с людьми без изобретенного Оруэллом метода двоемыслия («двоемыслие - душа ангоца») обходиться стало совсем сложно.

Второе правило выживалити: двоемыслие, способность одновременно удерживать в себе два вектора «взрослой» части личности. Детская часть психики может вынести коричневые дурнопахнущие массы лжи и абсурда, на которые столь богата оказалась русская земля, благодаря игре.

Анна Суттерлин

ВЫЖИВАЛИТИ-ШОУ

Но и своего взрослого, который «задает правила игры», мне пришлось также расщепить надвое. Наверх, в зону соприкосновения с другими людьми («зона соприкосновения» это, к слову, новоязовский эвфемизм для линии фронта) был вытаскен шарнир-мэн, роботизированный взрослый-пофигист с заданными шаблонами социального взаимодействия. А думающий, чувствующий, реагирующий на стимулы реальности Настоящий Взрослый (НВ) - припрятан вглубь черепной коробки, поближе к ребенку.

И выходить НВ оттуда может только для связи по зашифрованным каналам, пока шарнир-мэн имитирует живого человека в матрице. Например, на вопрос «Почему ты хочешь уехать из России?» он умеет отвечать «я маленький человек, на меня давит все величие происходящего здесь» - и в своем ответе даже ни разу не врет. Настоящий Взрослый тоже с этим согласен.

Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию.

Я до сих пор думаю, что это был самый оптимальный способ настоящего себя в условиях российских реалий сберечь - суметь его припрятать до лучших (или хотя бы более безопасных) времен. «Внутренняя Монголия» Пелевина, выкрученная на максимум. Судя по разговорам с московскими, питерскими и провинциальными моими информантами (это мой личный антропологический эвфемизм для NPC) - все, кто остался, примерно то же самое и делает, с разной степенью осознанности этого процесса.

Даже когда я пересекаю границу, мой внутренний продюсер не торопится сразу после погранпоста открывать шампанское, кричать «стоп, снято» и выпускать Настоящего Взрослого из коробки танцевать гопак. Сначала - осторожно размять затекшие ноги. Не так-то просто перестать быть героем выживалити! На это уходит примерно месяц (реабилитация через слезы и воздух свободы). По окончании месяца вся съемочная группа по очереди жмет руку шарнир-мэну, благодарит за проделанную работу, скидывается ему на гонорар на следующий сезон и отправляет в коробку вместо НВ.

Сформулировать третье правило выживалити-шоу мне помогла старая и относительно добрая ТВ-программа «Угадай мелодию» и ее главный герой - духовой оркестр Республики Беларусь под управлением Михаила Финберга. Этот коллективный соведущий одинаково хорошо «подыгрывал» всем участникам программы, не разделяя их по религии, цвету флага и убеждениям. И вот мой внутренний продюсер уцепился за этот концепт и поставил беспристрастного исполнителя писать сценарии и диалоги для шарнир-мэна.

И надо сказать, они неплохо сработались! Разговоры с людьми в России со временем стали похожи на настоящие. Также это позволило разговаривать не только с теми, кто против войны, но и с теми, кто за. В другой конфигурации я бы не смогла.

Именно этот плодотворный союз обнадежил меня, что однажды из моих записей родится настоящая книга. Что я смогу показать тем читателям, кто уехал из России давно и не может заглянуть за занавес лично, не только чудеса новояза и то, что происходит в России во время (и, надеюсь, вскоре уже и после) войны. Но и живые голоса тех, кто остался. Потому что мне хочется дать право голоса не только тем, у кого его отняли и кто уехал во Внутреннюю Монголию, но и тем, чей шарнир-мэн говорит словами российской пропаганды. «Мои мама и папа превратились давно в телевизоры», как пела певица, чей псевдоним по-постмодернистски иронично начинается на букву Z.

Там ведь тоже где-то внутри живые люди, за этими шарниромэнами. Чьи-то Настоящие Взрослые. По себе знаю.

Надо дать им шанс однажды выйти из коробки, размять ноги и станцевать гопак.

Я БУДУ КРИЧАТЬ «МАМА» ПО-НЕМЕЦКИ

Быль

Мрак сгущается. Слово Мир под запретом. На карикатуре человечиска с жалкой попкой, роняя лапти, целует ботинки китайскому си. На заднем плане руины. Обломки нашего будущего. На торцах высоток портреты в касках. Госдума отменила отсрочку для многодетных отцов. Поблажка только тем, у кого четыре ребенка и все младше шестнадцати. Исполнилось старшему семнадцать – ступай, папка. И да украсит лик твой стену бывшего дома твоего.

Пока же у нас тыл. Скоро Последний звонок. Родительский чат бурлит. Мамашу из министерства кроет: «Как можно тратить деньги на глупости, когда фронту не хватает». Мудрая Амалия из родкома успокаивает: «И во время Великой Отечественной праздновали».

Девятое мая. Мы с мужем в Питере. С вокзала - не налево, на Невский, а направо на Суворовский. Гуляем по залитому солнцем городу. Дороги перекрыты, никого. На красном светофоре написано «АУ». Возле Смольного растворяемся в «застывшей музыке» Растрелли. Спасибо Варфоломей Варфоломеич. Вечером - в Михайловский на «Спартака». Два прекрасных часа «танца с саблями». Выходим улыбаясь.

Дома началось: сочинить напутственную песнь родителей, забрать работы из художки, оформить, найти те, что учитель куда-то сунул, оформить, отвезти, привезти, за рулем порепетировать песнь, где белая рубашка, есть две, обе грязные, постирать, будильник на шесть – погладить, заскочить в поликлинику, никого нет - можно спеть распевку для прожарки голоса, купить цветов по пути на Последний звонок.

Приходим в школу за минуту до начала. Зал полон, стоим в дверях, сзади напирают. Двадцать человек не влезло, посчитала. Нам все видно, но душно, тесно, в руках цветы.

Программа насыщенная. Долго. Сплясали дети, спели родители, всплакнули учительницы. Жарко. Слово родителям. Выходит та, которую крыло.

Пафосная речь. Скучная, вязкая, неуместный анекдот. «Я, - говорит, - рада, что у нас такие хорошие дети - все пели гимн, я посмотрела, взрослые не все пели, а дети видно - любят родину. Вот скажите мне, хочу проверить, как вы любите родину, скажите мне сколько квадратных километров занимает Российская Федерация?» Я переминаюсь с ноги на ногу. Душно. «Я вам скажу, ребята, Россия – сама лучшая страна, мы недавно отмечали День Победы, вот какая у нас прекрасная страна. А сейчас идет священная военная операция и наша страна очень прекрасная. И очень хорошо себя проявляют героически наши воины на границе с Украиной». У меня сводит челюсти, только бы не запустить в нее букетом. И вдруг несколько женщин в зале начинают неистово хлопать в ладоши. Так бывает в театре, когда восхищенные зрители аплодисментами прерывают актера. Но эта овация больше похожа на истерику - ничего восхитительного. Почему они захлопали? И почему я, оглушая стоящих рядом, вдруг заорала во всю свою прожаренную глотку: «Браво-о-о!»?

- Че орешь? – дернулся муж.

Больше никто ничего не сказал.

**Мирослава
Китеж**

РОССИЯ

ДВА ДНЯ В ОДЕССЕ...

И счастье в мелочах...

В том, чтобы гулять под легким морозящим дождем по пустому пляжу, изо всех сил стараться надышаться морем, йодистым специфическим запахом отмерших водорослей, наслушаться вкрадчивым плеском волн...

Кто знает, когда еще...

Кроссовки облеплены песком, как панировочными сухарями, по куртке стекают капли. Мокрый, черный и веселый лабрадор тащит мне свою фрисби, чтобы я ему ее бросила. Хозяева спрятались под навесом и не хотят с ним играть, ждут солнца. И оно, наконец, появляется. С подарком в виде лгбт-шной радуги аркой над морем, которую все кидаются фотографировать, и я, разумеется, тоже...

Счастье — сидеть на лавочке в Аркадии, пить горячий травяной чай и рассматривать прохожих. Вот две пары, в возрасте, прогуливаются неспешно, смеются, у женщин в руках букеты желтых нарциссов...

К музыкальной какофонии из кафешек примешиваются звуки дрели и стук молотков, скоро сезон, Одесса готовится...

Мальчишкам-хипстерам (волосы в пучок, претензия на бороды, серьги, атласные жилетки поверх белых рубашек и начищенные оксфорды) выносит кальян мальчик рэперского вида (сползающие джинсы мешком, футболка на вырост и кепка)...

Вот стайка девчонок, позируют под роскошной магнолией: «Что это за дерево такое?» — спрашивает одна. «Сакура, наверное, розовая же!» — отвечают подружки... Украинская речь у нас, в Харькове, звучит чаще. Практически все мои пациенты моложе 25 лет розмовляють українською. А молодежи больше здесь. И улыбок на лицах...

И знаете, кого больше? Мальтезок. Белоснежные Бритнюшины сородичи встречаются очень часто. И вообще много подобной несерьезной собачьей мелочи. Бегают суетливо, вприпрыжку, семят тонкими лапками, поводки-рулетки ниточками тянутся к хозяевам. Команде «рядом» таких и не учат. Их просто любят. Они — признак уюта и мирной жизни...

Здесь — солнце ласковое, море, электричество, вода, стабильный инет, вкусный форшмак и мидии, и иллюзия благополучия, которую изредка нарушает вой сирены. Одесса держится, чаще успевают сбивать...

Там — дети, дом, собаки, работа...

Обстрелы, подвійні удари, загиблі і поранені...

По полдня без света, и это в идеале, если по графику...

Привкус отчаяния и бессилия, которые мы упорно прячем за фразами «нас не зламать!» и «х@й вам, а не Харьков!»...

В день отъезда сидим в «Даче» Савы Либкина. Атмосферно, столики на улице под старыми акациями, людей куча, дети, тюльпаны цветут...

Идиллию рушит тревога и отдаленные глухие «бахи»

ПВО. Отдыхающие кидаются в здание ресторана, снаружи остаемся только мы и пару менеджеров.

Ракета на Затоку...

Сбивают. После отбоя подходит официант. «Испугались?» — спрашиваю я. «Ну да, отвечает он. — В коридоре постояли. А вы нет?» «А мы из Харькова» — улыбаюсь я. «Аааа, тогда да, понянятно» — тянет он и смотрит, отчасти уважительно, отчасти как на смертников, — «Я читал, что надо из Харькова уезжать, захватят» «Мы возвращаемся сегодня. Не захватят. Бомбить будут, но не захватят» — убеждаю я его. И себя...

Два дня в Одессе...

И хватит. Хочу домой. Дом ночью трясло. Леша сдержан в описаниях и эмоциях. Но по интонации в телефоне понимаю: ему было страшно. И Бритни тоже... «Господи, спаси и сохрани» пишут в комментариях телеграмм-канала о тревоге одесситы и выкладывают молитвы. «Суки йо@ані! Шоб ви сдохли!» — пишут харьковчане...

Ольга Прасол
УКРАИНА

ХАРЬКОВСКИЕ ХРОНИКИ. МАЙ 2024-ГО

Ольга Прасол

УКРАИНА

В последнее время ощущение такое, будто мы плывем, балансируя на льдине, от которой то с одной стороны, то с другой откалываются куски. Хруст слева – взрыв на школьном стадионе на Салтовке, мальчик, который уже никогда не сможет играть в футбол из-за травматической ампутации... Ледяной крошкой откалываются взрывы в пригороде и на Алексеевке: трамвайный круг, кафе, окровавленный троллейбус, многоэтажки без стекол в окнах... Треск справа – разрушенная база отдыха «Берег». Как и всюду – погибшие и раненые... Убитая вместе со своим нерожденным ребенком девушка... Минно-взрывные и черепно-мозговые, кровь, боль и страх... Громкий треск прямо по курсу – удар по типографии, черный дым столбом от горящих книг. Горящих вместе с работниками...

Мелкими кусками отлетают 15 ракетных ударов по Харькову в четверг. С 22 года не было такого, чтобы в поликлинике все, и сотрудники, и посетители спешили в бомбоубежище, а я заканчивала прием у входа в подвал, пытаюсь «держать лицо», не звонить ежеминутно детям, и спокойным голосом объяснять пациенту, как правильно принимать антидепрессанты... Назначаю их все чаще... Треск и льдина по полам – два КАБа и горящий строительный супермаркет «Эпицентр»... Только и успели отскочить, потому что были там за три часа до трагедии...

Мне срочно понадобились материалы для новых картин, краска на потолок в ванной комнате и средство для удаления скотча с окон. Парень из лакокрасочного отдела помог все подобрать, с юмором и улыбкой. Я благодарила и улыбалась в ответ... Хоть бы жив был... Следом кусок льда – взрыв на Бакулина-Енина... Опять кровь, осколки стекла, разрушенные фасады домов... Разбитая дверь любимого «Кофеина» – совсем легко отделались... Город уже не успевает зализывать раны. Льдина, на которой мы плывем, с каждым днем становится все меньше и меньше. Удержимся ли? Единственное, что спасет – разрешение бить в ответ. Туда, откуда все это летит в нас.

ХАРЬКОВСКИЕ ХРОНИКИ. В ПРЕДДВЕРИИ ПАСХИ

«А вы какой антидепрессант пьете?» – недавно спросила меня пациентка. «Никакой?! Но ведь вы так спокойны всегда! Как?» «Скажите честно, а как вы вообще здесь выдерживаете все?» - спрашивает другая. Она три дня назад вернулась с запада Украины и сразу записалась к психотерапевту. В глазах тревога и слезы, руки дрожат... И это при том, что последние три дня были почти спокойными, взрывы раздавались только из пригорода, сам Харьков не трогали...

В последнее время из разных источников случайно узнаю, что многие из коллег или знакомых что-то принимают. Л. и И. на антидепрессантах уже больше года, С., М. и Н. без небольших доз антипсихотиков не спят, а Ю. и Т., чтобы успокоиться и поспать, пьют противосудорожные... С чем-то я согласна, что-то категорически не поддерживаю, но это их выбор, потому что каждый сам понимает, насколько это нужно, все-таки медики... Я пока лишь иногда, когда совсем становится плохо, пью успокоительное. И изредка по выходным – мелатонин. Потому что просыпаюсь обычно в 4 утра. Признак депрессии, вообще то. Пока держусь. Благодаря дому, собакам, кустам гортнезии, розы и спиреи, их поливать нужно и обрезать, кто же это сделает, как не я? Благодаря холсту и краскам. Благодаря работе. Благодаря семье и друзьям... Сидим с приятельницей на веранде ее дома, пьем кофе, коты и немножко волкоподобный пес Бурик крутятся рядом, выпрашивают кусочки сыра... Сплетничаем о разном, о новостях от тех друзей, кто воюет, и от тех, кто пытается держаться здесь, о прилетах, об уже взрослых детях, о том, как жить дальше, о розах и маринованных сливах. И о своем, девчочковом, о том, что мы постарели очень за эти два года, о ботоксах-нитях-подтяжках... «Вот хорошо бы было, но какой смысл мне что-то делать, — в сердцах говорит Наташа, всегда внешне такая веселая и открытая, — Если я реву каждый день...» Нет, мы, те, кто в Харькове, не герои, как пишут некоторые. Остаться и изо всех сил стараться жить обычной жизнью — совсем не героизм. И нам страшно... «Доктор, ну вот скажи, когда все это закончится?» — обычно приветствует меня, отставляя швабру, наша санитарка, когда я утром прихожу в еще тихую и пустую поликлинику. «А фиг его знает. Не скоро. И не рассчитывай», — традиционно отвечаю я на приветствие, и роюсь в сумке, ища ключи...

Вчера ударили по Дергачам, недалеко от детского спортклуба. Восемь детей ранены... Не скоро... На столе у меня маца, хлеб бедности, символ смирения и отказа от эгоистических побуждений ради свободы. И рядом паска, «хлеб вечной жизни», символ Царства Небесного и воскресения, символ трех добродетелей: сострадания, милосердия и заботы...

**Символы веры. Вот ее сейчас чуть-чуть и не хватает.
В себя. В нас. В Победу...**

Ольга Прасол

УКРАИНА

**Марина
Карандина**

ПОЛЬША

А «СТАРЫЕ КОЗЛЫ» ЛУЧШЕ

История эта случилась в деревне «Старые Козлы». Здесь, где-то между Калугой и Казанью, вырыли новый колодец. О «Старых Козлах» заговорили в округе — о колодцах мечтали жители многих деревень, но в 23 году нового века старокозловцам повезло больше. Колодец был именно у них. Стоял он рядом с управой. И глава «Старых Козлов» Юрий Петрович из окон кабинета поглядывал на народ, который вытягивался в очередь за чистой водой.

Однажды в кабинет Юрия Петровича вошел Василий Ильич, представитель администрации района.

— Здорово, Юрий Петрович, тут дело государственной важности намечается, — Василий Ильич плюхнулся в кресло. — Через два дня президент приедет к тебе на колодец новый посмотреть. Ну и с жителями пообщаться. Только тут дело такое — название «Старые Козлы» заменить надо.

— А на что ж его заменить-то? Что президенту не нравится-то в нём? Деревню-то нашу уж с прошлой революции не переименовывали. А что в названии плохо — Старые или Козлы?

Василий Ильич почесал свой лысый затылок:

— Оба. Сам подумай — приедет пресса, президент с народом захочет поговорить, фотографироваться станет... а в газетах появится «Президент в Старых Козлах». Давай решай с названием, ЮрПетрович. Надо поменять, Юр, очень надо!

Решать Юрию Петровичу не хотелось, да и не привык он самолично думать.

— Может вернуть старое название, что до революции было? Можно в архиве посмотреть, как-то ж Старые Козлы назывались, — предложил Юрий Петрович.

— Давай, ЮрПетрович, посмотри и переименуй. На въезде «Старых Козлов» сними, а новое название повесь!

Через два дня черный БМВ с товарищами из ФСБ подъезжал к прежним Старым Козлам. Мужчины в серых пальто вышли из авто. Подошли к табличке с названием деревни. Один фээсбэшник провел ладонью по лицу, прочитал вслух:

— «Навальновцы ждут вас, господин президент!», — потом добавил. — Какой козёл «Козлов» снял?

Президент в деревню Навальное не приехал.

Старокозловцам вернули прежний статус. Юрия Петровича сняли с должности. Василий Ильич покинул страну и был объявлен в розыск.

РАЙ, ВЫРВАННЫЙ ИЗ КОНТЕКСТА

Значит, нету разлук.

Существует громадная встреча.

И. Бродский, "От окраины к центру"

Твёрдое намерение поехать в Молдову пришло в тот момент, когда моя парижская кузина А., сообщила, что у нее планируется концерт в Кишиневском органном зале. А по профессии музыкант, пианистка, и должна была выступать с молдавской оперной певицей Д. Этот концерт был чрезвычайно важен для А. Еще бы! Несмотря на то, что она выступает во многих концертных залах Парижа и Европы, в Кишиневе А должна была дать совместный концерт с Д впервые.

Меня уже давненько посещали мысли о том, что нужно съездить в Кишинев, но мысли были зыбкими, как туман, и быстро испарялись. На этот раз мысли были острыми, как игла, и желание перешло в намерение. Почему это произошло только сейчас? Наверное, надо мной долго довлел страх вернуться в город детства и юности и не найти там ничего знакомого и родного.

Мои родители тоже решили съездить в Молдову, предварительно заехав на несколько дней в Париж, навестить маминого брата (папу А) с женой. Мамин брат и его жена тоже музыканты. Мы давно не виделись, и предвкушение встречи было очень радостным.

Был составлен план, согласно которому я и мои родители, родители А и сама А должны были приехать в Кишинев 6 апреля - они из Парижа, я из Бостона. Д должна была приехать из Амстердама, где она живет в настоящее время.

Я позавидовала легкости, с которой родители собрались в путешествие, и бросилась делать новый паспорт. На почте, куда я примчалась в обеденный перерыв, забыв дома очки, испортила кучу паспортных заявлений. Наконец мне удалось заполнить бланк, сделав лишь одну ошибку - в графе рост, вместо того, чтобы написать 5 футов и 5 дюймов (165 см), я написала 6 футов 5 дюймов (195 см).

Дошло до меня это уже дома, а почтовый работник в окошке безразлично проверил заявление и ничего не заметил. Я сообщила маме, что её дочь - гигантесса, и что скорее всего кто-то умный заметит ошибку, дочери нарисуют на бумажке фигов вместо паспорта, и дочь никуда не поедет. Мама в ответ посмеялась, а через две недели прибыл новенький паспорт.

Были заказаны билеты. Мне стало не по себе. Я никогда не летала одна, тем более на бывшую родину, с пересадкой в Стамбуле, в одном из самых больших аэропортов мира.

Но трое ангелов хранителей - родители и муж - зорко следили за мной из разных точек земного шара, и я долетела до цели без проблем.

Хорошо помню Кишинев 1991-1993 годов, после провозглашения Молдовы независимой республикой, с пустыми магазинами и коммерческими ларьками, многократно возросшим уровнем преступности. Из-за отсутствия сырья закрывались заводы. Помню уныние и крах привычных парадигм. Меня уволили с работы в 1992 году со словами: «Вы скоро уедете в Америку или Израиль, а нам надо взять на ваше место человека, который никуда не собирается уезжать». Железный аргумент, на который нечего было ответить. Я так и не смогла найти работу до самого отъезда, везде мне говорили одно и то же.

Несколькими годами ранее, в 1989 году, в списках зачисленных в кишиневский медицинский институт, моего имени не оказалось, хотя проходной балл на экзаменах был набран. Зато нашлось имя старосты моей группы в медучилище, махровой троечницы и стукачки, которая магическим образом получила красный диплом. Дружба народов внезапно перешла в открытую враждебность, а безработица и инфляция стали повесткой дня. Жизнь (в том числе моя личная), рухнула, и народ выползал из под обломков страны. Помощи ждать было неоткуда.

Сегодняшний Кишинев очень сильно отличался от того, образца 1993 года. Се-

Ирит
США

годня это чистый, хорошо освещенный, ухоженный, приятный город с широкими светлыми проспектами и красивой архитектурой. Но уютные, утопающие в зелени дворики, остались такими же, какими я их запомнила. В каждом дворике обязательно детская игровая площадка. В городе много красивой, модно одетой молодежи, также много молодых пар с детишками.

Кафешки, ресторанчики с посетителями на тенистых верандах и вежливые официанты. Чистые, прохладные парки. Все это радовало глаз. Но в этом новом для меня городе я плохо ориентировалась, тем более, что за тридцать лет все улицы переименовали, а наша съемная квартира находилась в районе Рышкановка. В прошлой жизни мы жили на Ботанике. Зато мама с папой точно знали, куда идти или ехать и на каком троллейбусе, и водили меня за собой как ребенка. Это было чудесно! Мы много и с удовольствием гуляли по городу, также пользовались общественным транспортом, но с меньшим удовольствием. В час пик транспорт, конечно же, очень загружен. Справедливости ради должна сказать, что пассажиры ведут себя максимально вежливо, не толкаются и не ходят по ногам специально, как это иногда было в девяностые годы прошлого века. Кишинев показался мне небольшим и компактным. В моей памяти он был большим. А может, это я стала большой?

Кишиневский органнй зал, в котором А и Д дали концерт, невероятно красив! Среди голубых стен и белых потолков и колонн с золотой лепниной, сопрано Д и звуки рояля Steinway звучали мощно и чисто. Я слушала, затаив дыхание. Наша миниатюрная, хрупкая А умеет извлекать из инструмента все, что он способен дать. Д исполнила арии Массне, Пуленка, Равеля, Гуно, также пьесу молдавского композитора В. Дони. Программа была архисложной, но Д и А слаженный дуэт. Они познакомились и учились в консерватории французского города Лион, и не раз уже выступали вместе. Зал аплодировал стоя. Надарили множество букетов свежих, ароматных роз, нарциссов, тюльпанов. Перед нами выступили две настоящие звезды, от света которых город стал еще светлее и краше.

После концерта были посиделки в кафе La Placinte, где мы очень тепло общались и ели, естественно, плацинды. Если будете в Кишиневе, обязательно зайдите в La Placinte, не пожалеете!

Мне посчастливилось попасть в органнй зал еще раз, через несколько дней, на концерт молодых скрипачей, учеников Захара Брона (Цюрих), в сопровождении Национального камерного оркестра. Юные дарования, дети в возрасте от 7 до 15-17 лет, исполняли произведения Вивальди (мои любимые «Времена Года»), Моцарта, Бетховена, Сен-Санса, Прокофьева.

Концерт был настолько прекрасен, что погрузил меня в состояние медитации. Весь посторонний шум в голове исчез, осталась только музыка, и всё было заполнено её магией.

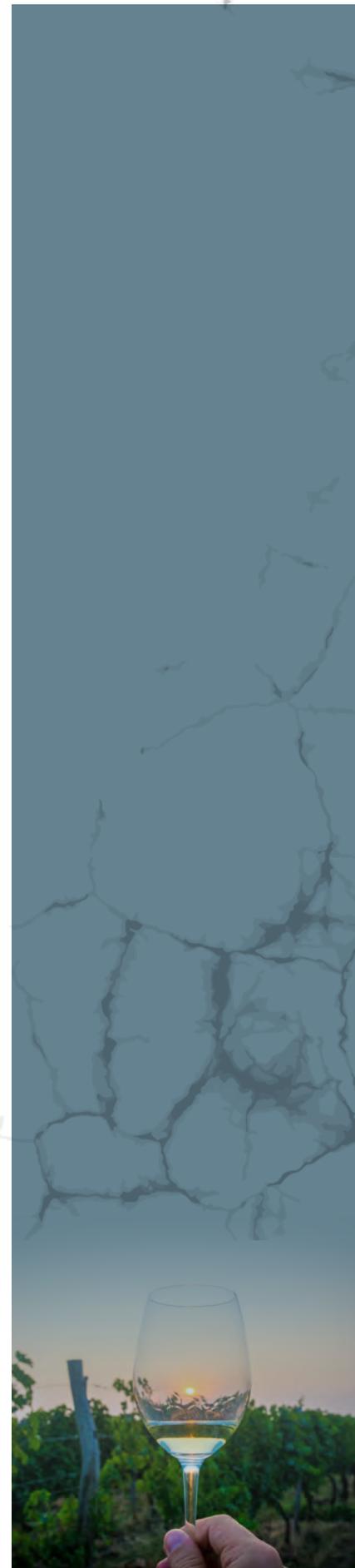
А 10 апреля был день рождения моей бабушки Александры, папиной мамы, и мы посетили её могилу и могилу её мамы, моей прабабушки, в городе Оргеев. В честь бабушки Александры назван мой сын.

10 апреля было очень жарко. Воздух был прозрачным, небо ярко-голубым, цвела сирень и пели птицы. Было довольно много посетителей, они тихо переговаривались, и поэтому кладбище казалось ... живым? Оно было наполнено звуками, движением, особой энергией.

Мы положили на могилу бабушки цветы, прошли по узкой дорожке и через отверстие в каменной ограде вышли напрямиком к дому, в котором жила бабушка Шура и вырос мой папа, и в котором я провела много школьных летних каникул. Помню, что как бы ни было жарко на улице, в доме всегда было прохладно, а возле двери стояло ведро с колодезной водой и ковшик...

После этого мы спустились вниз по крутой, извилистой улице и пошли в направлении еврейского кладбища, где похоронены бабушки и дедушки моей мамы, а также друзья, знакомые, школьные учителя моих родителей. По пути мы свернули не в ту сторону, заблудились, и поднялись обратно по параллельной очень крутой улочке. Мы шли вдоль красивых чугунных решеток и заборов, и все это было очень

Ирит

колоритно. Нигде в Америке я не видела таких красивых оград, как в Молдове. Из-за заборов лаяли собаки, а несколько увязались за нами вслед.

Я сильно хотела пить, и вскоре у меня возникло ощущение нереальности происходящего. Ощущение усилилось, когда внезапно на дороге появился высокий худенький мальчик-подросток в смешной шапочке и начал предлагать мне купить порошок (стиральный, наверное), и получить один в подарок.

Я поблагодарила мальчика и ответила, что в данный момент порошок не нужен. Тогда мальчик сказал: «Мадам, купите порошок и получите два в подарок! Или сдайте металлолом». Мальчик долго шел со мной в ногу, предлагая то купить порошок, то сдать металлолом, и неизменно называл меня мадам.

Этот забавный мальчик, порошок и металлолом, помноженные на голубое небо, жаркое солнце, и сильную жажду, смешались в одно неизгладимое сюрреалистическое воспоминание.

Поплутав среди крутых извилистых улочек, мы нашли еврейское кладбище и провели на нем несколько часов, возлагая цветы на могилы и вспоминая друзей и родных. Кроме нас посетителей на еврейском кладбище не было, и поэтому оно казалось застывшим во времени.

Мы побывали еще на одном кладбище, третьем по счету, на котором похоронена няня моего дяди. Потом дошли до центра Оргеева, посмотрели на дом, в котором выросли моя мама и её брат, зашли в несколько магазинчиков, и вернулись в Кишинев в маршрутном такси-микроавтобусе «Мерседес», с отверстием в потолке вместо кондиционера, затянутым тряпкой. Я по своей наивности ждала, когда из круглых решеточек над сидениями пойдет прохладный воздух. По дороге видели за окном поля с желтеющими одуванчиками, пасущихся коров, дома, заправки, автомастерские.

На протяжении всей поездки в голове у меня крутились строчки Бродского: «Добрый день, моя юность. Боже мой, до чего ты прекрасна». Или: «Вот я вновь посетил эту местность любви». Конечно же, я не помню весь стих наизусть. Любимый, но во многом непонятный поэт, вдруг стал немного ближе и понятнее.

Нас ждали теплые встречи с родными и друзьями, живущими в Кишиневе. Для нас готовилась вкуснейшая еда, нас угощали вином и настойками домашнего приготовления. Спасибо дорогим Э и Я, И, В и Ж, К и Ф.

12 апреля мы отпраздновали день рождения маминого брата, моего дяди, в уютном маленьком ресторанчике с живой музыкой. Группа из четырех музыкантов великолепно и зажигательно сыграла нам молдавскую народную музыку.

Музыка сопровождала нас на протяжении всей поездки (или мы сопровождали музыку, уже сложно сказать). Состояние наполненности чем-то прекрасным я привезла домой. Я рада, что за тридцать лет в Молдове произошло много бесспорно положительных изменений.

Кишинев показался мне райским уголком, вырванным из контекста окружающего мира, в очередной раз потерявшего точку опоры. Лучшее, что может быть у страны, это её независимость. Именно поэтому Молдова оказывает помощь беженцам из Украины.

И напоследок несколько строчек из Иосифа Бродского, уже много лет лежащих якорем у меня на сердце:

«Никого я здесь не обвиняю.

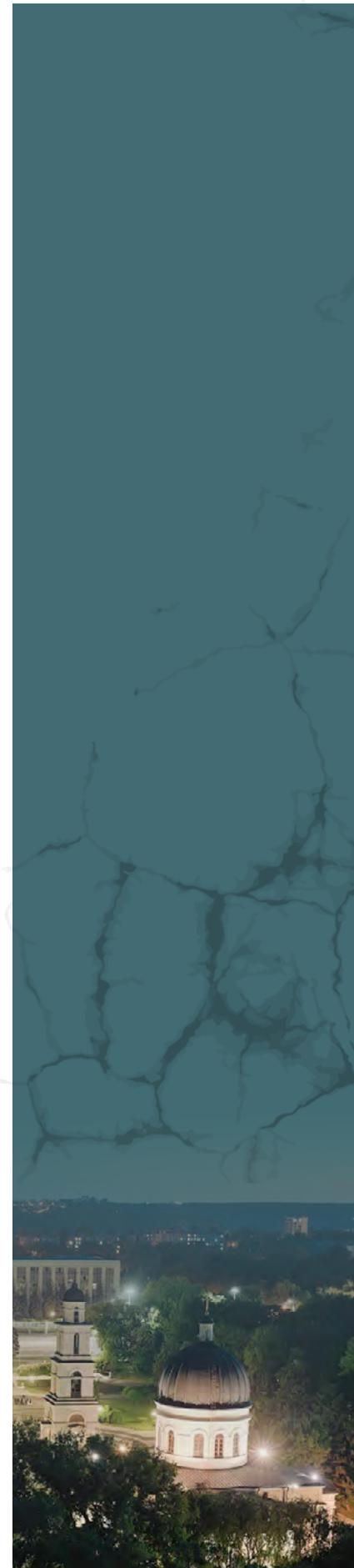
Ничего не узнать.

Я иду, тороплюсь, обгоняю.

Как легко мне теперь,

оттого, что ни с кем не расстался.

Слава Богу, что я на земле без отчизны остался».

**Лилиана
Янхофер**

РОССИЯ - США

ПЕРЕЕЗД

Ничто так не обесценивает вещи, как переезд. Находясь в смещенном, транзитном положении, ты невольно становишься свидетелем чужих историй. Они сами к тебе приходят.

Так стало и со мной. Через мой дом прошли десятки людей разных национальностей и родов деятельности. Я даже не подозревала, что в нашей округе столько беженцев. Мне надо было избавиться от мебели и прочей домашней утвари, им надо было выжить в чужой стране. В зависимости от того, что люди брали, я могла догадаться об их ситуации, надолго ли они сюда приехали. Они все были новичками, кто неделю назад приехал, кто два года как новичок. Те, кто только заехал, интересовались кроватями-диванами-посудой. Из обжившихся выбирали картины на стены, телевизоры, предметы декора.

Все разные, кто-то разувался, при входе в дом, кто-то нет. Кто-то говорил шепотом в детской и в спальне, кто-то насвистывал в холле радуясь эху. Все задавали один и тот же вопрос, почему мы не продаем, а раздаем. Я объясняла, что не умею продавать. Я учитель, мне как-то неловко таким заниматься. Это у меня еще с России осталось, что, учитель, это больше, чем профессия. Как ни странно, но этот аргумент отзывался, располагал и внушал доверие. Видимо, не такие уж мы и чужие.

В одном была очевидная схожесть между пришельцами, они скучали по родине, рассказывали, как там хорошо, что, если бы не обстоятельства, ни за что бы не уехали. Я так много хорошего за всю свою жизнь не слышала про Россию, Украину, Белоруссию. (Мексиканцы не в счет, они сходу ругают всех и вся.) Украинцы приходили группами и говорили по-украински между собой. На мой вопрос по-русски следовал ответ по-украински. По-английски никто не сказал ни слова, этот язык для них так и остался чужим, хотя некоторые живут в Америке уже десять лет. В последствии они стали приходиться поодиночке, видимо, удостоверившись, что в этом доме, где немец хозяин и русская хозяйка, а дети спрашивают на одном языке, а отвечают на другом, нет подвоха.

Однажды украинец-инженер, похожий из-за точеных черт лица и худобы на рублевского Христа, построивший мне веранду, спросил, почему у меня висит украинский флаг. Мы разговорились, и он поведал свою историю. Он покинул Бучу, когда настало время бежать. Беременная жена, десятилетний ребенок и все, что вменялось в легковую машину, проколесили Польшу, Германию, Австрию, пожили там и сям по паре месяцев. Восточное побережье Америки стало конечной станцией этого путешествия. Он рассказывал, что осталось там, про квартиру с биде, про бизнес с европейскими странами, про сестру в Израиле и много того, что было у них и чего не было у нас. Я спросила, как он, мужчина в расцвете сил выехал из страны, ведь мобилизация, вроде. Откупился, последовал ответ Христа. Преодолев себя, я спросила, сколько стоит свобода. Десять тысяч долларов. А пойдут ли они на поддержку украинской армии или осядут в кармане одного человека? Нет, не одного, группы людей. Все как везде, подытожил он.

Во мне проснулся зверь. Не везде! На ум пришло красивое слово *legasy*, которое для американца имеет то же значение, как для русского семейное кладбище или прочие фамильные реликвии, ценность которых даже не обсуждается. Это история семьи, их наработки, память. Не поспоришь, ценная вещь. *Legasy* это фундамент, на котором строится жизнь отдельного американца: школа, университет, работа со всеми вытекающими побочными эффектами вроде связей, брака, наследства. Студент поступает в нужный колледж, потому что его предки там учились и жертвовали на нужды учреждения. Любопытно, что никому в голову даже не приходит, что с точки зрения европейца, эта самая *легасы* есть ничто иное как легализованная коррупция. Простите, что против шерсти.

Лилиана Янхофер

ПЕРЕЕЗД

Не будем торопиться с оценкой, расставим лишь акценты, а именно на слове легальность. Это норма, законность, прозрачность. Более того соблюдена отчетность. В Америке является хорошим тоном поблагодарить за помощь и дать понять, на что тратятся деньги. Учителя, например, благодарят за подарочные сертификаты к праздникам открыткой, где рассказывают, что купили такую-то книгу или там перчатки на эти деньги. Школа или университет отчитываются в новых программах, планшетах, клумбах. На скамейках высечены имена, годы выпусков, просто слова благодарности, реже, за что. Американцы умеют сказать спасибо.

Те же рука-руку-моют, но, законно. Открывается горизонт для новой деятельности. Я подумала, а если бы те десять тысяч пошли не в карман группы людей, а на нужды армии, если бы законность этого действия сняла бы преступный налет с денег, дала бы возможность уехать тем, кто хочет уехать, не бояться быть пойманными тем, кто берет деньги, помочь тем, кто остался. Может быть, война бы уже закончилась? Как это было на плакате? Представь, где-то идет война и никто на нее не идет.

Зверь притих, а вслух я сказала, Вы правильно сделали, что уехали, это не Ваша война.

СТРАШНАЯ ДОРОГА.

Утро 24 февраля . Просыпаюсь рано, как всегда. Вместо передачи « Следствие ведут...с Леонидом Каневским», на экране цветные полосы. Не успеваю удивиться, как раздаётся первый ба- бах!

От второго со звоном высыпаются стекла в подъезде. «Вот оно, началось!»- стучит в голове. А ведь никто не верил! Поднимаю заспанного внука: «Вадик, война!» Срочно звоню зятю на Холодную гору, звоню дочери в Польшу! Отправляю внука к папе, сама сую в рюкзак документы и тапки, насыпаю корм морской свинке, закрываю дверь и еду к подруге в центр. Никаких вещей, ничего ценного не беру. Ведь это на пару дней, пока все не уладится.

Через две недели наш район Салтовка, наш дом и наша квартира будут разрушены и разбиты снарядами и бомбами наших «дорогих соседей».

Через четыре дня, после бесконечных переговоров с дочерью, которая рыдает и умоляет вывезти ребенка, я решаюсь. Я решаюсь ехать. Обнимаюсь с подругой: «Скоро увидимся!» Никогда не забуду ее ответ:»Года через четыре.»

Я иду на вокзал! Пешком! На улице никого. Это фильм ужасов! Мой любимый Харьков, шумный, весёлый город пуст! Это страшно. Иду, минуя площадь, парк, метро, на спуске Пассионарии начинается воздушная тревога! Прятаться не вижу смысла, мне надо на вокзал, туда привезут внука!

Над головой свистит, шуршит, и бахкает совсем рядом. Я надвигаю на голову капюшон... Чтоб не видеть... Если что..

Наконец я у цели! На вокзале я вижу апокалипсис! Такого столпотворения я не видела никогда! Мне не верится, что все это наяву. Посадку трудно описать словами. Нам повезло! Мы попадаем в купе и умудряемся сесть у окна. В купе 10 человек и два ребенка, в коридоре люди лежат, сидят, висят на поручнях. Под завывания сирены и буханье поезд трогается. Ура! Мы едем.

Вода и еда есть. Но .. в туалет за полтора суток не удастся попасть. Вечером под Киевом попадаем под бомбёжку. Два часа поезд стоит, жалюзи плотно зашторены, телефоны отключены, стоит гробовая тишина, молчат даже маленькие дети! Это жутко. Я обнимаю внука, под ногами дрожит от взрывов пол.

Наконец наш поезд потихоньку выбирается! Далее без остановок, до самого Львова!

Во Львове на вокзале неприятная новость: людей море, в бесплатную электричку не попасть, в панике люди бросают чемоданы, вещи, сумки прямо на пути. У нас нет воды. Мы решаем передохнуть и выходим на привокзальную площадь. Там узнаем, что можно уехать автобусом...за деньги. Взывать к совести и справедливости нет сил. Я плачу за двоих 4 тыс гривен и мы выезжаем. Через два часа мы на границе, ещё через два за границей. Нас встречают поляки, поддерживают, подбадривают, дают воду, горячий супчик, бутерброды. Внук ест суп и улыбается. Первый раз.

Мы едем на Люблин. Ночью ночуем у прекрасной польской пары, оба врача, горячий ужин, душ, чистая постель! По телевизору вижу, как взрывается здание администрации в Харькове. Ночь без сна. Утром рано отбываем во Вроцлав. Там нас встречает моя дочь. Все! Мы вместе!

...У каждого человека в жизни есть разные дороги: счастливые, удачные, печальные и прощальные. Но сколько бы времени не прошло, я никогда не забуду ЭТУ дорогу

Это была самая страшная дорога в моей жизни.

P.S.

Мой зять погиб 20 июля 2022 г под Первомайском, он был бытальонным доктором, и не дожил до 40 лет всего 10 дней.

Домой я попала через 2 года и это было печальное зрелище. До настоящего времени я проживаю в Польше и пока не вижу дороги домой ...

Татьяна Демьяненко
УКРАИНА

БАЙДАРКА НА ІМ'Я ЕНДРЮ

посвята Андрію Галущенко

Позивний Ендрю

Людина, як човен, має пливати, але не всі йдуть проти течії...

— Ти мені даси свою байдарку? — його глибокі очі дивилися на мене відверто й прямо.

— Нащо тобі, Андрію, розвіднику — байдарка? Ти ж не на відпочинок зібрався?

— Та я хочу запливати до них, у Слов'янськ, у саме місто, туди, де не чекають... Я хочу по річці... Заблукав, загубився, я — простий рибалка... ну, а зі мною ще кілька рибалок, — його очі заблищали, десь там, у глибині, гралися бісенята, вибиваючи сріблясті блискавки.

— Гаразд, але розумієш, дам я тобі байдарку, а ти десь там її притопиш, чи в кущах схорониш, а вона для мене, як друг... Ми з нею з таких вітрів та штормів виходили цілими... Човен мені — як людина, як друг. Мені її шкода — як друга, розумієш?

Очі у Андрія трохи потемніли:

— Розумію, що шкода... Буде час, дай нам Бог миру, ще помандруємо... Давай так: чи повернусь я, чи ні, може й справді доведеться десь у кущах кинути, то віддам свою — а я сподіваюсь повернутися напевно! Домовились?

— Домовились... — і я дивлюсь в очі людині, якій зовсім не страшно лізти в пекло, і мені вже соромно за себе, що трішки жалію байдарку, коли люди не жаліють навіть свого життя...

Трохи ще посиділи на сонечку, поговорили про дітей та родину, і легкий вітерець відносив наші тихі слова, як білі пелюстки зірваних квітів, через галасливий дитячий майданчик, відносив кудись геть і ховав у високу траву...

— Андрію, чи можу я тебе запитати? Ти ж там був, на Майдані... Звідки взялися ті чортові снайпери?

Очі Андрія знову почорніли й так глибоко... Він навіть трохи відвернувся від мене та замовк на хвилину...

— Знаєш, я не хочу тобі нічого вигадувати, — голос його став зовсім тихий і йшов із глибини, — я знаю правду, то моя правда... І мені боляче з цим жити, прокидатися кожного ранку... Нащо вона тобі?

І на мене подивилися мужні Андрійові очі, очі чоловіка, який хотів захистити весь світ, свою Батьківщину й цей двір, і галасливий майданчик, і цю вишню, що вбралася в біле, і мою тонку жіночу душу. Нащо тобі — ця правда?...

— Якщо ми вже про душу... Тобі не страшно, Андрію?

— Ні, не страшно... Я після Майдану інша людина... Я не боюся смерті, я бігаю від неї напрочуд швидко, в мене на Майдані не було

жодного поранення, ну а як нажене, то... ми з дружиною домовились, що похорони будуть веселими... з музиками та пивом.

— Та добре, пора вже, коли за байдаркою заїхати? Пробач, уже чекають хлопці, — він підвівся й простягнув свою широку долоню — як другу... потім трішки зніжківів і обняв за плечі...

— Ми повернемося — я і твоя байдарка!

Десь прикопав, у тільки йому знайомому місті, і мені не хотілося зайвий раз турбувати його — людину, яка ходить у розвідку — де те місце... Але більше я боялась, що там з другого кінця можуть взагалі не відповісти... ніколи...

Андрій брав слухавку і навіть голосно кричав у неї:

— Ага, живий! Де? На горі Карачун — читаєш новини? Так, то ми... Щось сьогодні знову гаряче... — а далі кілька пострілів, там у повітрі, на горі Карачун, яке давить тобі у вуха і серце тут, під твоїм мирним дахом...

— Тримайтесь там, щастя, хай боронять вас крила Янгола-Охоронця...

Так минали дні та тижні... дні, з яких складалося твоє особисте життя й життя цієї країни. І за ці дні ми звикли до того, до чого звикнути, здавалося, неможливо — до війни.

**Елена
Сосна**

УКРАЇНА

Жіночки плели маскувальні сітки для техніки, плели по підвалах і офісах, вдома та на майданах... І я дивилася на ці натружені руки, і десь там, глибоко всередині народжувалася хвиля гідності за свій народ, а її наздоганяла друга хвиля, хвиля питань — чому ж так?

Але я була переконана, що ці маскувальні сітки — не просто сітки; це оберіг для нашої техніки, для наших хлопців там, де небо дихає кулями...

— Доброго ранку! У тебе там кава ще є? Може пригостиш чим-небудь волонтерів?

— Андрію? Ти? Ти ж у розвідці?

— Буду за пів години, все розповім...

І ось ми вже п'ємо каву і Андрій енергійно ділиться:

— Уявляєш, там є такі містечка, де людям, власне, нема чого їсти: ні городу, ні роботи.

А тікати нікуди. Ось і живуть старі — чекають то смерті, то волонтерів... Але там є й діти, зовсім малі...

Я мовчки колупаю мед до чаю, до кави... Потім беру невеличке відерце й починаю насипати туди...

— Андрію, ти ж розвідка... яка ж волонтерська справа?

— Одне іншому не заважає, — і він усміхається одними краєчками губ, — Ти знаєш, які в мене дівчата? Дівчата — вогонь!

— Тримай... — простягаю відерце духмяного меду.

— Мені? Я стільки не з'їм за рік...

— Старим і дітям.

— Добре, дякую, передам. Їм краще у маленькі пляшечки та побільше... Добре, ми розфасуємо...

— Чуєш, ти мене чуєш?

— Андрій?

— Їду до тебе.

— За медом?

— Та ні. Їду у справі, а тобі везу байдарку!

— Ти викопав мою байдарку?! Невже!

— Ні, де тепер її викопав, везу свою. Буду за годину... Як там кава?

І знову сидимо й п'ємо каву. І байдуже, що вже пів на другу, а Андрію ще треба проїхати 300 км нічних доріг...

— Дякую тобі, дякую за байдарку, але вона ж тобі теж згодиться?

— Як зберуш у мандри, то завітаю та візьму, та останнім часом щось не вистачає часу на мандрівки. Колись будуть, певно, інші часи, коли скінчиться ця війна... Знаєш, вона страшна, вона забирає тебе всього і тримає там, усередині, не відпускає...

— Знаєш, ми вивозили людей, мирних людей із Дебальцеве... То страшно, останнього разу ми їхали, а під колесами в гору злітало каміння від вибухів, аж тут по вулиці біжить жіночка з двома дітками на руках. Ми її в автобус втягли, а на те місце, де вона щойно стояла, зупиняючи нас — снаряд; і немає а ні будівлі, а ні дороги — а ми їдемо.

— Півтори тисячі людей з Аду вивезли, то моє найкраще надбання на цій війні... Страшно!

— А знаєш, що найстрашніше? Що все це неможливо, ось так взяти і скінчити... Ні одним пострілом, ні навіть життям, це дуже велика гра — чужа гра, у серці моєї країни... І тоді мені стає страшно...

— Щось у тебе сьогодні кава сум навіває... Досить пити, пора їхати!

І він поїхав — сильний і мужній, розвідник з позивним Ендрю. Трохи стомлений і навіть сумний; стомлений десь там у глибині, куди не дістає гаряча кава... Як подарунок, в дорогу відправила картину з Янголом-Охоронцем... Хай тримає крила над усіма, кому небайдуже. Хай боронить тебе, Андрію...

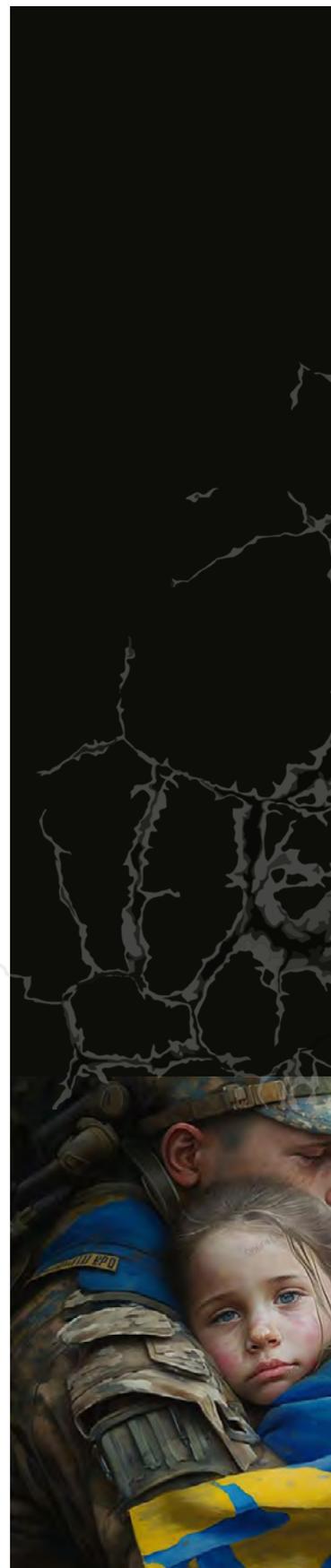
Не втримав мій Янгол крил, не втримав, бо не чекав...

2 вересня 2015 року машина з Андрієм і двома волонтерами була розстріляна біля Щастя...

У мене залишилася байдарка. Байдарка на ім'я Ендрю. Вона довго сумувала, а потім я її збрала... І ми пливли по синій, синій воді, під синім-синім небом, де живуть легкі білі хмаринки — то крила Янгола-Охоронця Андрія...

**Елена
Сосна**

**БАЙДАРКА
НА ІМ'Я ЕНДРЮ**

БАЙДАРКА ПО ИМЕНИ ЭНДРЮ

Посвящается Андрею Галущенко
Позывной Эндрю

Елена
Сосна

БАЙДАРКА
ПО ИМЕНИ ЭНДРЮ

Человек - как лодка, может плыть, но не все могут плыть против течения.

— Ты дашь мне свою байдарку? — его глубокие глаза смотрели на меня искренне и прямо.

— Андрей, зачем тебе, разведчику — байдарка? Ты ведь не на отдых собрался?

— Да я хочу заплыть к ним, в Славянск, в сам город, туда, где не ждут... Я хочу по реке... Заблудился, потерялся, я — простой рыбак... ну, а со мной еще несколько рыбаков, — его глаза заблестели, где-то там, в глубине, играли чертенята, искрясь серебристыми молниями.

— Ладно, но понимаешь, дам я тебе байдарку, а ты где-нибудь ее притопишь, или в кустах затеряешь, а она для меня, как друг... Мы с ней из таких ветров и штормов выходили целыми... Лодка мне — как человек, как друг. Мне ее жаль — как друга, понимаешь?

Глаза у Андрея немного потемнели:

— Понимаю, что жаль... Будет время, дай нам Бог мира, еще попутешествуем... Давай так: вернусь ли я или нет, может действительно придется где-то в кустах бросить, то отдам свою — а я надеюсь вернуться наверняка! Договорились?

— Договорились... — и я смотрю в глаза человеку, которому совсем не страшно лезть в ад, и мне уже стыдно за себя, что немного жалею байдарку, когда люди не жалеют даже своей жизни...

Немного посидели на солнышке, поговорили о детях, о семье, и легкий ветерок относил наши тихие слова, как белые лепестки сорванных цветов, через гомон детской площадки, куда-то далеко и прятал в высокую траву...

— Андрей, могу ли я тебя спросить? Ты там был, на Майдане... Откуда взялись те чертовы снайперы?

Глаза Андрея снова стали чернее омота... Он даже немного отвернулся от меня и замолчал на минуту.

— Знаешь, я не хочу тебе ничего придумывать, — голос его стал совсем тихий и шел из самых глубин, — я знаю правду, это моя правда... И мне больно с этим жить, просыпаться каждое утро... Зачем она тебе?

И на меня смотрели мужественные глаза Андрея, глаза мужчины, который хотел защитить весь мир, свою Родину и этот двор, и шумную площадку, и эту вишню, нарядившуюся в белое кружево, и мою тонкую женскую душу. Зачем тебе эта правда?

— Если мы о душе... Тебе не страшно, Андрей?

— Нет, не страшно... Я после Майдана другой человек... Я не боюсь смерти, я бегаю от нее удивительно быстро, у меня на Майдане не было ни одного ранения, ну а коль догонит, то... мы с женой договорились, что похороны будут веселыми... с музыкантами и пивом. Да ладно, пора уже, когда за байдаркой заехать? Извини, уже ждут ребята, — он поднялся и протянул свою широкую ладонь — как другу... потом немного смутился и обнял за плечи...

— Мы вернемся — я и твоя байдарка!

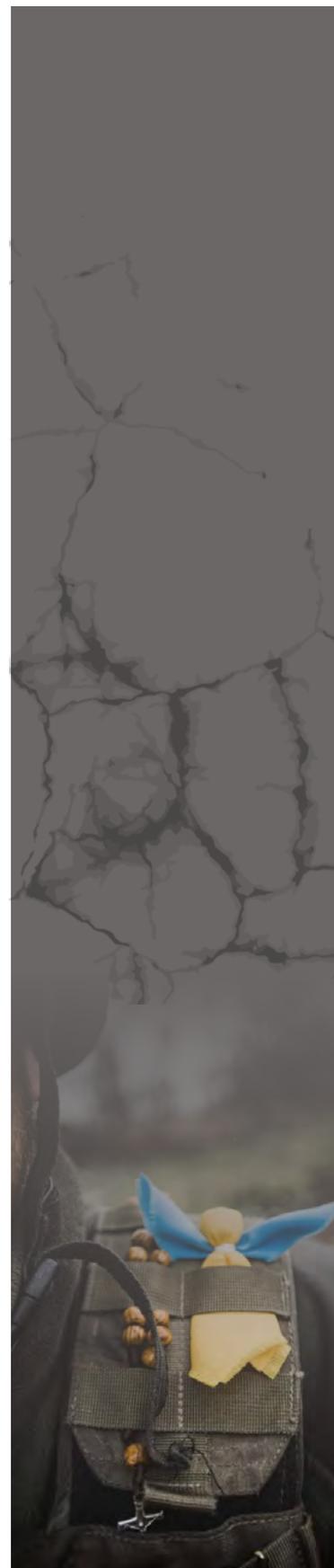
Где-то прикопал, в только ему знакомом месте, и мне не хотелось лишний раз беспокоить его - человека, который ходит в разведку - где то место... Но больше я боялась, что там с другого конца могут вообще не ответить... никогда...

Андрей всегда брал трубку и громко кричал в нее:

- Ага, живой! Где? На горе Карачун, читаешь новости? Да, это мы... Что-то сегодня снова горячо... — а дальше несколько выстрелов, там в воздухе, на горе Карачун, который давит тебе в уши и сердце здесь, под твоей мирной крышей...

— Держитесь там, удачи, пусть защищают вас крылья Ангела-Хранителя...

Так проходили дни и недели... Дни, из которых состояла твоя собственная жизнь и жизнь этой страны. И за эти дни мы привыкли к тому, к чему привыкнуть, казалось, невозможно — к войне. Женщины плели маскировочные сетки для техники, плели по подвалам и офисам, дома и на площадях... И я смотрела на эти натруженные руки, и где-

то там, глубоко внутри рождалась волна гордости за свой народ, а ее догоняла вторая волна, волна вопросов — почему же так?

Но я была убеждена, что эти маскировочные сетки — не просто сетки; это оберег для нашей техники, для наших ребят там, где небо дышит пулями.

- Доброго утра! У тебя там кофе еще есть? Может, угостишь чем-нибудь волонтеров?

— Андрей? Ты? Ты ведь в разведке?

— Буду через полчаса, все расскажу...

И вот мы уже пьем кофе, и Андрей бодро делится:

— Представляешь, там есть такие городки, где людям, собственно, есть нечего: ни огорода, ни работы. А убежать некуда. Вот и живут старики — ждут то смерти, то волонтеров... Но там есть и дети, совсем маленькие...

Я молча ковыряю мед для чая, кофе... Потом беру небольшое ведерко и начинаю накладывать туда...

— Андрей, ты же разведка... какое волонтерское дело?

— Одно другому не мешает, — и он улыбается одними краешками губ, — Ты знаешь, какие у меня девушки? Девушки — огонь!

— Держи... — протягиваю ведерко душистого меда.

— Мне? Я столько не съем за год...

- Старикам и детям.

— Хорошо, спасибо, передам. Им лучше в маленькие бутылочки и побольше... Ладно, мы расфасуем...

— Слышишь, ты меня слышишь?

— Андрей?

— Еду к тебе.

- За медом?

- Да нет. Еду по делу, а тебе везу байдарку!

- Ты выкопал мою байдарку? Неужели!

— Нет, где теперь ее выкопаешь, везу свою. Буду через час... Как там кофе?

И снова сидим и пьем кофе. И неважно, что уже полвторого, а Андрею еще предстоит проехать 300 км ночных дорог...

— Спасибо тебе, спасибо за байдарку, но она тебе тоже пригодится?

— Как соберусь в путешествие, то приеду и возьму, но в последнее время что-то не хватает времени на путешествия. Когда-нибудь будут, наверное, другие времена, когда кончится эта война... Знаешь, она страшная, она забирает тебя всего и держит там, внутри, не отпускает... — Знаешь, мы вывозили людей, мирных людей из Дебальцево... Так страшно, в последний раз мы ехали, а из-под колес вверх взлетали камни от взрывов, тут по улице бежала женщина с двумя детьми на руках. Мы ее в автобус втащили, а на то место, где она стояла, останавливая нас — снаряд; и нет ни здания, ни дороги — а мы едем.

— Полторы тысячи человек из ада вывезли, это мое лучшее достижение на этой войне... Страшно! А знаешь, что самое страшное? Что это невозможно, вот так взять и закончить... Ни одним выстрелом, ни даже жизнью, это очень большая игра — чужая игра в сердце моей страны... И тогда мне становится страшно... Что-то у тебя сегодня кофе грусть навевает... Хватит пить, пора ехать!

И он уехал — сильный и мужественный, разведчик с позывным Эндрю. Немного уставший и даже грустный; уставший где-то там, в глубине, куда не достает горячий кофе... Как подарок в дорогу отправила картину с Ангелом-Хранителем... Пусть держит крылья над всеми, кому безразлично. Пусть защищает тебя, Андрей...

Не удержал мой Ангел крыльев, не удержал, потому что не ожидал...

2 сентября 2015 года машина с Андреем и двумя волонтерами была расстреляна у города Счастье.

У меня осталась байдарка.

Байдарка по имени Эндрю.

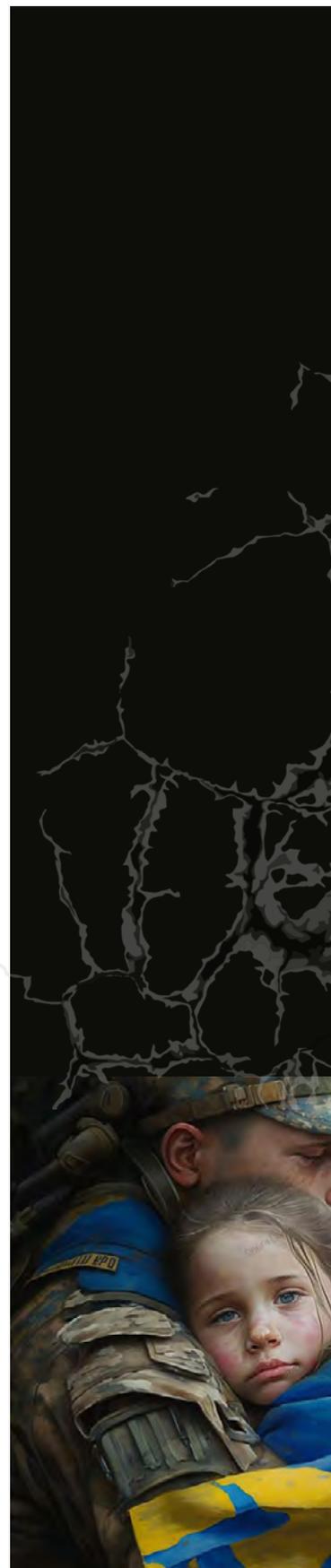
Она долго скучала, а потом я ее собрала...

И мы плыли по синей, синей воде, под синим-синим небом, где живут легкие белые тучки — это крылья Ангела-Хранителя Андрея...

(перевод с украинского К.Исакаева)

**Елена
Сосна**

**БАЙДАРКА
НА ИМ'Я ЕНДРЮ**

Наталья Е-К

ФРАНЦИЯ

СТОРОЖЕВЫЕ ПЧЁЛЫ

июнь 2024

Знаю я одного человека. Неплохого человека, обычного. Когда-то, еще лет двадцать назад, уехал он вместе с женой из маленького городка в Курской области в Москву. Квартиру свою, заработанную долгими годами на местном предприятии они оставили сыну. А сами поехали начинать новую жизнь. Устроились неплохо – стали работать консержками в новостройке. Годы не молодые, а тут труда физического не надо – сиди себе смотри в камеры, жилплощадь казенная бесплатная, хоть и маленькая, да и деньги достаточные. Тогда, в начале 2000-х, после взрывов домов в Москве многие новостройки строили с помещением для консержей. В таком они и поселились, да и остались до сего дня.

Пусть зовут его Николай. Время сейчас беспокойное, и мы соблюдаем осторожность. Николай с первого дня показал себя прямо-таки хозяином подъезда – положил плитку, покрасил стены. Не разрешал класть кучи рекламы в почтовые ящики, следил за порядком на придомовой парковке, разрешал конфликты. Однажды он мне по секрету сказал, что в овражке за нашим домом поставил ульи:

– Пчеловод я, понимаешь? Не могу без пчёл. У меня там, – он махнул рукой в неопределенном направлении, – пасека осталась. Где дача моя. Ну не дача, а дом в деревне. Это мы её дачей называем на манер городских. Я тут поставил два улья, недалеко, за деревьями кажись, не видать. Ты не говори никому, а то прознают, скандал устроят. Люди-то сейчас злые, завистливые.

Так и жили Николай с женой Анной в маленькой консержной, где их диван был отделен от рабочего пространства портьерой. Как минимум три раза в году – в мае, в июле и в сентябре ездили они «к себе» на неделю или две. По осени приносили мне пол-литровую баночку мёда. Может из оврага, а может и «оттуда». Но мёд был вкусный. Я, собственно, даже не знала, где находится их дача с пасекой. Николай говорил, что ночь ехать и они на месте.

С началом войны Николай стал беспокойным и чаще обычного уезжал к себе. Вернувшись из такой поездки год назад, он поделился своей тревогой:

– Ты ж знаешь, мы на самой границе... там километров пять... Обстреливают. Каждый день бұхает. А наши-то, вот сволочи! – обычно спокойный Николай пришел в возбуждение, – представляешь, поставили свои ПВО позади нас! Пятьсот метров за нами. А нам хоть помирай что ли?! Люди ничто для них. Войну эту они придумали из-за денег. А я двадцать лет этот дом строил... – голос его дрогнул, – и теперь вот как там жить, когда на голову падает? Думал на старости лет перееду, буду пчёлами заниматься, Анюта огородом. А оно видишь, как повернулось. У соседей семью убило – мать и дочь. Я знал их хорошо. Девочку с маленькой вот такой.

Николай отвернулся. Я знала, что он, как и многие не виноват в том, что происходит. Он никогда не голосовал за того, кто сейчас рулит страной и часто перед выборами спрашивал меня:

– Слушай, ты умная вот, скажи за кого голосовать? За этого не хочу, засиделся он кажись! А из оставшихся?

В этом году перед майскими Николай, как обычно, собрался в поездку.

– Николай, может не поедете? Непокойно там.

– Не могу. Там дом... надо проверить, а может его уже и нет. Пасека моя.

В следующий раз я увидела Николая только в июне и решила расспросить про поездку.

– Оооо! Там ужас, что творится. В нашей деревне целых домов почти не осталась. Наш? Стоит пока. Нет, люди не уезжают. А куда поедешь? Им губернатор предложил в какие-то временные условия поехать. Соседка ездила, смотрела. Так это коровник бывший. Представляешь? Коровник, без воды, без удобств. А они туда людей поселить хотят. Да и правда, люди как скот для них.

Наталья Е-К

СТОРОЖЕВЫЕ ПЧЁЛЫ

Интернет там не ловит. В городе есть, где сын живет. А в нашей деревне, нет. К местным на телефон смс-ки приходят об обстрелах, а у нас-то нет местных телефонов. Вот мы и сидим. Я в доме был, а Анята на огороде что-то копалась. Слышу звук как на мопеде кто-то ездит. Думаю, чего это прямо у нас перед домом разъездились. Вышел. Батюшки! А он, дрон этот вон там над деревом. Я как закричал Аняте: «Быстрее в подвал!». Напугались, это правда. Но нам потом соседи сказали, что это дрон не камикадзе, а разведчик. Всё равно две ночи там только пробыли и уехали, очень страшно.

А в городе, там мы телевизор включали. Когда обстрел, так передачи прекращают показывать и на экране появляется предупреждение...

– И вы в укрытие шли? – я с интересом слушала очевидца.

– Какой там! – Николай махнул рукой, – просто пишут «будьте бдительны». И всё! Ну там есть подвалы, конечно. Но там всё время бұхает, не набегаешься. Я тебе лучше вот что расскажу. Там же граница рядом, части наши, окопы. Так вот они, солдаты эти, без конца бегают в деревню чтобы выменять еду, ну тушенку там, что им еще дают, на водку. Упьются, музыку включают. И девицы к ним приезжают. Да-да! Чего смеешься? Заработать девицы приезжают. А некоторые и тушенкой берут. Еще много всяких разных личностей там развелось. Все не местные. Кто они, шут их разберёт. Но мародёры. Тащут всё.

– А как же вы так надолго уезжаете, у вас всё цело?

– Да в доме брать-то и нечего. А на участке у меня там псека, – Николай засмеялся, – они видимо, пчёл боятся и не лезут.

– Так это у вас там прямо сторожевые пчёлы, – во всём ужасе происходящего это было действительно весело, – лучше всякой собаки.

– Типа того, – согласился Николай.

Наталья Е-К

МОЛЧАНИЕ

Ты молчишь... Подавляешь крик внутри, но молчишь. Ты смотришь на фотографии разрушенных домов, на остатки чьей-то оборванной внезапно жизни, на чёрные фасады, окна без квартир, красные огни пожаров и серый пепел, запорошивший улицы. Ты видишь убитых людей. Детей, которые не проживут свою единственную жизнь. Ты не отводишь взгляд, смотришь, запоминаешь, глотаешь слёзы... и молчишь.

Ты выучишь географию соседней страны лучше, чем своей. Ты узнаешь названия городков, поселков и деревень и не забудешь их никогда: Буча, Ирпень, Бахмут, Волноваха, Авдеевка, Марьинка. Заводы, дома культуры, школы, больницы, которых больше нет. Тебе будет невыносимо молчать. Ты сделаешь бейджик с флагом Украины и будешь его носить везде – в метро, на улицах, в магазинах. Потому что ты хочешь кричать, но не можешь говорить. Бейджик – твоя максимальная смелость, а молчание – твоя трусость.

Еще одна смелость – ты не удаляешь свои старые антивоенные тексты в соцсетях. Иногда пишешь новые. Но они скорее философские. Ты убеждаешь себя, что их смысл не будет понятен большинству твоих соотечественников. Тогда зачем? Зачем это всё, если ты не можешь остановить войну? Да, ты пишешь их для себя, чтобы не было так мучительно твое молчание.

Ты снимешь бейдж через год. Потому что ты станешь бояться. Ведь сограждане активно пишут доносы. И государство, твоё государство преследует за слова, за сочетания цветов, за песни. Ты навсегда запомнишь имена тех, кто не молчал: Алексей Горинов, Саша Скочиленко, Денис Журавлев, Тамара Паршина и многие-многие другие, кто не боялся. Ты читаешь все дела, приговоры, ты видишь сроки – шесть, восемь, десять лет. Принудительное лечение. Невозможно представить и применить к себе, и ты боишься...

Ты приходишь к родителям и видишь книгу. «Бесолюди». Лежит на столе. Они это покупают и читают. О чём с ними можно говорить? Еще год назад ты пыталась им что-то сказать о погибших в Украине, об ответственности, о свободе, о ценности человеческой жизни. Не помогло. Тебя обозвали уродом в семье и членом пятой колонны. Теперь ты молчишь, ведь это родители. Ты ничем не можешь. Они пожилые и стали как дети. Теперь их воспитывает телевизор. Ты бессильна и не хочешь испортить отношения. Ты молчишь.

Ты наблюдаешь, фотографируешь, записываешь, запоминаешь, думаешь, но молчишь. Молчание как плотный кокон вокруг тебя не дает говорить и свободно дышать. Тебе уже невыносимо молчать. Ты решаешь уехать. Удаляешь со смартфона все соцсети, на компьютере файлы перемещаешь в облако. Покупаешь билет. Собираешь самое ценное. В ночь перед отъездом плохо спишь и представляешь как тебя задерживают на паспортном контроле.

Но нет, обошлось на этот раз. Ты в самолёте и, как никогда, понимаешь чувства пастора Шлага, оказавшегося в Швейцарии. Ты думаешь, что теперь-то ты будешь свободна говорить и что-то делать... Но думаешь об оставшихся там родителях, об оставшейся там квартире...

И молчишь.

Июнь 2024 г.

Наталья Е-К**ДИАЛОГИ
С СЕСТРОЙ**

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Эти диалоги с моей сестрой состоялись в виде переписки и обмена аудиосообщениями в одном из популярных мессенджеров. Я в них ничего не изменила, кроме орфографии и пунктуации, чтоб сохранить документальность. Моя сестра далеко не глупый человек, у неё два высших образования, она работает на достаточно высокой должности в одной крупной компании. И у неё дома нет телевизора.

К счастью, несмотря на накал страстей, мы с ней не разорвали отношения, и я продолжаю предпринимать попытки донести до неё другую точку зрения. Пока не удалось.

26 февраля 2023

Я: (аудио) «Знаешь какое самое страшное фото я видела совсем недавно? Есть паблик в Телеграме. Они аккумулируют данные о всех погибших со ссылками на источники. Там одна фотография была сделана как селфи в зеркале, со смартфоном. Парень молодой. Красивый. Со смартфоном. И его больше нет. Он погиб на войне. Это было самое страшное фото».

Сестра: (аудио) Я вот о чем думаю. Если никто из его [Путина] окружения не знал и не смог ничего сделать, ну ... я человек практичный, я все время думаю, что я конкретно могу сделать? Я не понимаю, что мы можем сделать не погибнув, не сгубив свои жизни, и жизни близких своих. Не понимаю, правда. И я не вижу никакого смысла просто так биться в истерике. Я столько пережила в своей жизни, через такое прошла, что я не бьюсь в истерике. Я не знаю, что должно, не дай бог, случиться чтобы ..., но с практической точки зрения ну что я могу сделать, что?

Я: (аудио) Мы можем сделать самое простое – не поддерживать. Это самое малое, что мы можем сделать. Не голосовать. Объяснять своим детям ту правду, которая правда, а не та, которая льётся в уши. Не ходить с буквой Z, не ходить с российскими флагами. Хотя позицию «моя хата с краю» я тоже считаю неправильной, потому что это всё вокруг нас делается. Еще мне детей жалко. На них напяливают эти пилотки и заставляют петь «я русский». Поэтому еще мы можем в эти дни просто не пускать своих детей в школу.

Конечно, степень неприятия может быть разной. У меня она такая, что я даже на каток не могу пойти, где стоят эти буквы ZVO. Я не могу туда ходить. Я не могу сотрудничать никак. Я на работе не могу им продавать медицинское оборудование, когда мне говорят, что это надо нашим бойцам в госпиталь, я говорю, что-либо нет в наличии, а иногда и прямо, что я не хочу туда продавать. Сколько я так продержусь, я не знаю.

Чтобы не сойти с ума, я Братьев Карамазовых читаю. Увлелась. Мне нравится. Читаю классику. Накупила кучу книг.

Сестра: (аудио) Ну а мне жалко парней с обеих сторон. Я вообще не понимаю тебя, потому что эти люди, я видела интервью, они дурачки абсолютные, они не понимают... Да, они идут под тем зовом, под которым их туда ведут, а кого-то ведут насильно. И как же? Что же им теперь не помогать? Ну и да, я не настолько воинствующая, не потому что я не против, или моя хата с краю. А потому что я не знаю какой из дней жизни будет последним для меня или для семьи. Почему я не должна пойти на каток? Ну какой-то дебил повесил, а лёд заливал совершенно другой, а деньги пойдут третьему. Понимаешь? Ну для чего? Она, эта жизнь, у нас на самом деле одна. А книги, ну да, я согласна с тобой. Но я поставила себе цель на самом деле разобраться. Не на основе всей вот этой частично совершенно неприемлемого качества и правдивости видосов всех этих, а на уровне книг. Вот сейчас читаю Зиновьева «Запад». Еще я купила что-то по управлению народонаселением, посмотрю автора, могу тебе сбросить. Выбрала себе три книги, которые я хочу из-

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

учить, чтобы понять глобальные течения. Да, я не сбрасываю со счетов версию, что Он просто сошел с ума. Но я также не сбрасываю со счетов версию, что вообще всё по-другому может быть. Вообще всё что угодно может быть. Я очень не люблю какую бы то ни было категоричность и размахивание флагами. Я люблю допущения любых возможных вариантов того, что лежало в основе. Тем более, что у нас нет доступа к истинным первопричинам. Я убеждена что мы можем не знать каких-то скрытых мотивов, причин и т.д. Прежде нужно разобраться, чем я сейчас и занимаюсь. А чтобы чему-то учить детей надо самому сначала понять, что происходит. Пока не считаю, что всё хорошо понимаю.

Я: Для меня всё однозначно - кто напал тот и виноват.

(аудио) Я до этого не знала кто такой Зиновьев. Посмотрела интервью с ним. Несмотря на то, что он был заведующим кафедрой логики в МГУ что-то с логикой у него плохо. И вообще всё интервью – хорошая методичка для пропагандистов типа Соловьева. Сейчас объясню почему. Любой человек, тем более ученый не должен делать категорических заявлений таких как делает он. Особенно когда речь идет о больших группах населения, как, например, «Весь Запад вообще никуда не годится». Вот таких обобщений ни человек, ни ученый не должен делать никогда. Даже не должен себе позволять. Потому что всё это проходили, это шовинизм, нацизм, фашизм, это всё остальное вместе взятое.

«Самая главная претензия у меня к нашим медиа и вот к этому Зиновьеву, это то, что люди ищут врага, люди ищут инакового, люди ищут другого и отталкиваясь от этого другого они говорят «а мы лучше. Вот на Западе, геи, СПИД, браки однополые, хрен знает что, а у нас...правильная цивилизация. Эти такие-сякие, а мы-то...на их фоне такие классные ребята. И вот здесь, как мне кажется, речь идёт именно об этом. О поиске другого, не похожего на тебя и значит врага.

Я: вообще считаю, что такая постановка вопроса, когда «это мы, а это они» неважно, кто бы не скрывался за этими мы и они, она в корне неправильная. Все люди одинаковые. Одинаково едят, одинаково болеют, одинаково хотят любить и хотят жить. В какой бы стране они ни жили. И поэтому говорить, что весь Запад это полное дерьмо, как говорит наша мама, например, это неправильно. А Зиновьев написал эту книгу, кажется в 1993 году, когда он прожив много лет на Западе, развернулся к нему задней частью, или кормой, как скажет наш отец, и устремился обратно в родные пенаты, которые до этого он критиковал, потому что типа «я там не прижился». И теперь посчитал, что ему позволено высказать всё, что у него там наболело. Но опять же, эти высказывания, типа «у них не демократия», у них черт-те что – это поверхностно и не очень умно. Потому что главным критерием того, хорошо в стране или не хорошо – это счастье его жителей и, если в европейских странах и в Америке люди живут хорошо, достойно, с нормальным туалетом, с электричеством, с современными аппаратами, то значит устройство этой страны хорошо. Если люди живут, едва сводя концы с концами, ходят в сортир на улице и пользуются баллонным газом, значит в этой стране всё плохо, и правительству надо делать всё для этих людей, а не замахиваться на других мстя им за то что они собрались быть в европейском союзе.

Я вот считаю себя патриотом. Но я тот патриот, который хочет, чтобы у нас было, здесь всё хорошо, чтобы здесь у людей были тёплые сортиры, чтобы здесь у людей было нормальное медицинское обслуживание, чтобы здесь люди чувствовали себя счастливыми. А они не могут чувствовать себя счастливыми, когда у них убили единственного ребенка. Дракон забрал, а взамен дал кусочек металла и сказал: «Вот. Это орден мужества. Ваш ребенок погиб как герой». Это явно не добавляет счастья. И то, что сейчас происходит усугубляет те несчастья, которые эта страна претерпела от неумелых правителей за все последние годы. У нас был шанс. Но не те люди пришли к власти и не то сделали.

Резюмируя, я хочу сказать, что я не делю мир на Запад и Восток, на китайцев, на французов, на русских Я никогда не смогу сказать, что вот в Европе всё плохо. У

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

них, по крайней мере, меняются руководители, они пытаются выбрать себе нормальных. Нельзя делить людей. А именно это я слышу - они замыслили что-то нехорошие люди, а мы классные, бомбим правда Украину, но мы все равно классные.

Сестра: Прочитала интервью. Он на 90% прав. Мне странно, что ты, историк, этого не видишь.

(аудио) Никого он не ругает и не хает, а пишет, как есть, он пишет о первопричинах, почему сформировалось так или иначе, какие механизмы... Под Западом он понимает очень собирательное понятие, и он об этом говорит. Он устанавливает понятия, разграничивает их, что он будет считать этим, а что этим. Ни на кого он не наезжает. Понимаешь он в общем-то и говорит, что это как высшая форма цивилизации то, что он называет Западом. Что здесь не так? Я даже не понимаю. И то, что он говорит о наднациональных структурах это чистая правда, никакая это не конспирология. Это действительно существующие бенефициары на Земле, в том числе бенефициары всех этих войн, в том числе и Сербия и Югославия и Сирия. Для этих людей мы – шахматная доска, это те, кто управляет. Они на самом деле это делают. Что здесь не так? Он просто говорит правду. Надо же с открытыми глазами смотреть на все. И да, я считаю он прав, что развал СССР был организован извне и это величайшая наша беда, считаю, что самая большая свинья на свете, которую убить мало это Горбачев со своей женой. Продолжил это дело Ельцин и, вероятнее всего, продолжил Путин. Я просто объективно стараюсь смотреть на вещи. Да, развал – это был зло. Я не знаю была ли добром революция 1917 года, это отдельный вопрос, требующий изучения. Но большая кровь была заплачена, большая цена была заплачена за то, чтобы получить потом то, что мы имели – Советский строй. Это не было плохо. В этом была наша сила. У нас было свое производство, да недодали народу, да слишком зажали комфорт, товаропотребление, ну это ошибка была, глобальная. Да, не на людей было ориентировано, но мы были сильной страной. Это правда, что здесь отрицать-то? Нас развалили и отняли всё. Это правда.

Я: Я голосовала «за» распад СССР. И Горбачев сделал правильное и великое дело. Империи все распадаются. Это закон жизни. Жить в одной большой коммунальной квартире не очень хорошая идея.

Сестра: Ну вот а я однозначно против. А книги выбрала с одной целью - хочу лучше понять эти наднациональные течения и ответить для себя на вопрос: «это был заказ и четкий план» или «сошел с ума».

Я: Ни одной вещи в СССР не было хорошей. Что конкретно тебе нравится? ГУЛАГ? Карательная психиатрия? Пионерия? Гнилая картошка? Жигули? Два вида колбасы? Невозможность увидеть мир? КГБ?

Сестра: Семена, кефирные грибки, да уже почти компьютеры и пр. были свои. А теперь что? И пионерия все же лучше детей, выбирающих кем быть - мальчиком или девочкой.

Я: Помню тот компьютер на моей первой работе с зеленым экраном курского завода «Счетмаш». Бронированный. А двадцать лет Путину было невыгодно развивать свое производство, его дружки нефть и газ продавали. А люди лишние, пособий и пенсий хотят. Но вот сейчас видимо и эту проблему решают.

Сестра: Ну это да, очень вероятная теория.

Я: в ответ на «И пионерия все же лучше детей, выбирающих кем быть - мальчиком или девочкой» Это просто миф пропаганды из зомбоящика. Там обычные мальчики и обычные девочки.

Сестра: Я тоже такое подозреваю. У меня 13 лет нет зомбоящика. А компьютерное производство развилось бы, если бы не эти твари продажные Горбачев и Ельцин.

Я: Вообще, вот это стаскивание народа с окраин в Москву, очень нехорошая штука. В Москве 20 млн населения из 140 млн всего. То есть у нас остальное не заселено, не развивается. Байкал уже китайцами отдали (Путин же будь неладен отдал), да в аренду, да 50 лет. А что они оттуда потом уйдут? А тут мы блин на Донбассе своих ищем.

Сестра: С этим согласна. Не можем сами развить - нам готовы «помочь».

Я: Так Горбачев вообще к компьютерам ни при чем - он 6 лет у власти был. Ельцин пытался развивать (по крайней мере мясо и молочные заводы все при нём были оснащены западной техникой). И вот Путин уже 23 года заправляет, а мы всё Горбачёва поминаем. Странно.

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Сестра: Ничего странного - руководство все купленное, РФ не принадлежит. Мы поминаем этого урода, потому что он развал устроил. Остальные как шакалы пришли на готовую падаль.

Я: Так отгадка в том что именно Путин не дал развиваться стране. Десятилетие Ельцина смогло хоть накормить народ и то хорошо. А этот наш диктатор должен был дальше технологии привлекать, заводы открывать. Но ему это было не надо.»

Сестра: Вот поэтому и читаю. Возможно, не сам с ума сошел, а надоумили. Я верю, что это «проект». Такой вот долгосрочный. И Он не делал ничего, потому что это не было выгодно бенефициарам. Остальное – театр.

Я: «Вся система Путина держится на дружках, которым на кормление отданы отрасли и регионы. То система «Платон», то маркировки, газ, нефть, ж/д, авиация, банки. И каждый из дружков должен благодетелю принести дань. Но «запад» тут ни при чем. Не запад его привел. А свои же. Так же как Гитлера в свое время поддерживали олигархи. История повторилась.

Сестра: Выдвигают всегда из местных, но мотивируют в нужное русло извне. И кукловод как раз «запад» в его очень абстрактном понятии. Скорее, как главный причал и, по случайности, родина наднациональных структур. Так что винить Путина настолько мелко, что просто поразительно. Ну можно и на этом уровне поговорить с детьми, но лучше сначала докопаться и не говорить глупостей, тем более, что по окончании исследования и точка зрения наших родителей может случайно оказаться верной как некий поверхностный слой происходящего. Просто от тебя я ждала более глубокой оценки происходящего, думала, что уж за твоим выбором стоит прям основа основ и реальное знание. Оказалось, что нет. Просто истерика от следствий + чувство своей редкости, что вот эти быдло и зомби, а мы способны к сочувствию. Так вот, что б ты знала, мысль об этих гибнущих и искалеченных ребятах с обеих сторон вызывала у меня тошноту от ужаса. И я уверена - так чувствует каждый. Никто не за войну. Все против. Просто каждый ищет и по-своему находит ответы, в том числе в официальных сми. И родители наши, советские люди, не способны смотреть на мир по-другому - программу так заложили в их мозг. А я вообще урод - конспиролог, я так это вижу и я в это верю, для меня это очевидно. И для меня главный враг – наднациональная структура, базирующаяся в США. И вот смысл не ходить на каток? Ведь «завтра» может просто не наступить.

Я: «Хорошо. Более глубокий анализ, но штрихпунктирно, чтобы не утомить.

Для этого мы вернемся в 1920-е годы. Приход к власти большевиков сильно напряг руководства и руководителей корпораций западных стран. Это понятно, они боялись, что «красная чума» придёт и к ним и отнимет и власть, и деньги, как это произошло на территории Российской Империи. Опасаться было чего: идеи коммунизма, вброшенные еще Марксом-Энгельсом хорошо циркулировали по Европе и США. Страны наблюдали за развитием событий в «Советах» и помогали беженцам от нового режима - эмигрантам 1920-х гг. и ожидали, что новая советская власть падёт сама. Чтобы люди не разбежались из стремительно нищающей страны, власть законопатила все входы и выходы и начала наводить порядки как умела, во всем видя «контрреволюцию» и объясняя народу, что все страны западного мира хотят, чтобы такой замечательный советский режим рухнул. Для популяризации как «хорошо в стране Советской жить» привозили сюда писателей и журналистов, водили их в правильные места, показывали счастливых людей. Потом эти посланники запада уезжали, увозя домой радужный образ СССР (например французский писатель Анри Барбюс или Герберт Уэллс). Сильные коммунистические партии были во Франции и в Германии. СССР проводил работу в европейских странах (Интернационал). Целью было действительно «зажечь пожар революции во всех странах», чтобы расширить сферы влияния и произвести «мировую революцию» трудящегося класса. На этой волне в Германии под страхом того, что к власти придут коммунисты бизнес-лобби, привело во власть Гитлера, который вскоре коммунистическую партию запретил. В то же время (уже 1930-е годы) в Западные страны проникала информация о тех людоедских злодеяниях, которые происходили в СССР, как бы они их не оправдывали необходимостью бороться с внутренними врагами. Далее.

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Западное общество довольно быстро поняло, что такое Гитлер и в дополнение к термину «красная чума» добавилась «коричневая чума». Еще не оправившись от последствий Первой мировой войны, а затем экономического кризиса 1929 года, все предпочитали просто наблюдать и не вмешиваться ни в дела Германии, ни СССР. Это привело к так называемому «Мюнхенскому сговору» 1938 года, когда западные страны позволили Гитлеру аннексировать Судетскую область Чехословакии. В это же самое время СССР и Германия активно сотрудничают в военной области (совместные военные парады, обучение немецких военных в ВУЗах СССР и т.п.) и обсуждается план раздела сфер влияния, что приводит к подписанию пакта Молотова-Риббентропа - договор о разделе Польши (август 1939 г). К этому моменту Германия с мая 1940 года уже вторглась во Францию. Исполнение пакта произошло в сентябре 1939 года, когда одновременно и Германия и СССР вторглись на территорию Польши. С этого момента СССР начал участвовать во Второй мировой войне как агрессор и захватчик. Но каждая страна и Германия и СССР мечтали о большем. Далее.

Гитлер понимал, что Сталин не остановится на разделе Польши. О планах «мировой революции» говорилось открыто. Декабрь 1939 года СССР нападает (нападает - подчеркиваю) на Финляндию и в так называемой «зимней войне» терпит поражение. Гитлер это видит и берёт на заметку. Дальше уже очевидно, что вопрос лишь кто первый из них двинется дальше. Первым оказался Гитлер. Есть экспертное мнение о причинах неудач первого периода войны, что все ресурсы и техника СССР были подготовлены для нападения, а не для обороны. Западные страны в этот период боролись на западном фронте. Боролась Англия и Франция в меру своих небольших сил. В США закон о ленд-лизе (помощи) для СССР был подписан где-то уже осенью 1941 года. Почему они стали помогать СССР, а не Германии. Скорее всего из-за нападения на Англию и Францию Германия им казалась более опасной. Далее.

С помощью союзников СССР победил в войне. «Победителей не судят». Да, Сталин попросил не упоминать про пакт Молотова-Риббентропа и то, что СССР начала войну как агрессор. После войны победителю отошла значительная часть добычи - страны восточной Европы и часть Германии. Мир опять разделился на два лагеря. Для Запада это был опасный период - СССР, победивший в войне, показал западному обществу, что его «коммунистическое» устройство хорошо, а это не было на руку ни властям США, ни властям Западной Европы. Началась «холодная война». Что это такое? Это экономическое и идеологическое противостояние. Для СССР (весьма ослабленном войной в экономическом плане) важно было показать, что мы первые во всём - и, в первую очередь, в том, что видно - мы устроили фестиваль молодежи и студентов (1957 год), чтобы показать, как тут в Союзе хорошо, мы первые полетели в космос (1961). Но при ограниченных ресурсах в целом просто происходит их перетекание - есть ракеты - нет колбасы, есть фестиваль - нет хорошей одежды, есть танки - нет легковых машин и т.п. (немного утрирую). Запад наблюдал за развитием СССР, но в то же время занимался развитием своей экономики. К этому времени уже все страны поняли, познали некоторые этические нормы - отказались от колоний (1960-е годы), на производствах введен 8-часовой рабочий день, отпуска, пособия и т.п. И при «капиталистическом способе производства» оказалось, что производительность и креативность людей сильно увеличилась. То есть капиталистам стало выгодно «хорошо обращаться с работниками. Капитализм от государственного социализма отличается лишь источником инвестиций - частные или государственные. И получилось, что к 1980-м годам «капстраны» полностью восстановились после войны и успешно развивались, а СССР заточенный не на благосостояние народа, а на показуху в гигантских проектах - оставался частично в руинах. К тому же стало очевидным, что принцип «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё» не стимулирует к продуктивной работе. Одинаковая зарплата не стимулирует к улучшению продукта производства и т.п. Но мы помним, что «Запад» не вмешивался, наблюдал, но к концу 1980-х понял, что колосс тот (СССР) уже на глиняных ногах. Далее.

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Если считать, что Запад виноват в распаде СССР, то только тем, что не помогал развивать производство и не давал технологии. Ну что ж. Это честное соревнование. А то, что Союз нищал было видно невооруженным глазом. Большинство предприятий было заточено на обслуживание военной отрасли. И в этом, безусловно СССР достигли хорошего уровня. Вон именно этим оружием пользуются до сих пор. Похороны Генсеков одного за другим не добавляли хорошего имиджа стране. Тогда был выбран Горбачёв, как самый молодой (что-то 54 года по-моему ему было тогда). Замечу, что не Рейган его поставил Генсеком. И Горбачев, начал делать перемены, маленькие, не кардинальные. Но первое, что он сделал — это шаг к примирению с Западом. Второе - разрешил «кооперативы» понимая, что мелкое производство на них должно держаться. Но, поскольку за 70 лет никто не знал как должны работать эти самые кооперативы, то конечно правила придумывали на ходу и товар тоже (варёные джинсы, кроссовки и проч.). Почувствовав воздух свободы к концу 1980-х начали бузить республики, которые тоже по сути были аннексированы СССР в начале 1940-х - Латвия, Литва и Эстония. Они не хотели жить в нищем Союзе, глядя как западные страны развиваются. Но начали с освобождения Германии (падение Берлинской стены) и освобождение от надзора стран восточной Европы. Это величайшее достижение Горбачева. Но сил и возможностей у Горбачева было немного. Возможно его миссия была в том, чтобы начать. Но он не трогал основы экономики - она вся оставалась государственной. Далее.

А государственная экономика - это путь к нищете народа. Любой экономист скажет, что не может государство регулировать такой механизм как экономика и просчитывать сколько ручек и по какой цене должны выпускать. Это приводит к коллапсу. К тому же работа «за получку», а не за результат тоже развращает. Поэтому я считаю, что распад СССР обусловлен неэффективной экономической моделью и перекосом приоритета в экономике в сторону военной отрасли. А дальше - уже коммунисты почувствовали, что под ними закачались стулья, а с ними и должности, и спецраспределители еды и одежды. Появился ГКЧП. И как противовес ему Ельцин, который всё же хотел реформ, хотел сделать страну нормальной. 1991 год. Пустые полки. Нищее население. Огромная часть лишилась работы - государство не могла больше финансировать их имитацию бурной деятельности. Как перейти к рыночной экономике? А никто по большому счету не знал. Бывшие республики стали самостоятельными государствами и пока не были налажены новые экономические связи, было очень сложно, потому что многие производства были рассредоточены по разным бывшим республикам. А что США? и Запад? Вот какой удачный был момент захватить, поставить свою администрацию, не знаю, бросить там несколько бомб на Кремль. А они? Гуманитарную помощь начали присылать, кредиты давать, заводы обустраивать. Нет, чтобы воспользоваться. Сложный период 1990-х годов, когда во многом был хаос, в конце концов привел к тому, что заработали основные производства - это были швейные предприятия и пищевые - одеть и накормить. Но. Из-за колоссального отставания в технологиях мы не могли сами ничего производить, только покупать и применять. К концу 1990-х годов, когда Ельцин ослаб, а олигархи (те, кто воспользовался хаосом и стал владельцем значительных ресурсов) стали опасаться, что если придёт новый президент, особенно из коммунистов, то у них всё отнимут. Поэтому возник план - поставить ничтожного серого человечка и быть при нем управляющим органом. Такая моль была найдена - это Путин. Но они просчитались в одном. Он был чекист. Злобный, мстительный. И «пацан» выросший в подворотне, и живущий по законам двора - надо сбивать свою стаю и обороняться. Что Путин и сделал. В ход пошли все дружки - по дзюдо, по мэрии, по кооперативу «Озеро»... А тех, кто привел его к власти (Березовский, Гусинский) надо было просто уконтропупить. Но чекисты и дзюдоисты не могут построить экономически процветающее государство. А подбор сотрудников по принципу кумовства и лояльности не может обеспечить руководство в правильном направлении. Далее.

Первый звоночек прозвенел в 2007 году. Ровно за год до окончания легитимного второго срока Путина. Он к этому времени выстроил систему, в которой он был цементирующим звеном для всех своих поставленных на отрасли дружков. Он просто не мог уйти, они бы все лишились своих корпораций. Тогда был придуман трюк с Медведевым.

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Он подержал стул четыре года и изменил конституцию - теперь президент мог быт у трона 6 лет, а не 4. И добавил одно маленькое слово «подряд». То есть Путин теперь мог снова избираться на два срока. Для укрепления себя как президента нужна еще со времен Наполеона «маленькая победоносная война» - Грузия 2008 года. А дальше надо показывать себя народу, нищающему народу, потому что народ-то никому в этой системе не нужен, показывать как царь-батюшка. А что там цари делали? Угу - земли новые присовокупляли. 2014 год аннексия Крыма и зажигание фитиля на Донбассе. 8 лет. 8 лет Россия поставляла туда оружие и, по сути впёрлась «отпускниками» на территорию другой страны. А можно было не аннексировать Крым и не заходить на Донбасс? Можно. Но тогда нет идеи для народа. А так ностальгия по СССР, причем даже у тех, кто там не жил, потом логично ностальгия по ВОВ - пилотки ленточки и народ готов. Готов умирать за фюрера. У меня всё. Вот мой маленький разбор. Я правда не вижу тут «руку Запада».

Сестра: «Вот прям странно. Я по-другому на это смотрю. Это теория, в которую я верила 30 лет назад. Но не сейчас.

Я: Я поняла почему теория вселенского заговора так привлекательна. «Это не мы, это они виноваты». Примерно так и говорил Путин первую часть речи Федеральному собранию. Но мне показалось, что это репетиция его оправдания в «Нюрнбернском» трибунале. Хорошо бы дожить, посмотреть.

Оля: Не поэтому. А потому что смотреть на все надо сверху, извне, в комплексе. Если смотреть изнутри, зарывшись в деталях не увидишь ничего, только эти детали

28 ноября 2023

Я: переслала видео ПроектМедиа «Его война. Как Путин на самом деле начал войну с Украиной» https://www.youtube.com/watch?v=4fHbJL_mZUc

Сестра: (аудио) Я могу тебе комментировать по ходу просмотра. Я совершенно по-другому на это смотрю. Я думаю, что таможенный союз был бы благом для Украины. И Путин не говорит, что он после 21 февраля принял решение об аннексии Крыма, он не говорит этого. И столько проколов у этого товарища. Но люди не очень внимательные, конечно, их не заметят. И перевернуть, и доказать в другую сторону и обратную точку зрения можно, что ни возьми.

Я: (аудио) Привет. Во-первых, Россия не должна ни в коей мере решать за народ Украины что для него будет благом, Таможенный Союз или что. Речь идёт о том, что народ Украины в большинстве своём хотел быть с Европой. А Россия туда залезла. И это факт. И Россия не имела права присылать туда в кавычках «гостей», которые там делали митинги. Россия не имела права туда вообще заходить. И Россия не имела права аннексировать Крым. Речь идет о том, что постепенно готовилась интервенция. Нам говорят: «Восемь лет бомбили Донбас», а почему бомбили не говорят. Потому что Украина пыталась выбить оттуда российских ихтамнетов, отпускников, Стрелковых, Малофеевых, Гиркиных и прочих. Она не по своим людям стреляла-то. Почему об этом не говорят?! А если они начинают говорить, что там живут русские люди, то это, простите, уже нацизм. Также, как Гитлер говорил, что в Судетах живут немцы и поэтому он имеет право туда зайти. Вот ровно такая же параллель. В Крыму живут русские, на Донбассе живут русские, русскоязычные и поэтому мы имеем право их защищать. Это нацизм.

Сестра: Не знаю на кого это рассчитано. Люди стали умнее.

Я: «Наверное на разумных людей. Но их как-то совсем мало стало. Я так вообще не понимаю кто верит во всякие НАТО, бандеровцев и проч. Всё просто и доказуемо - Путин решил отжать Украину. Как потом будут оправдываться, кто пошел «добровольцем»? Чтобы что? Чтобы украинцев убивать? Голова на то, чтобы думать, а не пропаганду слушать.

8 декабря 2023

Сестра: пересылка видео «Швейцарский историк. Конфликт в Украине дело рук США и НАТО». Доклад Даниеле Ганзера в городе Базель 02.09.2023. <https://youtu.be/vYQulez79jM?si=PDdQwvTUqAlrEDfJ>

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Я: Привет! Этот «историк» настоящими учеными таковым не признан. Он очень одиозная фигура, которая ловит хайп на разных необоснованных суждениях.

Сестра: (аудио) Знаешь, что я тебе скажу. Вот те, кто сидят по ту сторону, они говорят, что это мы тут все зазомбированные с этой пропагандой. Я уже очень чётко, судя по тому как люди повторяют одно и то же я вижу как по ту сторону идёт точно такая же пропаганда про конспирологическое мышление наше, вот одни и те же фразы. Это удивительно и уже даже не смешно. Это глупость просто. Я тебе могу рекомендовать еще прекрасного уважаемого российского историка – Андрей Фурсов. Послушай, хорошие вещи говорит.

Я (аудио): Люди разные есть. Есть встроенные и во власть, поэтому они будут говорить то, что нужно власти, точнее то, что им нужно, чтобы удержаться при своей должности при этой власти. А я знаю других историков – это Зубов Андрей Борисович, автор трехтомника «История России». Он преподавал в МГИМО, но был уволен после того как в 2014 году после аннексии Крыма сравнил эту ситуацию с аннексией Судецкой области, и сейчас он в вынужденной эмиграции. Это Пивоваров, бывший ректор РГГУ, это люди, которые не встроены в эту систему сейчас, они изгнаны из этой системы и им нет смысла как-то приспособливаться под эти внешние обстоятельства, поэтому я им доверяю больше. К тому же есть факты.

Факт в том, что Россия напала на Украину. Никто не отрицает этот факт. На Россию никто не нападал. И то, что сейчас в России с этими песнями «Я русский» или как сказала Памфилова, глава ЦИК, буквально вчера: «многонациональный русский народ». Не знаю как это назовут потом историки расизм, нацизм. Это нацизм. И все признаки фашизма, которые разработали историки всего мира, социологи, юристы, они все здесь присутствуют, поэтому пропаганда, не пропаганда....

Пусть хоть вся армия НАТО стояла бы вокруг границ, никакого повода нападать не было. И если уж говорить, то Гитлер почему напал на Советский Союз, потому что у него были сведения, что Советский Союз нападет первым и он предупредил, сделал превентивный удар. И пошел дальше. А чем Путин отличается? Если по такой логике, чем отличается Путин от Гитлера образца 1941 года? Вообще ничем. Но другое дело, что за два года войны мы убедились, что страны НАТО, как бы они ни стояли по периметру, на территорию Российской Федерации так и не пришли. А вот Россия аннексировала, захватила территорию Украины, регионы Украины, Луганскую область, Донецкую область, часть Херсонской области, часть Запорожской области. А это Украинские территории. В XXI веке захватывать чужие территории это факты, это не пропаганда. Ты же не можешь сказать, что они не захватили? Что они хотели освободить? От чего освободить? То, что они Мариуполь разбомбили, от чего они хотели освободить? Я вообще не понимаю.

Просто я не хочу себя чувствовать частью народа захватчика. Вот и всё. Сколько бы не говорили про «русский мир» это не повод нападать. Что там «русский язык запрещают», за это убивать надо? Они отправляют молодых людей своих же, чтобы они там «мясные штурмы» устраивали и погибали под какой-нибудь Авдеевкой. Зачем? Потом я вижу в телевизоре человека, который говорит: «У меня был единственный сын, его забрали в армию, призвали, заставили подписать контракт и вот его убили, и нам его привезли. А мне пятьдесят лет. А он был единственный сын, моя говорит жизнь закончилась. Это русский, не украинец. Он зачем погиб? Он за что погиб? Я не понимаю и никогда не пойму. Как это «рожайте больше, не делайте аборты, гомофобных связей, чтоб у вас не было, чтобы больше мяса рожать? Он двадцать лет собирается еще войну вести?»

9 декабря 2023

Сестра: «Вот я сейчас борюсь с бездомными собаками. Собаки на улицах - часть программы закулисы, впрочем, как и пидоры. Надеюсь, сейчас ситуация начнет разворачиваться. А НАТО по периметру закончилось бы полным уничтожением нас. Я не люблю провокаторов. А телевизора у нас нет уже 14 лет. Видимо в этом все и дело) А Гитлера специально растили для своих целей все те же кукловоды.»

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Я: Ты шутишь? Просто подумать, что НАТО было все эти десятилетия рядом и не нападало. А тут вдруг за каким-то фигом напало бы. Зачем им это? И видится другая последовательность - зная о милитаристских планах Путина по захвату Украины, Прибалтики, Молдовы - они вооружались, чтобы защищаться. Пример нападения в 2008 году на Грузию уже был. Поэтому угроза для всех перечисленных стран реальная. А фашизм - это такая штука - возникает, при наличии условий. У РФ все предпосылки были - «утраченное чувство величия», бедность, неспособность гос-ва управлять экономикой и создавать условия для развития. И вот уже Россия - фашистская страна по всем пунктам. Путь к излечению надо начинать с признания болезни. Хотелось бы, чтобы наши дети/внуки запомнили нас как адекватных людей, а не тех, кто поддерживает этот режим. История через годы все оценки поставит.

И вот это «Одна страна, один народ, один президент» = «Один народ, один рейх, один фюрер» Один в один.

Неужели никто этого не видит? Неужели никто не понимает, что Россией правит кровавый диктатор?»

Сестра: Нет. По другому на это смотрят. Видят чуть дальше. Понимают, что у нас появился призрачный шанс впервые за 33 года с момента предательства Горбачева и правления негодяя Ельцина. Не хотят быть колонией. Здесь не договориться. Разные ракурсы. 180°. Такое уже было 100 лет назад. Главное все-таки сохранять отношения несмотря на разные взгляды. Это мне кажется очень важным.»

Я: И вообще - неужели людям нравится жить в стране-изгое? С железным занавесом? С невозможностью ездить в другие страны? Не возникает вопроса - все эти другие страны ошибаются? Все европейские страны. Китай только, Северная Корея и Иран союзники, которые свой интерес имеют просто.

Сестра: Нет. Пусть Северная Корея, но не колония прихвостень. Как-то так на это смотрят.

Я: Горбачев - единственное, что нормальное случилось с СССР. Империя всё равно должна развалиться. Такое образование не может долго жить. 70 лет и так много. А так РФ сейчас просто сырьевой придаток Китая. Гордиться нечем. Чем отличается Европа, Америка от России? Там главная ценность - человек, его жизнь, его способности. В России - человек ничто - его можно убить, запытать, не пустить куда-то. И Ельцин не негодяй. Он смог перевести страну из совка к нормальному миру. Его главная ошибка – Путин. А вот эти все месседжи про Горбачева и Ельцина - это тоже запущенные в общество для возвещения Путина, иначе бы он бледно выглядел.

Сестра: А я думаю, что это 2 ублюдка.

Я: В общем, в любом случае поддерживать войну и убийства - плохая идея. Особенно со стороны агрессора. Гитлер тоже говорил, что он превентивно напал на СССР. Чем все закончилось мы знаем. Этим же закончится и путинизм и он сам. Хотя у него силы не хватит застрелиться. Я очень хочу дожить, посмотреть как его судить будут. В Мариуполе, который он разбомбил.

16 февраля 2024

Я: Навальный умер. Замучили и убили. Сволочи.

Сестра: Кошмар.... Но вообще это лучше для него, чем столько лет сидеть

28 мая 2024

Я: пересылка видео с разъяснениями о налоговой реформе проф. Липсица. Это только про экономику. Липсиц был одним из моих преподавателей во ВШЭ. Очень умный чел.

Сестра: ВШЭ - это заведение, которое имеет крышу. Именно на базе ВШЭ прозападники весь этот вектор мысли благодаря этой крыше в умы студентов и вкладывали.

Я: «Ууууу. Это трансляция слов из телевизионной пропаганды. Мы - запад, иноагенты, враги.. Есть экономисты типа Гуриева и Липсица, а есть холуи при диктаторском режиме. Как-то так.

Наталья Е-К

ДИАЛОГИ С СЕСТРОЙ

Сестра: Увы. Это вы так думаете. Я слушаю Делягина, Боглаева, Фурсова, с некоторым трудом Хазина. Очень рекомендую Збигнева Бжезинского Шахматная доска. Немного подташнивает от его подачи, но зато как то сразу становится понятно что и они на нашем месте поступили бы также.

Я: Все эти персоны - фашисты. В прямом смысле слова. И еще немного они сталинисты, когда они говорят про «врагов народа». Их место на скамье подсудимых. И они там будут, я уверена. Когда-то же этот морок спадёт с России. Везде ищут врагов. Оправдывают военное вторжение в суверенную страну, аннексию территорий. И главное - гадят в мозги людей.» Вот здесь, он оправдывает Холокост. В первых же словах. Это больной человек. Хазин «прогнозирует» спад уровня жизни населения в США и Европе. Сто раз ха-ха. А в РФии расцвет, видимо. Он сортиры с дырками вместо унитаза видел? Наверное, в РФ можно только в эту дыру упасть, потому что ниже некуда.

Сестра: «Когда всех либерастов выгоним, шанс у РФ появится. Пока у руля все те же....»

Я: На каком «нашем месте»? На месте страны, напавшей на соседа? Раскрою страшную тайну - ни одна страна не планировала нападать на РФ. Люди живут своей жизнью. Просто зачем? Они-то и сейчас не особо помогают Украине. И сама Украина не планировала. Просто Путин потрафляя желанию народов о величии и возврате Империи, решил так укрепить свою власть. Сделать Украину вассалом, частью РФ-ной империи. Не рассчитал малость. За три дня не получилось и он влип в громадную войну.

Сестра: Он не оправдывает холокост. Он говорит о том, что если либерастия не прекратиться, то и либералам от запада также прилетит как и всему народу.

Я: Слово «либеральный» переводится как свободный. И в нём нет ничего плохого. Его коверкают в угоду пропаганде, чтобы вызвать у народа ненависть к свободе. Альтернатива свободе - тирания, диктатура, тоталитаризм. Что сейчас и есть в РФ. Репрессии за инакомыслие, отъем собственности, лишение прав.

Я выбираю свободу, как бы ни извратили это слово пропагандисты, я точно знаю его истинный смысл. Вряд ли нормального человека греет мысль, что его дети, также как и 99% людей в СССР никогда не увидят Лондон, Париж, что выбор отдохнуть будет ограничен родной страной и Турцией. Что перспектива быть угнанным в армию на убой весьма реальна. Сможешь ли ты отмазать своего сына от этого ужаса?

Страна благодаря таким Хазиным мчится в яму с огромной скоростью. Наверное, изнутри это плохо видно. А снаружи весьма заметно. Мир смотрит с, мягко говоря, недоумением, как целая страна сошла с ума, стала буйной, всех называет врагами. Грустно это. А мне еще и больно. Потому что я вынуждена стать эмигрантом.

Воспоминания и интервью О БОДРОВЕ.

Середина восьмидесятых. Московская школа номер 75. Маленькая переменка. Возле кабинета химии стоят два пятнадцатилетних подростка. Решают важную жизненную проблему: спуститься во двор и выкурить по - третьей сигарете или потоптаться на месте ещё пару минут и потом войти в класс. Один из подростков - это я. Наши размышления прерваны появлением парня младшего нас на год. Мы ему "покровительствуем". Возрастная иерархия придумана не нами и она чётко соблюдается. В школе - год разницы это очень много. Мы доброжелательно-снисходительно смотрим на него. Говорит:

- Есть проблема. Надо разобраться.
- С кем? Как зовут? - Сергей.

Нам немного лень, но статус "покровителей" обязывает к действию. Спускаемся на два этажа. Видим: стоит худой парень с немного взлохмаченными тёмными волосами. Взгляд колючий но не агрессивный. Чувствую: он слегка напряжён, но не боится. А с кем тут вообще разбираться? Ну да ладно, раз уж пришли.

- В чём проблема, чувак?
- Ни в чём, - отвечает спокойно, глядя в глаза.

Я интуитивно понимаю: он не уйдёт, он здесь будет стоять столько сколько сочтёт нужным. Уходить придётся нам. Не то, чтобы я боюсь, но глядя ему в глаза, вижу, он уверен в своей правоте и готов за неё постоять. Пожалуй лучше не связываться. Поворачиваемся и молча уходим. В голове мелькает мысль: "Какой странный парень!" Такой была моя первая встреча с Серёгой.

А потом - пробел. Время от времени я пересекаюсь с ним на лестнице школы, встречаю его у дверей спортзала.

Он не курит с нами за школой, не играет в футбол ластиком во время переменок. Много лет спустя он мне расскажет, что после уроков он сразу мчался домой. И я уже сам догадаюсь, что самое важное и интересное в его жизни происходило за пределами школы.

Суббота. Школьный актовый зал. Здесь идёт спектакль, а точнее маленькие выступления, типа исполнение какого-нибудь заезженного хита под гитару на трёх аккордах. Для всех нас этот короткий и немного скучноватый концерт совсем не событие. Совсем нет. Все ждут только одного - дискотеку! Всё что происходит перед ней, это как маленькая закуска перед роскошным ужином. Мы в нетерпении. Объявляется последний номер. На тёмной сцене подвешена на железной планке белая простыня. За простыней, освещённой настольной лампой, появляется силуэт. Мысленно отмечаю: "А ты подросток, Серёга Бодров!" Слышится голос (не совсем бас но уже и не детский): "Мистер Твистер"... Каждый, сидящий в зале, знает хотя бы несколько строк из этого стихотворения. Поэтому, в принципе, ничего нового. Удивить нас нечем. Сергей начинает читать по ролям, жестикулирует и вертит туда-сюда головой. В зале абсолютно-недоумённая тишина. Я внутренне напрягаюсь: Серёга, это провал. Кажется прошли годы. Вдруг сзади меня раздаётся нечто похожее на утиное кряканье, через секунду, ещё одно. А потом-цепная реакция. Да это не кряканье-это подростковый смех. Через минуту Серёге приходится несколько раз останавливать своё чтение из-за топота ног по полу и хохота сидящих в зале двухсот человек. Рассмешить пятнадцатилетнего подростка не так уж легко, особенно со сцены. А несколько десятков! Как это у него получилось? Точно подобранная интонация, хорошо выдержанные паузы, почти безупречно-смешная жестикуляция? Или что-то другое? А зал ликовал, благодаря артиста за десять минут полного кайфа!

А потом-опять пробел в несколько месяцев. Я с друзьями из школы отдыхаю в летне-трудовом лагере где-то под Москвой. Серёги с нами нет, но однажды он приезжает на полтора дня. И мы впервые начинаем общаться. Я выучил два аккорда на гитаре и считаю себя крутым музыкантом. Серёга интересуется: а здесь, что за аккорд, а как он называется? Мне лестно его искреннее внимание и я с видом мэтра, начинаю объяснять какие-то простые вещи.

**Данила
Левицкий**

ФРАНЦИЯ

Он внимательно слушает, задаёт дельные вопросы, буквально впитывая в себя информацию. Я вдруг понимаю: ему интересны люди, и что они рассказывают. Позже я буду неоднократно удивляться этой его особенности.

Вот, пожалуй, и все мои встречи с Бодровым в школьные годы.

Через пару лет мы начинаем общаться регулярно. В то время я дружу с одной девушкой, его одноклассницей. Ничего романтического - просто девушка-друг. Мы проводим вечера у меня на кухне, пьём турецкий кофе, курим. Однажды, без предупреждения, она приводит Бодрова. Я вижу высокого, широкоплечего парня. С порога он начинает мне что-то говорить своим уютным, громким басом. Квартира, буквально за полминуты наполняется какой-то безумной энергией. У меня ощущение, что мы дружим уже десять лет. О чём мы тогда говорили, сколько времени он провёл в тот вечер у меня в квартире, я, конечно, не помню. Знаю только, что с этого вечера мы начинаем видеться два-три раза в неделю. Как правило, он приходит ко мне и мы общаемся у меня на кухне. Либо он куда-то меня тащит за собой, в город. Но об этом позже. Тут я хочу сказать об одной вещи, о которой может не догадываться человек, который видел фильмы с Серёгой или читал интервью с ним. В этих интервью Бодров всегда очень серьёзный, вдумчиво рассказывающий о важных для него вещах. С людьми, которые знали его близко, он был совсем другим. Это был весёлый и невероятно остроумный человек. Причём, юмор его проявлялся и в историях, которые он рассказывал, (тут как бы понятно - "домашние заготовки «). Но чаще всего этот юмор был ситуационным, мгновенным. Серёга хорошо чувствовал людей, и даже не их слабости, но скорее их странности. И он это очень хорошо обыгрывал. Его шутки никогда не были злыми и обидными, но это было всегда стопроцентным попаданием в цель. Я не обижался, когда этой целью был я. Ведь это было сделано всегда по-доброму, с любовью. Иногда Серёга говорил всего лишь одну фразу и я уже заранее знал: вот-вот, сейчас начнётся. И начиналось! Слушать его шутки было настоящим тяжёлым физическим испытанием. Я задышался от смеха, я больше не мог говорить, я медленно сползал со стула на пол, и уже сидя на полу, пытался перевести дух. Но Серёга был беспощаден! Он не останавливался. После таких сеансов юморного беспредела, и после того, как Серёга уходил, я чувствовал себя опустошённым, смертельно уставшим. И тем не менее, мне хотелось чтобы он как можно скорее вернулся. Через два дня он приходил снова, и нескончаемая пытка хохотом повторялась снова и снова.

Иногда Серёга вытаскивал меня погулять или назначал по телефону встречи в городе.

Я сижу в кафе "Снежинка" (в простонародье "Сугроб") - месте встречи студентов-троечников, прогуливающих занятия и местной шпаны. Напротив меня - два качка-авторитета нашего района. Мечта любого "ботаника" - поговорить за жизнь с парнями, которые проводят всё своё время в подвалах, качая мускулы, а в оставшиеся от "работы" «время ходят на разборки с такими же как они парнями, только из другого района. Так вот, я смотрю влюблёнными глазами на своих новых друзей, и мне кажется, что я добился их благосклонности. Вдруг слышу: "Данилыч, ты здесь?!" Не нужно поворачивать голову, чтобы понять, кто это. Серёга с шумом плюхается на соседний стул. Ни слова приветствия качкам-авторитетам, ни даже взгляда в их сторону. И тут начинается самое интересное (стрёмное). Бодров, обращаясь исключительно ко мне, начинает высмеивать само движение - явление той поры: качалки, широкие штаны, разборки. В общем, всё то, чем эти парни так гордились, что являлось смыслом их жизни. Мне одновременно смешно и страшно. Серёга, что ты делаешь, остановись! А Серёга продолжает рассказывать им про них, так, в слегка отвлечённой форме. Это всё равно, что рассказать человеку анекдот про дурака, и в этом дураке человек узнаёт себя! Но сделать он ничего не может - ведь это всего лишь анекдот! Бодров замолкает. После тридцати секунд молчания я поднимаю глаза. Они смотрят на нас с изумлением, слегка улыбаясь. Поняли они, что Бодров просто стебался над ними? Скорее всего, да. Почему никак не среагировали? У меня лишь одна догадка: они были настолько удивлены, что просто не знали, как себя вести. Да ведь и придраться по большому счёту было не к чему! Они просто встали, пожали нам руки и молча ушли.

Мы никогда не обсуждали с Бодровым подобного рода истории. Я чувствовал, что ему это было не очень интересно. Он просто забывал о них и шёл дальше.

**Данила
Левицкий**

О БОДРОВЕ

Каждый раз, когда мы с ним куда-то выбирались, меня не покидало чувство лёгкой тревоги. Он как бы переносил меня из зоны привычного мне комфорта (пиво-футбол-пиво) в непростые жизненные ситуации, которые создавал сам на моих глазах. Бодров как бы придумывал сценарии, вовлекая меня в них. Он постоянно окружал себя людьми, которые становились либо участниками этих сценариев, либо просто наблюдали за происходящим. В такие минуты я испытывал смесь чувства опасности и возбуждения. Никогда не знаешь, как та или иная история закончится. Выражаясь образно: вот ты лежишь на пляже, на тёплом песочке, слушаешь успокаивающий шум волн, ещё чуть-чуть и заснёшь. И вдруг! Ливень, шторм. Ты оказываешься на корабле с пробитым днищем, ведрами пытаешься вычерпать воду с палубы, и откуда то спереди корабля слышишь голос: “Старик, всё нормально!” И действительно, через минуту ты опять лежишь на тёплом песочке, сушишь одежду, смотришь на солнышко и думаешь: “А как я только-что не утонул?” Вот также и с этими историями, в которые вовлекал меня Серёга. В ситуациях, когда можно было пройти мимо, не ответить незнакомому человеку или просто не повернуть головы, Серёга делал всё в точности наоборот. Но как ни странно, такие ситуации заканчивались для нас, как правило, без проблем.

Но бывало и другое. Иногда мы просто сидели у меня на кухне, пили кофе и лениво перекидывались короткими фразами, или просто молчали. В минуты таких эмоциональных штилей с Серёгой было очень уютно и как-то необычайно спокойно. Как будто он нуждался в коротком отдыхе после нескончаемых гонок с “препятствиями”(которые сам создавал) по городу. Вот в один из таких “спокойных” вечеров в кухню медленно входит моя бабушка. Фраза за фразой, между ними завязывается разговор. Я с лёгкой тревогой слежу за развитием событий: о чём могут говорить два человека с разницей в возрасте в шестьдесят лет и видящие друг друга в первый раз? О горах, об экспедициях, о рудниках. Моя бабушка-геолог. На кухонном столе появляются карты гор, рудников, минералов. Она водит по ним слегка дрожащим, указательным пальцем и рассказывает, рассказывает. Серёга, слегка наклонившись вперёд, внимательно слушает её, время от времени задаёт вопросы.

Я с лёгкой завистью про себя отмечаю: “А она мне это никогда не рассказывала!” А тут приходит Серёга, и вот, пожалуйста! Да, Бодров любил людей, ему были интересны их жизни. Позже он мне рассказывал, как однажды, когда он стал уже известным актером, к нему пришли два кавказских криминальных авторитета. Они просто хотели рассказать о своей жизни, именно Бодрову. Это было для них почему-то важно. Они знали: он никогда никому не назовёт их имён и не расскажет их историю. И Серёга выслушал их. Мне кажется, что всё услышанное им, Бодров складывал в какую-то свою внутреннюю копилку и потом, на какое-то время забывал об этом. Но проходило время, и он создавал образы, основанные на услышанном, для своих сценариев, для своих фильмов.

Следующая наша встреча происходит во Франции. Серёга приезжает в Канны с фильмом “Кавказский пленник “. После приезжает ко мне на несколько дней в Нант. Мы гуляем по городу и Бодров обращает моё внимание на какие-то особенные дома или интересные улицы. Серёга в Нанте в первый раз, но он открывает мне заново город, в котором я живу уже несколько лет. По вечерам мы, как раньше, в Москве, сидим в моей нантовской кухне. Он играет с моим двухлетним братом (тоже, кстати Серёжа) и делает то, что умеет лучше всего: слушает и рассказывает. Некоторые миниатюрные истории и придуманные им образы, я увижу позже в фильмах Балабанова.

На выходные мы вместе с моими родителями ездим на океан, смотрим на замки Луары и на средневековые крепости. Я открываю для себя Бодрова-искусствоведа (он закончил исторический факультет МГУ). Удивляет даже не то, что он знает все даты, имена и термины. Он не пересказывает когда-то прочитанное им, а описывает всё своим языком.

Слушать это также интересно, как и его байки, которые я так когда-то любил слушать в Москве.

Хочу рассказать ещё об одном. Мне всегда казалось, что Серёге сильно везло в жизни. Случайно получил одну из главных ролей в своём первом фильме.

**Данила
Левицкий****О БОДРОВЕ**

Да конечно, отец-режиссёр, но брать-то Серёгу в “Кавказский пленник” он поначалу совершенно не хотел. Потом программа “Взгляд”, встреча с Балабановым. У персонажа Данилы Багрова сумасшедший успех.

Однажды вечером я возвращаюсь с работы в свою квартиру. Вижу - сидит Серёга, бледный как смерть и что-то мямлит моим родителям. Оказывается: пошёл гулять, приходит домой, бумажника нет! А в бумажнике: кредитная карта, паспорт, билет в Москву, приличная сумма денег. В общем, попал ты, Серёга! Через десять минут раздаётся телефонный звонок, пожилой женский голос спрашивает: “Monsieur Levitski?” Какая-то старушка, живущая неподалёку, нашла Серёгин бумажник, а в нём, записанные им от руки, моя фамилия и мой телефонный номер! Серёга срывается с места, бегом за цветами и к старушке. Она его поит чаем, он рассказывает ей весёлые истории. В общем, всё как обычно! Да, мне всегда казалось, что Бодрову везло...

Через пару лет Серёга снова приезжает во Францию. Он снимается у режиссёра Варнье в фильме “Восток - Запад”. В картине будет играть Катерин Денев (к вопросу о везении). Серёга по телефону возбуждённо кричит: “Приезжай! Продюсеры всё оплачивают! Билет на поезд, гостиницу и даже, представляешь, еду! “Аргументы конечно, серьёзные. Две секунды сомнений и решено: еду в Париж. На вокзале Монпарнас меня встречает ассистентка режиссера. В машине девушка подробно расспрашивает меня а Серёге, о школе, его друзьях. Видно, она о нём мало что знает и он ей очень интересен как актёр, с которым придётся работать, как человек из другой страны, другой культуры. Двадцать минут спустя съёмочная площадка. Бодров меня видит сразу: “Как добрался Данилыч?” Напрягаюсь: как бы постоять в уголке, не привлекая к себе внимания. Но у Серёги другое мнение! Вокруг него суетятся гримёры, костюмерши, а он: “Сейчас закончу, пойдём гулять, Париж наш!” Мои страхи неоправданны. Никто не обращает на меня никакого внимания. И действительно, а что тут такого? Русский актёр вызвал из другого города своего друга и щебечет с ним на своём языке. Серёга чувствует себя уверенно, впрочем, как всегда, в любой ситуации, в любом месте, с любыми людьми. Ещё одна его особенность: он был не то чтобы самоуверенный человек, он был просто уверен в себе. Мне кажется, это немного разные вещи.

А потом...Бодров водит меня по Парижу (как когда-то по Нанту), показывает, рассказывает, объясняет. Улицы, площади, дома. Километры, пройденные быстрым шагом по парижской мостовой. Кажется, он запоминает всё: запахи, голоса людей, формы зданий. После ужина и короткого отдыха в гостинице, Серёга опять меня тащит гулять по городу. Пятнадцать минут спустя мы оказываемся на улице Сан-Дени. Есть такая улица в центре Парижа: девушки в коротких юбках и в высоких сапогах, запах марихуаны, и на каждом углу группы молодых людей, которые смотрят подозрительно, не по-доброму. Ох, как не по-доброму! Улица небольшая, мы ходим туда-сюда и проходя в пятый раз мимо одной из групп, слышим:

- А чего это вы здесь всё время ходите? - Я внутренне напрягаюсь: кажется, их четверо. Бодров оборачивается:

-Что ты сказал? - Ощущение, что всё это я уже когда-то видел. Серёга, что ты делаешь? Остановись! Поздно. Бодров делает два шага вперёд (или назад, я уже запутался). Слово за словом, завязывается тяжёлый разговор, в котором каждая следующая фраза отдаляет обе стороны от мирного разрешения конфликта. Через минуту их уже восемь. Всё происходит очень быстро, у меня нет даже времени испугаться. Я просто беспомощно наблюдаю за развитием событий. Вдруг:

- А знаете, мы сейчас сходим за нашими друзьями, они здесь, неподалёку, и тогда поговорим -эта Серёгина фраза вряд ли чем-то нам поможет, но почему бы и нет?. Именно с этого момента накал спадает.

Парни что-то говорят друг другу по-арабски, продолжают смотреть на нас но уже не так агрессивно. Они нас спрашивают, откуда мы, что мы делаем в Париже. А потом мы просто уходим, не слыша никаких угроз или оскорблений нам вслед.

Что это было: какая-то недоступная моему пониманию крутизна или полное отсутствие чувства опасности? Абсолютно спонтанная реакция Бодрова или точный, холодный расчёт, что можно говорить, а что нет? Я по опыту знаю, расспрашивать Серёгу о

Данила Левицкий

О БОДРОВЕ

В ЧЕМ СИЛА БРАТ?

произошедшем не имеет никакого смысла. Он уже всё это просто забыл. Потом я понял, что нам дали уйти не потому, что нас испугались или поверили обещаниям Серёги. Они также, как когда-то качки- авторитеты в московском кафе, просто удивились. Что-то пошло не так и они не были к этому готовы.

На следующий день, за час до отхода моего поезда, мы спокойно разговариваем на террасе кафе неподалёку от вокзала Монпарнас. Серёга опускает глаза и озабоченно смотрит на мои ботинки: "Пошли!" Один магазин, второй... У меня тактика простая : побыстрее и подешевле. Но Бодров, кажется, так не думает. Через сорок минут мы бежим на вокзал. У меня в руках картонная коробка с подаренными Серёгой ботинками. Мне кажется, что он рад гораздо больше меня! Почему я об этом пишу? Тут дело конечно не в этих чёртовых ботинках. Серёга хорошо зарабатывал и сделать этот подарок другу для него было совсем несложно. Он просто дарил окружающим его людям, всё, что у него было: время, внимание. Для него было очень важно выслушать человека, сказать своё мнение, дать совет. Он хотел и умел заботиться о людях, которые были ему дороги.

Через полтора года я снова приезжаю в Париж. На этот раз со своей группой, с которой у меня несколько концертов. Я останавливаюсь у своего французского друга. По ночам мы слушаем музыку, смотрим фильмы или просто разговариваем. Однажды вечером, после концерта, я захожу к нему в квартиру и вижу на столе газету. На первой странице большая фотография Бодрова. Я машинально начинаю читать текст. Мой друг уже всё знает. У него просто не хватило мужества сказать мне о том, что случилось.

Я ношу свою боль по маленьким улочкам, уже ставшего мне родным Нанта. Я топлю его в литрах выпитого пива, у себя в квартире. Перед тем как упасть на кровать, я ставлю кассету с "Кавказским пленником" - фильм, который уже очень давно, я знаю наизусть. Я не хочу звонить нашим общим друзьям в Москву. Зачем? Чтобы свою боль прибавить к их боли? Я знаю, она утихнет, пройдёт. Был опыт. И однажды боль отпускает меня. Остаётся, конечно, память. А она у меня, к счастью, хорошая.

Хотел написать ещё об одном. Сейчас многие люди растаскивают на цитаты фильмы с Бодровым, вырывают из контекста фразы из его интервью. Кричат: "Сила в правде!" Есть одна маленькая деталь. Эти люди не знали Серёгу, а я знал. Я задал себе один очень важный о Бодрове вопрос в феврале двадцать второго года. Быстро на него ответил и успокоился...

Да, кстати о памяти. Я помню о Серёге очень многое, почти всё, что меня с ним связывало. Я помню его шутки, его голос, истории, которые он мне рассказывал. Но чаще всего (может потому, что для меня это самое важное) я вспоминаю тот вечер в своей московской кухне. Бодров, бабушка. Их первая встреча. Она рассказывает ему о своей юности, водит по геологической карте рукой. Бодров внимательно слушает, время от времени поддакивает своим уютным басом. А я? А я сижу рядом, смотрю на них, слушаю. Я спокоен и счастлив...

Данила Левицкий

О БОДРОВЕ

СИЛА В ПРАВДЕ!

ОБ ОТЦЕ И ДРУГИХ ПОЭТАХ

Мой отец, Евгений Львович Храмов, родился в 1932 г. в Москве, и умер в 2001, не дожив до своего семидесятилетия. Вот что написано о нем в «Биографической справке»:

Он был поэтом негромким, но умным, ясным, с прекрасным русским языком. «Вы историк интереснее, чем любовник», - сказал ему как-то Борис Слуцкий, прочтя его новые стихи. Даже в литературной среде Евгений Храмов выделялся своей эрудицией и поистине энциклопедическими знаниями.

Он родился в семье химиков, окончил юридический факультет МГУ, некоторое время работал следователем, но в душе жила любовь к поэзии и к шахматам (он был единственным поэтом, имевшим официальный шахматный рейтинг - кандидат в мастера).

В самом начале 60-х годов теперь уже прошлого века он, московский интеллигент с Арбата, ушел с геологами в тайгу и вернулся со стихами возмужавшего человека. В издательстве «Советский писатель» вышла его первая книжка «Ощущение цвета».

Началась жизнь профессионального поэта и литератора: работа в журналах, литературной редакции Всесоюзного радио, издательстве «Советский писатель», отделе поэзии журнала «Новый мир». Он вел цикл телевизионных передач о русском дворянстве в русской культуре - Демидовы, Румянцевы, Строгановы, руководил поэтическим семинаром: «Он не учил нас писать, зато учил пробовать на вкус каждое слово, настаивая на том, что именно оно и есть единица измерения поэтической ткани», - вспоминает одна из семинаристок, поэт и прозаик Анна Саед-Шах. «Наш мэтр, наш учитель, наш Евгений Льво ни разу не посмел высмеять даже самый ничтожный опус. Он просто спрашивал: «А вы случайно не читали, как об этом написал, к примеру, Давид Самойлов, Ярослав Смеляков, Борис Слуцкий, Александр Межиров? И читал наизусть прекрасных поэтов, о которых мы так мало знали».

Я много чем обязан моему отцу, но главное, пожалуй, это любовь к поэзии и к путешествиям, трепетное отношение к русскому языку. Огромным удовольствием было гулять с ним по старым московским улицам. У него было что рассказать почти о каждом доме и его обитателях. Он охотно участвовал в поездках писателей по Советскому Союзу, и довольно часто брал меня с собой. Об одной из таких поездок в Грузию в 1970 году я написал в этих отрывках, а другой отрывок рассказывает о поездках по российским окраинам.

Мой отец был завсегдатаем в ЦДЛ (Центральном Доме Литератора), Московском клубе писателей. Там действительно была уникальная клубная атмосфера, и запросто можно было столкнуться с самыми известными писателями, оказаться с ними за соседними столами в ресторане. Он был частью писательской жизни. Короткие отрывки о Булате Окуджаве, Евгении Евтушенко и Давиде Самойлове завершают эту подборку.

**Юрий
Храмов**
КАНАДА

Юрий
Храмов

ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ

Поездки в Грузию

Я приехал в Грузию в первый раз, когда я был в 8м классе, в 1970 году. Я уже был заочно влюблен» в эту страну, хотя не умел еще ценить грузинских вин, не читал Руставели (впрочем, я не прочел его и до сих пор) и стихов Пшавелы. Но зато уже знал о грузинском кино (и до сих пор ни один фильм не произвел на меня такого впечатления, как в свое время “Мольба” Абашидзе), о стихах Бараташвили (Цвет небесный, синий цвет...), о Пиросмани и о замечательном тбилисском «Динамо». Ну и конечно о кавказской кухне, представлявшейся мне (да и многим в ту пору) вершиной кулинарного блаженства: шашлык, цыплята табака. Лобио, хачапури и сациви знали уже только знатоки.

С тех пор я был в Грузии еще несколько раз, и каждый раз моя любовь к Грузии только росла.

Все мои поездки были чудесны, но с первой, конечно, они не были сравнимы. Что это была за поездка! Поездки с отцом всегда были для меня самым большим праздником, а тут еще в Грузию! Отец летел туда «в составе делегации писателей», и об этой делегации стоит рассказать. Самым главным в ней был Александр Бек, известный советский прозаик.

Блестящую характеристику дала ему в стихах его дочь, Татьяна Бек:

*Был он бражник, был он ерник,
И невесть чего поборник,
Но не вам судить его!*

Между прочим, она очень хороший поэт. Увы, ее тоже уже нет на свете. Но я не об этом. В то время Бек был уже очень немолод, и задумал, уже мало чего боясь, написать роман о Сталинском времени. По понятным, хотя и вовсе не логичным причинам (Сталинский террор в Грузии был страшно жесток), грузины Сталина любили. Они полагали, что Сталин в романе будет выведен положительно, и очень Бека потому обхаживали. И нам от этого тоже перепадало. Написанный им потом роман, “Новое Назначение”, увидел свет во времена Перестройки, и это единственное, что я читал Бека. Еще в этой делегации была Лидия Борисовна Либединская, урожденная графиня Толстая, больше всего сейчас известная по рассказам о ней ее зятя, Игоря Губермана.

Мы прилетели и на первую ночь поселились, я не помню почему, не в гостинице, а в какой-то старой тбилисской интеллигентской квартире. Наверное, наше поколение - последнее, которое еще застало такие квартиры в Москве и Петербурге, а я вот еще и в Тбилиси. Высокие потолки, большие комнаты, неудобные кровати, старая мебель не потому, что хозяйева богаты и могут подобрать ее себе, а потому, что долго были бедными и не могли позволить себе выбросить старое, хотя и хотелось. Нас приняли за настоящим грузинским столом, мне, конечно, тоже налили стакан мутно-розовой маджары (молодого вина). Утром нас разбудили крики: - Мацони! Мацони! По улицам Тбилиси и в 70-х годах ходили разносчики грузинской разновидности йогурта – мацони, со своими осликами, нагруженными бидонами. Я застал молочниц на даче в Мамонтовке, но совсем не помню их в Москве, и строки Луговского:

*Молочница цедит мороз из бидона,
Точильщик торгуется с заднего хода,
Ты снова приходишь, рассветный, бездонный,
Дух русского снега и русской природы...*

Не из моей эпохи, хотя точильщиков в Москве я еще хорошо помню.

Следующие дни в Тбилиси были полны открытий. И самое главное из них - люди на проспекте Руставели, гуляющие и всем своим видом показывающие, что вот, гуляют и никуда не спешат. Да и сам проспект, названный не проспектом Ленина, как ожидалось бы в столице Союзной республики, а носящий чисто грузинское имя, обсаженный платанами и с такой праздничной атмосферой. Естественно смотрелся на этом проспекте и магазин «Вод Логидзе», тоже маленькое чудо: над старинным мраморным прилавком в больших стеклянных конусах (помните их в отделах соки-воды?) были жидкости самых удивительных цветов. Они представляли собой контраст со скучным московским ассортиментом: томатный, ну яблочный, ну виноградный. А тут! Мятный, зеленый как

Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И ДРУГИХ ПОЭТАХ

Фотография
Милина

зеленка, и даже еще зеленей, какие-то оранжевые, синие, густо-коричневые цвета. Неудивительно, что и вкус мне показался необыкновенным, да и весь магазин тоже. А знаменитые (каждый приезд в Тбилиси) абхазские (да, так назывались) хачапури на проспекте Руставели! И там же, удивительный ресторан «Дарьял», расписанный Пиромсани (насколько я помню, одна или две росписи подлинные, но не уверен), со всеми грузинскими блюдами и вином в кувшине. Официант подбегает, это так положено, слушает, принимает заказ, забегает за угол, исчезая из поля зрения, и тут же спокойно садится покурить прежде, чем что-то сделать с твоим заказом. И вдруг на вашем столе появляется еще один кувшин вина, вами не заказанный. Вы оглядываетесь с удивлением, и видите, как компания за соседним столом глядит на вас и поднимает стаканы. Это они «прислали» вам кувшин. Так принято! Грузия!

С моей женой Милой мы тоже были в Грузии, в 1987 году, и это тоже была замечательная поездка со своими приключениями. И тогда же мы были в Атени, месте, где стоит храм 7 века, совсем не посещаемый туристами. Мы приехали туда из Гори на автобусе, и попали в совсем заброшенное место. Храм стоит в винограднике на склоне ущелья, и с дороги он виден на фоне гор. Автобус уехал, пыль улеглась, шум стих. Светило уже нежаркое осеннее солнце, по камням низкой ограды бегала ящерица, в винограднике работал старик. Звуки его работы, голоса птиц и даже шорох ящерицы были удивительно отчетливы и создавали ощущение покоя и какого-то пребывания «вне времени». Неясно было, какой сейчас век, или даже, как по Пастернаку:

*Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?*

Старик-смотритель открыл для нас церковь, и мы вошли внутрь. Мы были одни в этом древнем храме, среди фресок 11 века и косых лучей солнца, проникающих сквозь окна-щели. У нас у обоих было острое чувство единения со всем окружающим в ту минуту, оно проникло в нас, и Атени стало одним из «наших» мест на этой земле.

Русская Провинция

Отец сумел мне привить глубокую, почти подсознательную любовь к русской архитектуре и русским городам, к неброскому русскому пейзажу. Мы изъездили с ним не только известные Владимир, Суздаль, Ростов, Новгород, но и далекие Белозерск, Вологду, Кириллов, Ферапонтово, и неяркие, но удивительно берущие за душу Калугу, Кострому, Переславль, Тверь, Боровск, Тутаев, Углич, Рыбинск, Торжок.

А что было за удивительное путешествие по Костромской области: Галич, Чухлома, Солигалич!

Иногда это были выезды на выступления, и так я просидел на многих концертах, в том числе на нескольких концертах Булата Окуджавы, Дмитрия Сухарева, Юрия Левитанского и на вечерах после них в доме какого-нибудь местного интеллигента (от меня ведь нельзя было отделаться). Но часто это были просто наши поездки. Я теперь думаю, что вот такой «нечадолюбивый», как он сам говорил, человек, проводил столько времени в поездках с сыном. Я так с детьми не ездил.

Отец в поездках писал путевые песни, причем, как правило, от моего имени. Я подумал, что ведь надо бы их сохранить: ведь никто кроме меня во всем мире их не знает! Больше всего их было написано в первой большой поездке в 1969 году. Привожу то, что помню.

Сначала мы поехали на автобусе из Москвы в Кострому. Передвигаться на автобусе намного приятнее, чем на поезде: нет полосы отчуждения, дороги в те времена проходили по всем маленьким городкам, и на остановках можно было даже успеть прикоснуться к городской жизни: автобусные стоянки часто были на главной площади.

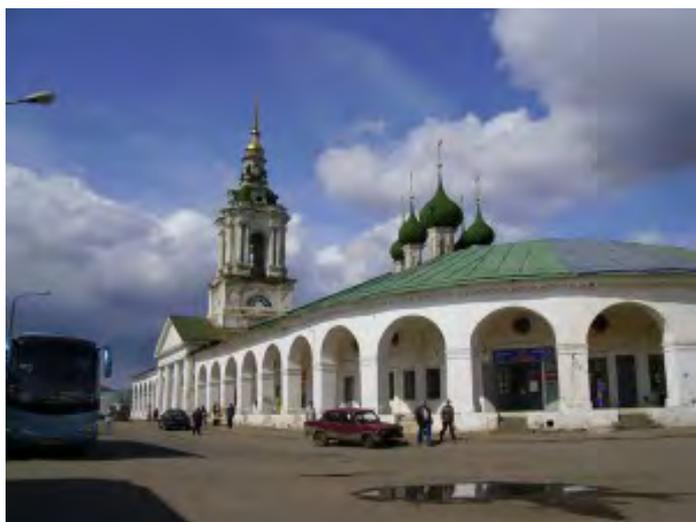
Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ

И вот песня первая:

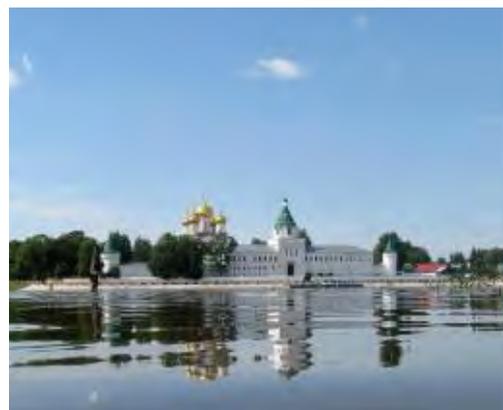
Автобус Икарус, автобус Икарус,
Автобус Икарус “Волгарь”,
Надуй-ка свой парус, надуй-ка свой парус,
И в весла покрепче ударь!
Мы едем на Волгу, мы едем на Волгу,
Во столичный во град Кострому,
Совсем ненадолго, совсем на недолго,
Всего на недельку одну.
По той Костроме уж не ходят дозоры,
Не встретишь хмельного стрельца,
Но стройны, как прежде, седые соборы
И липы цветут у крыльца.
Там нету метро, и наверно, не будет,
Но хоть и двадцатый там век,
Все люди там помнят, что все они люди,
И каждый из них человек.
И если нам в жизни удачи не хватит,
И солнце померкнет в окне,
Пусть нам златоглавый приснится Ипатий,
Чтоб мы улыбнулись во сне!

Вот она, Кострома тех времен (все фотографии не наши, а выбранные из Гугла):

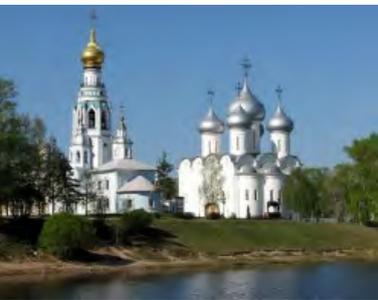

И там же, глядя на дамбу на реке Костроме, превратившей ее в огромное озеро, отец написал такое:

Хорошо б под эту дамбу
Подложить большую бомбу,
И поставить дамбе блямбу,
И не пожалеть о том бы.

“Златоглавый Ипатий”

Из Костромы мы купили билет на поезд в Вологду. Там, наверное, километров 350, но поезд шел почти сутки, и очень неспешно:

Как за Галичем, за Буюм
Силы мы мобилизуем
Чтоб не плакать, не реветь,
Молча чтоб в окно глядеть.
Ах вагон ты наш, вагон
Сто коров идут в обгон!
Дорогой ты наш паровоз,
Обогнал б тебя обоз,
если б не свернул в овес.
Если б не свернул в овес,
он быстрее б нас довез!
Но зато в вагоне сплошь
Не отыщешь пьяных рож,
Лишь смиренные мужички
Молча чешут мозжечки,
Да старушка крестится,
Ленину ровесница.
До свиданья Кострома,
золотые терема,
Не боимся холода,
Здравствуй, город Вологда,
Город Вологда!

Галич и Буй – это станции (и города) по дороге, а год – накануне столетия Ленина (1969). В Вологде мы провели день или два, потом улетели в Белозерск, и потом опять вернулись в Вологду, и оттуда, не без труда (с билетами, как и со всем остальным, было плохо) вернулись в Москву. Поэтому песня состоит из двух частей:

А в городе Вологде жили мы славно,
Едва лишь блеснули его купола,
Дежурная тетя Прасковья Николаевна
Нам номер отличнейший подобрала.
Мы Вологду город забудем не скоро,
Он весь тишиною, как тесом, обшит.
Напрасно мигает глазок светофора,
К глазку светофора никто не спешит.
В том городе ставни сдвигаются на ночь,
Такой там замедленный времени ход,
Что кажется, только что Павел Иванович
За мертвыми душами двинул в поход.
Там улицы скрыты развесистой тенью,
Там все продолжается Дядюшкин сон,
Но вдоль тротуаров стоят ограждения,
Чтоб с главной столицей звучать в унисон.
Но чтоб вы не спутали город с деревней,
Чтоб вам, дорогие, в ошибку не впасть,
Напомним мы вам, как нельзя откровенней,
Что там существует Советская Власть
На радость крестьянам, на радость рабочим,
Она там горит, как во мраке звезда,
Дерзает и строит, и не между прочим
Билеты бронирует на поезда.
Там главный начальник – солидный мужчина,
Он трубку (телефонную, конечно) мозолистой поднял рукой,
Родные и близкие, вот вам причина,
Что мы на день раньше вернулись домой.

**Юрий
Храмов**

**ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ**

«Знаменитый «Рубцовский дебаркадер» в Вологде»

Летели мы в Белозерск на «кукурузнике», и это был мой первый в жизни полет. Песня про него была написана на мотив «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить».

Я даю вам слово, я не Терешкова,
Я не Терешкова, да я и не Титов
Но на Белоозеро не пройти и бульдозеру,
И на Белоозеро я лететь готов.

Дальше описывался сам полет, и что было видно, и как было трудно усидеть на дощатой лавке (это вместо кресел), а в конце было такое:

А когда мы сели, долетев до цели,
Долетев до цели, сели прямо на жнивье,
Не слезая с трапа, я промолвил «Папа,
Кажется, мне, папа, я отлетал свое.

Про Белозерск, один из трех городов на Руси, где «сели» варяги (Рюрик в Новгороде, Трувор в Изборске, а вот Синеус – в Белоозере), написано было «серьезно» (наверное, я просил):

Стоим под сильным ветром,
Разводятся мосты,
Полтыщи километров
До матушки Москвы.
Здесь очень низко небо,
И высока река,
И пахнут, пахнут снегом
Над нами облака.
Здесь север, север, север,
Холодная вода,
Но верим, верим, верим
Вернемся мы сюда!

И мы действительно вернулись в эти края через год, почти повторив наш маршрут. Но на этот раз мы проехали и прошли (да, до Чухломы мы шли пешком и ночевали в какой-то избе по дороге) по Костромской области: Галич, Чухлома, Солигалич. От трогательного в своей захолустности Солигалича остался совсем маленький стих:

Соли – галич,
Воды – горечь (там горько-соленые минеральные воды)
Вал – мал,
Еда – беда.

На фотографиях – Галич, Чухлома, и две последних- Солигалич

Потом через Вологду, где отец сидел в ресторане на дебаркадере (помните эти «поплавки»?) с Николаем Рубцовым, и тот спросил: Сколько лет мальцу? И услышав ответ, сказал: «может идти за пивом». И я пошел, и пиво мне почему-то продали. Вот мой вклад в русскую поэзию!

Мы уплыли на крошечном парходике (рейсовом, не туристском) в Кириллов и Ферапонтово (ох, какие места), и ходили на гору Мауру, с которой видно с одной стороны широкую Шексну с парходами и баржами, а с другой – Кирилло–Белозерскую Лавру на тихом озере. У меня тот вид прочно ассоциируется с Рубцовским:

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто–то по ельнику в сумерках едет и едет,
Позднее время – спешат запоздалые дроги...

Уже возвращаясь в поезде в Москву, отец от моего имени написал последнее стихотворение поездки, оно называлось “Ура–патриотическое по требованию цензуры”.

Вот его–то я и забыл, но помню конец:

...И вот теперь, когда я возвратился,
Я с полным основаньем говорю:
Мне нравится страна, где я родился,
И я вас за нее благодарю.

А теперь... Ну, да что говорить ...

Окуджава, Евтушенко, Самойлов Мои литературные знакомства

Мой отец знал Булата Окуджаву с 1955 года (т. е. раньше, чем меня), они вместе были членами лит. группы «Магистраль», и с тех пор дружили, хоть и не очень интенсивно. Разница масштабов дарований ни моему отцу, ни Окуджаве не мешала. И продружили до самой смерти, и отец даже написал очень трогательный некролог «Окуджава боялся играть французскую защиту». Увы, я не смог его нигде найти.

Во времена неприятностей у Булата Шалвовича в начале 1970-х, мой отец «играл роль автора песен», так как Окуджаву близко не подпускали к кинематографу. К счастью, потом все встало на свои места и авторство Окуджавы было восстановлено. Как-то текст Окуджавы взяли для песни в какой-то фильм (кажется, «Дела давно минувших дней»), но только под авторством моего отца. И вот отец едет в Ленинград, на съемки с инструкцией от Булата Шалвовича не принимать никаких изменений. Отец приехал, и тут ему говорят, что слова, с которых начинается песня - «затихнет шрапнель и начнется апрель» - надо заменить. Мол, шрапнель не затихает. «Но Евгений Львович ведь профессионал, он быстро это исправит». Мой отец был 1932 года рождения, и войну видел только в кино, но у него была окладистая борода, и тут, присоңившись, он вдруг сказал: «Уж я-то знаю, как затихает шрапнель». Оробев перед «ветераном», редактор согласился. Текст Окуджавы остался неизменным, а потом и авторство было восстановлено.

Они довольно много ездили по стране вместе, и иногда меня отпускали вместе с отцом. Окуджава предпочитал на вечерах читать свои стихи, а не петь песни. При всей его неподдельной скромности, он считал себя очень хорошим поэтом, и я с ним совершенно согласен. Я помню, как у отца на даче он прочел стихотворение «Низкорослый лесок по пути в Бузулук»:

Низкорослый лесок по пути в Бузулук,
весь похожий на пыльную армию леших -
пеших, песни лихие допевших,
сбивших ноги, продрогших, по суткам не евших
и застывших, как будто в преддверье разлук.

Их седой командир, весь в коросте и рвани,
пишет письма домой на глухом барабане,
позабыв все слова, он марает листы.

**Юрий
Храмов**

**ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ**

Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И ДРУГИХ ПОЭТАХ

Истрепались знамена, карманы пусты,
ординарец безумен, денщик безобразен...
Как пейзаж поражения однообразен!

Или это мелькнул за окном балаган,
где бушует уездных страстей ураган,
где играют безвестные комедианты,
за гроши продавая судьбу и таланты,
сами судьи и сами себе музыканты...

Их седой режиссер, обалдевший от брани,
пишет пьеску на порванном вдрызг барабане,
позабыв все слова, он марает листы,
декорации смяты, карманы пусты,
Гамлет глух, и Ромео давно безобразен...
Как сюжет нашей памяти однообразен!

Датировано оно 1964 годом, но тогда мне казалось, что он его только что написал и потому и читал.

А в одной из поездок, в Калинин (Твери) он, уже после выступления, на улице, прочел свою «Молитву». Вот оно:

Пока Земля еще вертится, пока еще ярк свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай коня,
дай счастливому денег... И не забудь про меня.
Пока Земля еще вертится, Господи, — твоя власть! —
дай рвущемуся к власти навластноваться всласть,
дай передышку щедрому хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье... И не забудь про меня.
Я знаю: ты все умеешь, я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
как верит каждое ухо тихим речам твоим,
как веруем и мы сами, не ведая, что творим!
Господи, мой Боже, зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится, и это ей странно самой,
пока ей еще хватает времени и огня.
дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня.

Наверное, песня тогда уже существовала, но я этого не знал. И просто остолбенел, настолько эти стихи меня поразили.

Кажется, один раз я оказался на первом (или почти первом) исполнении его песни «Батальное полотно». Окуджава был в гостях у отца, и моя бабка попросила его спеть. Окуджава – кавказец, и отказывать старшим там не принято. И вот тогда он спел, предупредив, что это первое исполнение. Как все же мне везло!

Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ

Евтушенко

Наверняка я видел Евгения Евтушенко в ЦДЛ много раз, но сейчас вспоминаю единственный разговор, в котором я принял участие, правда, пассивное. Не помню, кто еще был за нашим столиком, кроме отца и меня. Евтушенко подсел к нам, и почти сразу прочел «свежеиспеченное» стихотворение «Сизый мой брат»:

С кровью из клюва,
тёпел и липок,
шеей мотая по краю ведра,
в лодке качается гусь,
будто слиток
чуть черноватого серебра.
Двое летели они вдоль Вилюя.
Первый уложен был влёт,
а другой,
низко летя,
головой рискуя,
кружит над лодкой,
кричит над тайгой:
«Сизый мой брат,
появились мы в мире,
громко свою скорлупу проломаю,
но по утрам
тебя первым кормили
мать и отец, а могли бы — меня.
Сизый мой брат,
ты был чуточку синий,
небо похожестью дерзкой дразня.
Я был темней,
и любили гусыни
больше — тебя,
а могли бы — меня.
Сизый мой брат,
возвращаться не труся,
мы улетали с тобой за моря,
но обступали заморские гуси,
первым — тебя,
а могли бы — меня.
Сизый мой брат,
мы и биты и гнуты,
вместе нас ливни хлестали хлестьям,
только сходила вода почему-то
легче с тебя,
а могла бы — с меня.
Сизый мой брат,
истрепали мы перья.
Люди съедят нас двоих у огня
не потому ль,
что стремленье быть первым
ело тебя,
пожирало меня?

Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ

Сизый мой брат,
мы клевались полжизни,
братства, и крыльев, и душ не ценя.
Разве нельзя было нам положиться:
мне — на тебя,
а тебе — на меня?
Сизый мой брат,
я прошу хоть дробины,
зависть мою запоздало кляня,
но в наказание мне люди убили
первым — тебя, а могли бы —
меня...»

Евтушенко видимо горячился, и спросил у отца: «Правда ведь, я лучший современный русский поэт». Отец, на мой взгляд, ответил блестяще: «Женя, я не знаю, лучший ли ты, но я за тебя болею, как за Спартак (мой отец был страстным болельщиком)». Евтушенко, ни на секунду не задумываясь, сразу сказал: «Ну, вот ты не знаешь, а он (тут он показал на меня) - знает». Так я ненадолго стал вершителем судеб русской поэзии.

Давид Самойлов

Мой отец очень ценил Самойлова и как поэта, и как человека. И если в отношениях с другими писателями он держался как ровня, то здесь, опять-таки, наверное, по обоюдному согласию, были отношения учителя и ученика, хотя он и звал Самойлова «Дэзик». Они активно переписывались, и в одном из писем Самойлов написал по поводу стихотворения о неубитом Пушкине: это стихотворение должен был написать я! Отец считал это большой похвалой и гордился ею. Безо всякого сомнения отец считал Самойлова лучшим современным поэтом. А вот к другим поэтам «классического стиля» - Левитанскому и Тарковскому - относился спокойно, и моих восторгов не разделял. Самойловские страны Курзюпия и Фисгармония были частью домашнего фольклора в доме моего отца, да и я до сих пор употребляю слово «курзюписто». Курзюпские князья Ябайлы нумеровались так: Раз-Ябайло, Два-Ябайло и т. п. Курзюпский Словарь, составленный пастором Йобисом, содержал 39 слов. Вообще-то слов было сорок, но сороковое пастор забыл.

Отношение к своему творчеству Самойлов сформулировал в стихотворении, написанном после смерти Пастернака и Ахматовой:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И все разрешено.

Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ

А вот и стихотворение моего отца о неубитом Пушкине:

В середине прошлого столетья,
дай бог память, в пятьдесят девятом,
кажется, на Фоминой неделе,
был я в Мариинском.
«Травиату»
в первый раз давали,
пели Дзетти,
Бозио и дивный Антонелли.
Впрочем, что вам эти имена?
Вы давно их позабыть успели
(а вернее, знали их едва ли)...
Так о чем я?
В первый раз давали
«Травиату».
Были времена
странные: Россия обновлялась,
слышался какой-то тайный гром.
Как могло все кончиться добром,
если вдруг на сцене появлялась,
что я говорю, «простолюдинка», —
падшая!
Камелья!!
Ли-бер-тинка!!!
Ну, да я хотел ведь о другом.
Что случится дальше – неизвестно,
а тогда оркестр играл прелестно,
Бозио была еще жива...
Сыгран первый акт, блестящ и весел.
Люстра опустилась, шумно стало
(музыка – ведь это тишина),
сделалась публика слышна,
шумно выходящая из кресел.
Я, однако, не покинул зала.
Видимо, мне сердце подсказало.
И тогда привлек мое вниманье
в левой ложе некий господин.
Чем? Да хоть бы тем, что, быв в компании,
в то же время был он и один.
Говорил он, взмахивал рукою,
кланялся на чей-нибудь поклон,
но незримой некою чертою
был от прочих резко отделен.
Был он в виц-мундире...
Нет, во фраке!
Белого Орла и Анны знаки
он имел, но дело и не в них.

Юрий Храмов

ОБ ОТЦЕ И
ДРУГИХ ПОЭТАХ

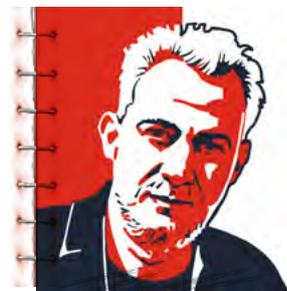
Лет под шестьдесят, никак не мене,
под глазами голубые тени,
кудри словно бы венец седой,
живость черт и вместе величавость,
и нигде мне больше не случилось
видеть взгляд столь остро молодой.
Так вот на березовой опушке
даже ночью виден ясный свет.
И меня ударило вдруг —
Пушкин!
Это ж Пушкин, славный наш поэт!
Я вот и сейчас опять в смятенье,
только этот вечер вспомяну.
Это он, и в этом нет сомнения,
он, забывший тяжкое раненье,
переживший бедную жену.
Это он, подняв седую бровь,
скалит зубы, не скрывая радость,
он, России первая любовь,
свет ее и ветреная младость.
Вот сейчас, остроту оценив,
дама на него легко взглянула.
Тот, кто гнал в Тригорское коня,
перед кем, монистами звеня,
у огня
плясала Мариула, —
вот он, в ложе слева от меня,
тот старик, изящный и сутулый,
с желтой пергаментною кожей,
аккуратно стянутой к вискам...
Говорите: «Кто-то был похожий
на него?»
Я понимаю сам,
что такого быть никак не может
что с свинцом в груди и жаждой
он убит.
Навек.
Но если!..
Если...

ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДОМ КЕТКОВИЧЕМ

Париж – город любви. Для туристов. Для тех же, кто переехал сюда после российского вторжения в Украину, Париж – арена борьбы за выживание, крышу над головой, получение документов, зарабатывание денег, образование детей, продолжение профессии. Из России во Францию перебрались тысячи талантливых творческих людей, многие из которых приняли это решение без подготовки, часто не осознавая сложностей, которые ждали их впереди. Очень немногим удалось продолжить свою карьеру, но такие примеры есть.

Продюсер документального кино Влад Кеткович эмигрировал в Париж с женой и двумя детьми через неделю после начала войны. Оказавшись в незнакомой стране, он не опустил руки, а наоборот – продолжил биться за своё место в нише документального кино, несмотря на сложности, связанные с незнанием языка и фактической отменой русской культуры в первый год войны.

**Даниил
Таль**

РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

Влад, расскажи о себе, что ты делал до войны?

В последние лет наверное пятнадцать, у меня была такая поступательная, медленная, но устойчивая карьера продюсера. Я 1971 года рождения, учился на Геофаке, это был конец 1990х, бурное время. На старших курсах мы с однокурсниками начали ездить в экспедиции, первая была в Казахстан, на плато Устюрт – это такое интересное, не посещаемое, реликтовое место. Потом организовывали этнографические экспедиции, например к пигмеям в Африку, ездили в Кению на озеро Туркана, проехали через Уганду. В ту поездку кто-то взял с собой камеру, и именно тогда у меня началось приобщение к кино. На следующий год мы поехали в Южную Америку, жили среди индейцев, пили разные дурманящие напитки и снимали кино.

Закончив Геофак, я подумал: «вот у нас такая охуенная страна, Россия, надо бы сделать географическую видео энциклопедию, ездить по регионам России и снимать». Это был 2003-2004 год. Я познакомился с оператором и на свои деньги организовал поездку в Бурятию. Фильм должен был длиться 25-26 минут, чтобы времени школьного урока хватило на просмотр и обсуждение. Я начинал, как оператор, понял, что я плохой оператор, потом пробовал себя в качестве режиссёра, понял, что и режиссёр я плохой, и в результате стал продюсером. После Бурятии мы неожиданно попали на премию Тэффи-регион и стали ее лауреатами.

С тех пор я начал получать деньги на кино. Начиная с 2010 года выигрывал гранты Министерства культуры. Моя компания «Фонд Этногеографических исследований» получила финансирование на пять фильмов, которые шли на канале Культура.

Работая в Бурятии, я познакомился с чуваком, старовером. В Бурятии очень много староверов, их туда выгнала Екатерина. Звали его Поликарп Николаевич Судомойкин. Он был художник, рисовал наивную живопись. У него в одной комнате были иконы, а в другой – голые женщины. И я понял, что Поликарп Николаевич - интересный герой, понимаешь? И это был первый мой фильм, который я сделал, как продюсер, по канонам документального кино, то есть, не просто «камера налево, камера направо», а фильм с героями. Для этой картины, я позвал известного режиссёра, Алексея Погребного.

С 2010 года я начал понимать, что в российской системе распределения бюджета вредит самому кино, так как фильм обычно снимался на «остатки»: 2/3 бюджета попадали в другие руки, а на оставшуюся треть нужно было снимать фильм «под ключ».

Вот сижу я и думаю: «ну блядь, у меня приличный английский, а эти продюсеры мне не очень нравятся. Какие-то полусоветские шуточки, делёж денег. Дай-ка я попробую подать свои проекты в Европу, на международную ко-продукцию». Я понял, что

в Европе кино делают по-другому, объединяют несколько компаний, несколько стран, в каждой стране свой продюсер. Они подают в свои фонды и распределяют почти весь бюджет на кино. Это значит, что картина получается с приличными деньгами, на которые можно снять что-то стоящее.

С 2011-12 года началось освоение мной европейского рынка. Я подал заявки со своими этнографическими проектами, например фильм «Дикий мёд», про то как в Башкирии люди лазают на деревья, прочищают дупла, устраивают там ульи и так далее. Это был мой первый проект, я представил его в Кракове. И меня взяли. На такие мероприятия приезжают все игроки индустрии: работники телеканалов, платформ, сэйлс агенты, кинофонды, у которых есть деньги и которые заинтересованы в партнёрстве.

И тут Путин начал делать своё, вот это, дело. В то время я создал свой первый политический фильм. Помнишь, был закон про вред ЛГБТ. Я не то, чтобы к ЛГБТ принадлежу, но мне казалось, что это их личное дело, и что этот закон – стыдная вещь! Когда Путин вернулся после Медведева, я понял, что дело идёт к диктатуре. В 2012 году я начал делать политические фильмы. И по сути, европейцам это было интереснее – какой тут дикий мёд!

То есть, я сидел на двух лодках. Я делал много фильмов, например, против рекрутирования молодых ребят в армию, про милитаризацию общества, про «Новое Величие». Мы снимали на свои, потом ездили в Европу на питчинги. И параллельно с этим, мне предлагали быть линейным продюсером в российских проектах больших западных компаний. Моя карьера развивалась, я становился все более известен. Представьте, приезжает русский парень, лысый, пьющий – такой архетип.

Кроме того, я продолжал работать с Минкультом по этнографической теме, мои фильмы начали получать призы на фестивалях.

- То, что ты снимал политические фильмы никого не волновало?

Не очень. До последнего момента было «Эхо Москвы», куда все приходили, «Дождь», на котором мы, кстати, показывали политические фильмы, вплоть до 2021 года. Я даже сам удивлялся. Это конечно не была богатая жизнь, например, мы только в 2020 году отложили денег на поездку во Вьетнам, отправились туда с женой Машей, которая была беременна, и дочкой Мишель.

- Когда война началась, где ты был, что с тобой происходило в тот день?

У меня была очередная поездка с каким-то канадцем. Мы поехали в Ханты-Мансийский автономный округ, и в момент начала войны находились в оленьем стаде, с северными оленями. Нам ещё надо было ехать в Туву, снимать шамана, охотника на волков и исполнителей горлового пения. То есть, я был в этом своём этнографическом пространстве и прямо среди чумов и оленей, через хуевый интернет узнал, что в Украину летят бомбы, самолёты.

- А Маша где была в этот момент?

Маша снималась в кино в Молдавии

- Ой, ёлки-палки!

-Да, она снималась в фильме, который кстати, сейчас будет в первый раз показан в Карловых Варах. Я на краю света, она с маленьким Яшей в Молдавии, а старшая дочь Мишель у бабушки в Туле. Я, узнав о войне, приехал на день в Москву 26 февраля. В тот день много пил, потому что пережить это было сложно. 27го вылетел в Ханты-Мансийск, тоже крепко с этим канадцем выпил, объяснял ему, что жизнь поменялась, случилось что-то непоправимое, огромное, страшное, настоящая беда, война.

Канадец из России убежал, но фильм попросил доснять. Я сжал все съёмки, благо опыт

**Даниил
Таль**

**«ИНТЕРВЬЮ
С ВЛАДОМ
КЕТКОВИЧЕМ»**

у меня был хороший: потратил по дню на шамана, охотника и горловика. Там конечно о войне никто ничего. Параллельно я работал линейным продюсером в компании "Little Big Story", которая в этот момент снимала фильм «Ненцы против газа», на Ямале. С этой компанией я и сейчас работаю.

И вот собственно, мы встречаемся с Машей в Москве 1 марта, я ей уже 28 февраля сказал: «Маш, мы уедем». Она ответила: «Ты езжай, я останусь». А сама начала ходить на пикеты, участвовала в феминистском антивоенном движении (ФАС). Я настоял, сказал что надо уезжать, здесь все закончилось.

- Это при том, что твоя карьера пошла в гору

-Я тебе скажу самое смешное, именно в 2021 году ко мне наконец-то прониклось Министерство Культуры. Мне впервые за все время в течение года дали три документальных фильма и один игровой! Там была очень хорошая история про олениху, которую убивают нефтяники, а потом приходит мужчина, который говорит, что эта олениха - женщина-оборотень, его жена. Нефтяники в конце концов признаются, что они ее убили. Мощный сценарий, который многим понравился, в том числе, кстати и Андрею Звягинцеву, с которым мы некоторое время спустя стали соседями в Париже.

Я получил большие деньги, миллионов сорок. Двадцать пять на игровое и пятнадцать на документальное. Для игрового фильма я нашёл сопродюсеров - финнов и норвегов. Это была возможность «скакануть» на новый уровень, стать большим продюсером, причём международным, потому что у меня были опыт и связи. Новый этап после пятнадцати лет работы. И вот война.

-Решение уехать было обдуманное или эмоциональным? Ты понимал, где окажешься, сколько у тебя денег, какие документы?

-Слушай, я до сих пор считаю, что это решение было правильное, хотя сейчас, через два с половиной года я столкнулся с финансовым кризисом, который у большинства эмигрантов начался год назад. Решение было эмоциональное. Я понимаю, что надо было поторчать там ещё месяц, хотя бы сделать генеральную доверенность на квартиру. Мы же собрались за три дня, взяли с собой шесть чемоданов из всей квартиры. Уехали с двумя детьми, Яшей и Мишель. Французы нам помогли с визой. У Яши не было документов. Французская компания, Little Big Story, с начала войны помогала журналистам и продюсерам, которые были политически уязвимы. Помогли и нам: Яше дали визу за 4 часа. У задней двери посольства стояла очередь из диссидентов.

Из-за войны от участия в фильме отказались и финны и норвеги. А пять миллионов уже израсходовано: я заплатил сценаристу и оператору, у нас были подготовительные экспедиции, мы провели кастинг, посмотрели местность, все подготовили для съёмок. У меня образовалась такая развилка: либо продолжить съёмки фильма в России, сменить команду и халтурить, либо закрыть проект и вернуть в Минкульт пять миллионов. Я не хотел оставаться должным, мол Влад взял пять миллионов и сбежал в Париж. Пришлось продать квартиру и отдать деньги Минкульту.

И вот я оказываюсь во Франции без языка. Я понимаю, что даже в Америке влился бы быстрее.

- То есть вы выбрали Францию, потому что они предложили помощь?

Мы знали, что французы нормально относятся к таким как мы. Мы же уезжали по политике, насовсем. Эмиграция, как 100 лет назад. К тому же эта компания, Little Big Story, сказала «ты не волнуйся, мы тебя устроим на работу». И они сдержали слово. Я сейчас там работаю. Другое дело, что пока оба мои проекта в девелопменте, и я не получаю денег. Но у меня есть шанс. Я стараюсь учить язык, интегрироваться, работаю над новыми проектами.

**Даниил
Таль**

**«ИНТЕРВЬЮ
С ВЛАДОМ
КЕТКОВИЧЕМ»**

Приехав во Францию, мы на два-три месяца остановились у друзей, а с 1 июля перебрались в Париж.

- Сколько у тебя с собой было наличных, карты же все отключили?

-Я взял с собой в пределах 10 000 евро, приехал с туристической визой. Я сейчас сам удивляюсь. Мой друг Денис Снигирев, как только мы приехали, помогал мне податься на политическую визу. Стояли в очередях в офисе в районе Версаля, а потом у нас в этом офисе забрали паспорта, и мы какое то время жили без паспортов, с какими-то писульками. Я по этим писулькам сделал свою первую банковскую карту, по ней можно было в месяц тратить 500 евро. Но мне повезло - в это же время, у меня появились переводы сериалов HBO, знакомый латыш меня свёл. Чудо какое-то. Это работа, которой я раньше никогда не делал, финансово нам очень помогала. Я перевёл восемь сериалов, за каждый получал около трех тысяч. На деньги от этих переводов мы жили полтора года. Сейчас я закончил последний сериал.

Благодаря Little Big story и при поддержке друзей, в Париже мы получили комнату в общежитии для творческих людей Recolette. Приперлись мы туда, а на веранде сидит Звягинцев, он тоже там оказался.

- В Recolette у вас на четверых одна комната?

Да, комната огромная, 70 метров, но это студия. Мы живём там вчетвером, а в центре студии – туалет.

- Вы сделали какие-то перегородки?

-Нет, у нас там отдельный закуток для Мишель.

- Почему же вы все-таки уехали? Огромное количество людей там осталось, у вас в Москве была комфортная жизнь, твоя карьера развивалась, ты мог бы по-прежнему снимать фильмы.

Во-первых, я волновался за Машу. У неё, помимо всего прочего, была компания в поддержку Олега Сенцова, на неё уже завели административные ссылки в центре «Э», к нам приходил участковый, говорил «вы не ходите на политические акции, это не нужно, вы у нас под наблюдением». Я понимал, что Маша особо не остановится. Во-вторых, у меня в то время выходил фильм «Новое Величие», анти-ФСБшный. Он шёл на канале Arte и нескольких других европейских каналах. Я не думаю, что меня бы сразу схватили, я до сих пор даже не иноагент.

Чтобы остаться, я должен был завязать с политическими фильмами, зато у меня бы появились возможности продюсировать игровое кино, а денег на это сейчас дают очень много. Те, из нашей сферы, кто остался, купаются в деньгах, даже на документальный фильм дают по десять миллионов, а когда я там работал, давали два с половиной. Почувствуйте разницу. Все что нужно – это снимать фильмы о героях СВО, например.

У меня особо даже этого вопроса не было. Я понял, что страна шла и шла, начиная с 2008 года. И я видел, куда она идёт, в том числе, потому что делал политические фильмы, отслеживал, общался. Я понимал, что в феврале 2022 года мы наконец пришли, и что начинается концлагерь. Страна скатилась к диктатуре, начала захватническую войну. В этой ситуации, я не видел возможности для морального компромисса. Эта история мне показалась невозможной, лично для себя, на этическом уровне. Ну и дети, конечно, я не хочу, чтобы они ходили в военных гимнастёрках.

**Даниил
Таль**

**«ИНТЕРВЬЮ
С ВЛАДОМ
КЕТКОВИЧЕМ»**

Как Маша и дети адаптируются? Все-же это был переезд в неизвестность..

У нас, наверное, самое трудное время было с Мишель. У неё уже начинался подростковый возраст, 12 лет. Там у неё осталась компания, ближайшая подруга, первые мальчики, сходки. Полгода у неё была депрессия, и до сих пор она общается только с русскоязычными подругами, украинкой и молдаванкой. Французский у неё не очень, за два года она конечно выучила кое-что, но желания напряженно учиться у неё нет. Но как-то она говорит. Оценить мне сложно, потому что мой французский ещё хуже. С ней было трудно, тем более в Париже доступны наркотики, мы этого очень боялись. Сейчас я с ней разговариваю, мне кажется кризис первого года прошёл. Она выдержит, у неё есть понимание, что ее увезли в свободный мир, она же слышит наши с Машей разговоры. Она очень умная и ироничная, я думаю, она все поймёт и будет нам благодарна.

- А Яше наверное лучше всех?

-Да, он приехал, когда ему было два года. Он - единственный в нашей семье, у кого есть ежедневное погружение в язык. У нас то с Машей мало общения на французском – мы везде говорим по-русски или по-английски. Мы ходим с ней на курсы, но французский заходит тяжело, нет практики. А у Яши есть практика. Он первые три-четыре месяца плакал, не хотел ходить в садик, потому что никого там не понимал, а сейчас охотно туда ходит. Думаю, к пяти годам все будет отлично. Это мой первый сынок и я рад, что он здесь, потому что вижу, что делают с мальчиками в России. Здесь не принято одевать детей в гимнастёрки времён второй мировой войны.

Маша до сих пор пьёт антидепрессанты, у неё то хорошо, то плохо. Машина история похожа на мою. Перед войной, она начала активно сниматься в игровых фильмах. Фильм «Китобой», в котором она играла, попал в Венецию, ее стали куда-то приглашать, прямо перед нашей эмиграцией она снималась. Маша приехала сюда, как и я, без языка, ее здесь никто не знает. В общем конечно, я и Машке насолил, она пока не может работать по профессии. С другой стороны, быть сейчас актёром в России – дело специфическое. Ты должен сидеть тихо, а ещё лучше – поддерживать войну, чтобы получать роли.

-Сейчас это кажется маловероятным, но допустим, в России когда-нибудь сменится режим. Вы вернётесь туда?

Я первый год об этом думал, сейчас это мне кажется маловероятным. Россия проявила удивительную адаптивность, этот союз с Китаем, Кореей. Интересный вопрос. Если Россия станет демократической страной, в которой для нас нет угрозы, наверное да. Почему бы и нет? Все равно, где ты находишься: меня по-прежнему знают в моем мире, а Маша сможет сниматься. Но это вариант, которого не будет. Мы настроены на то, чтобы адаптироваться здесь в расчёте на то, что дети станут французами, а мы кое-как доскрипим.

-Но ты то скрипишь неплохо, давай поговорим о проектах, которые ты делаешь здесь. Какой был твой первый проект после переезда?

Первый проект мы начали незадолго до войны, с казахской девушкой-режиссёршей, о ядерном полигоне в Семипалатинске. Это где Советские Союз жаждал атомные бомбы – надземные, подземные. Там живут люди, среди всей этой радиации. Они говорят, что не уедут, потому что на этой земле жили их предки. Экологи, убеждали их, что надо уезжать. Мне казалось, что это был сильный проект, тем более, когда Путин начал орать про ядерное оружие. Я думал, что тема фильма актуальна.

**Даниил
Таль****«ИНТЕРВЬЮ
С ВЛАДОМ
КЕТКОВИЧЕМ»**

Но, к сожалению, мы столкнулись с феноменом “cancel Russian culture.” Компания Little Big Story представляла этот фильм раз пять, но нас никуда не брали. Я сначала удивлялся: почему не берут, проект же интересный, если бы я был отборщиком, я бы взял. А потом понял, что это связано с тем, что меня знают, как выходца из России. В то время правила диктовали украинцы, в том плане, что их взяли в отборщики, различные жюри. Они ультимативно говорили, что никаких русских ни в каком виде быть не должно. Ни экспатов, ни выходцев из России. Потом этот фильм, уже с другим продюсером, все-таки вышел и пользовался успехом. Так что, в 2022 году, проблема была не с фильмом, а с моими корнями. Собственно, это одна из главных проблем войны - она на уровне «русские против украинцев», хотя это не так. Мы русские, но мы тоже против режима, и мы уехали, мы конечно же за одно с украинцами. Мне кажется, это печальная ошибка, понятно, чем она обусловлена, но тем не менее. Короче, на этом я потерял год – новых проектов не брали, я сидел в студии, жил на деньги от переводов HBO, получал что-то от фильмов, которые вышли сразу перед войной: «Новое Величие» и «Жизнь Иванны».

**Даниил
Таль**

**«ИНТЕРВЬЮ
С ВЛАДОМ
КЕТКОВИЧЕМ»**

Все это время мы продолжали работать над картиной «Шаман». Я поехал на рынок документального кино «Sunny side of the Doc», и заручился поддержкой со стороны компании из структуры МБХ, нашёл со-продюсера и фонд. Благодаря деньгам, которые нашлись во Франции, мы закончили «Шамана». Недавно была мировая премьера в Праге. Месяц назад у нас появился сэйлс -агент, который будет отправлять фильм на сотню фестивалей. Возможно, будем говорить о фильме с телеканалами. Ожидать, что фильм про Россию будет хитом мы не можем, но если нас включат в программу десяти-пятнадцати фестивалей, по нынешним временам – это успех. В общем поглядим, какая-то жизнь у этого фильма есть.

-Давай поговорим про этот фильм. Почему и в какой момент ты решил, что персонаж Шамана Габышева может быть интересен?

Слушай, ну интересен он был сразу. Я впервые его увидел, когда он шёл ещё один, с собакой. Дальнбойщики постили, что идёт такой странный чувак. У него была нетривиальная идея: Путин – демон, надо дойти до Кремля и его изгнать, провести обряд экзорцизма. Ведь это очень привлекательная мысль!

В 2019 году Габышев шёл, а мы снимали. В 2020 году, когда он был уже под домашним арестом в Якутске, мы досняли фильм. В 2022 нашли деньги на монтаж.

-Как технически все это происходило, за ним шёл человек с камерой? Я видел, что фильм был частично снят на телефон.

Дело в том, что когда у меня в голове все срослось, и я понял, что из этого можно сделать фильм, я подумал что надо привлечь Беату Бубенец, она на половину якутка, говорит на якутском, жила в Якутии. Мне показалось, что она сможет с Сашей общаться. В сентябре мы с ней поговорили, а уже поздней осенью его повязали. У Беаты, к сожалению, было не так много времени, около десяти съёмочных дней для того, чтобы снять его поход. Поэтому, мы дополнили ее съёмки материалом, скачанным из интернета. А вот вторая часть фильма, про репрессии, снята полностью Беатой. Год или полтора, вплоть до того, как его увезли в психиатрическую больницу, мы его снимали.

Это конечно же пример карательной психиатрии, так как он никакой опасности не представлял, даже если бы дошёл до Кремля. Габышев становился популярным, за счёт своей простоты и непосредственности, поэтому его ликвидировали. Он получил народную поддержку. Вообще, у нас страна безумная, его делом занималось ФСБ, ему пришили государственное преступление. В нашем фильме есть интервью с адвокатом Габышева, Алексеем Прянишниковым. Он говорит что это чисто карательная психиатрия, политическое дело. Сами психиатры в клинике считают, что Габышев уже давным-давно может вернуться в Якутию, так как не представляет угрозы. А его держат, причём держат в самом удалённом от Москвы месте, дальше Владивостока.

-Как зритель, ты воспринимаешь две вещи, особенно остро. Человек из другой культуры, который европейцам может действительно показаться эксцентричным, оказывается носителем ценностей Европы и Америки. Он говорит о свободе, о том, что каждый человек вправе решать, кем он хочет быть. И понятно, что в современной России, человек с такими взглядами окажется либо в тюрьме, либо в сумасшедшем доме, либо за границей. Второе – это смена ритма фильма. Первая часть – долгая дорога, размышления Габышева и его последователей, митинги. Все это то мягко и плавно, как сказка про шамана. В тот самый момент, когда в его дом приходит спецназ, тебя очень быстро опускают в реальность. Последние кадры – это из «Пролетая над гнездом кукушки» - человек абсолютной другой, я не знаю, как вам удалось его снять. Бритая голова, совершенно отсутствующий взгляд – это из Формана, это страшно. Сказочка про шамана превратилась в российскую реальность.

**Даниил
Таль**

**«ИНТЕРВЬЮ
С ВЛАДОМ
КЕТКОВИЧЕМ»**

Так и живёт Россия. Мы вообще сначала думали, что это будет road movie, как Forest Gump. Габышев всем давал сказочные имена, включая нашу Беату. Кого-то прозвал ангелом, кого-то Дедом морозом. Это и была сказка. А когда он столкнулся с ФСБ – его обрили, накачали тяжёлыми лекарствами и не выпускают уже четвёртый год. Адвокаты все время борются, и сами врачи говорят, что его можно переводить, по крайней мере в ближе к дому, ему там было бы проще. Уже были на грани перевода, но, адвокат говорит, видимо были какие-то ночные звонки, потому что утром все отменяли и оставляли его там, в этой далёкой клинике.

-Судьба «Шамана» в Европе?

У нас была успешная премьера на правозащитном фестивале “One World”, это известный кинофестиваль, который проходит в Праге, профильный для этого фильма. У меня на этом фестивале было двадцать встреч, его смотрят для фестивалей во многих странах. Плюс, у нас появилась компания- дистрибутор, финны, с которыми я когда-то работал.

В Париже мы сейчас делаем Эхо Артдок феста. Артдок Фест создал Виталий Манский, мирового уровня режиссёр, он делает этот фестиваль уже лет пятнадцать и берет в основном актуальные фильмы. В 2022 году фестиваль должен был открывать наш фильм «Жизнь Иванны», его сорвали. Пришли какие-то люди, облили Виталия Манского красной краской, сказали, что заложили бомбу. Ну в общем, понятно. Фестиваль переехал в Ригу и сейчас стал форумом анти-режимного документального кино. И вот, я в прошлом году подумал, почему бы нам не сделать Эхо Артдок Феста в Париже, показать парижанам актуальные политические фильмы, сделанные русскими режиссёрами. Фестиваль состоялся в сентябре 2023 года. И на удивление, прошёл очень хорошо: пять дней, семь фильмов, два артхаусных кинотеатра. В этом году мы хотим повторить фестиваль и сделать там парижскую премьеру фильма про шамана.

-Твои планы на будущее, есть ли какие то проекты, над которыми ты думаешь?

Есть пара проектов, один, про российское вторжение и военные преступления, который мы делаем с участницей группы «Pussy Riot». Деталей не говорю, чтобы не сглазить. Второй проект, надеюсь, что он состоится – про русские тюрьмы. Есть уникальные вывезенные архивы. В общем, проекты есть, и мне сейчас очень важно, чтобы в течение ближайшего года, что-то у меня сдвинулось в плане продюсирования фильмов. Моя цель - стать полноценным французским продюсером, работающим в известной французской компании Little Big Story. Я сейчас к этому стремлюсь.

**Яков
Наерман**

США

МОСКВА - САН-ДИЕГО

Исповедь Иммигранта - Беженца

Беженец – 1989. Вместо вступления

Тридцатого ноября 1989 года в одиннадцать вечера всё наше семейство: пожилые родители, жена Лена и полуторогодовалая дочка Юля, впервые ступили на американскую землю. Америка встретила нас в Нью-Йоркском аэропорту JFK в лице здорового амбала-пограничника. Тот зажёб наши единственные документы – выездные визы Овира, мельком взглянул на наш пёстрый состав, проставил на всех этих визах розовые штампы ADMITTED AS A REFUGEE (Принят в качестве беженца) и, буркнув “welcome”, показал - проходите.

За два с половиной месяца до этого, семнадцатого сентября, мы покидали Москву. Прощались в Шереметьево, как тогда казалось, навсегда. Тяжело было очень, но мне там (наверное из чисто гуманно-психологических соображений) в самый последний момент, впрыснули небольшую порцию антиностагина.

Мы прошли таможду, оставался паспортный контроль. Родители, Лена с коляской и маленькой Юлей прошли, а меня вдруг остановили:

- Вас нет в списке

- Какой ещё список? Вот моя виза со всеми штампами и подписями, вот мои билеты.

В чём проблема?

- У меня есть список всех, кто на ПМЖ (постоянное место жительства) - сержант ткнул в напечатанный на машинке лист. А тебя (он перешёл на “ты”) в нём нет. - ---- Жди, пока разберёмся.

- Так у нас уже посадку объявили!

- А это - не мои проблемы. Я действую по приказу.

- Послушайте, это какое-то недоразумение и произвол! Мы все по одной визе! Позовите, пожалуйста старшего по званию!

- Послушай, ты! Качать права тут нечего: ты теперь без гражданства, а значит и прав никаких! Лейтенант на обеде, придёт минут через десять. Отойди в сторону, пока я тебя назад не прогнал, а то придётся опять таможду проходить.

Мои стояли поодаль в проходе на посадку. Я им крикнул:

- Идите в самолёт! Я догоню или прилечу следующим рейсом!

Минут через 15 пришёл лейтенант. Сержант ему что-то сказал, кивнув на меня. Лейтенант наклонился, достал из стойки, за которой стоял сержант, листок бумаги. Как я теперь понимаю, уточнённый список. Молча поманил меня к себе. Так же молча протянул руку за моими документами. Нашёл меня в списке, вернул документы, не произнес ни слова, показал мне рукой в сторону посадки и повернулся к сержанту. Тот, видимо ожидая “работу над ошибками”, с лютой ненавистью посмотрел на меня. Я побежал к самолёту.

Потом были три недели Австрии, дорога в Италию, переезды из Остии в Нетунно, многочисленные анкеты и собеседования в посольстве и наконец 28-часовой перелёт на TWA из Рима в Нью-Йорк. Из них часов 10 нас просто держали в самолёте в Парижском Орли.

Когда мы, полуживые, выплеснулись в JFK, нас уже ждала представитель Сохнута с табличкой «NAYERMAN»:

- Давайте быстрее! Рейс на Сан-Диего отправляется через 30 минут! Иначе вам придётся всю ночь провести в аэропорту!

Ещё через час мы летели в Сан-Диего. В самолёте было холодно. Мы закутали Юлю во всё, что было на нас и, съёжившись, пытались как-то согреться. Проходящая бортпроводница заметила это и спросила, почему мы не берём одеяла.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

- А мы не знали, что тут есть одеяла. А сколько они стоят?
- Совершенно бесплатно, тут над вами на полке. И если будет недостаточно, я ещё принесу. А вы что: первый раз на самолёте летите?
- Нет, далеко не первый, но на американском – действительно впервые. Мы только несколько часов, как въехали в Америку.

Она дала нам по паре одеял, а ещё минут через десять в салоне вдруг вспыхнул свет, и в проходе появилась эта же стюардесса с подносом, в сопровождении капитана. Тот взял микрофон:

- Дорогие пассажиры! Говорит капитан Сауэрс. Извините, что разбудил, но думаю, вы меня простите, когда узнаете, по какому поводу. Только что мне сообщили, что на борту нашего самолёта находится семья Наерман, только что прибывшая в нашу страну, как иммигранты-беженцы, – и он показал в нашу сторону. Мы встали.

– От имени экипажа, от себя лично, и от всех вас, я хочу приветствовать их в Америке и пожелать удачи и счастья!

У стюардессы на подносе были бокалы с шампанским. Все начали аплодировать. А мы стояли и не скрывали слёз.

Немного информации об иммиграции

Мы оказались одними из последних иммигрантов из СССР, которым Америка давала статус беженцев. Те, кто ехал потом, направлялись напрямую в Израиль.

Позже, правда, приехало немало иммигрантов, но в основном, по рабочим визам, студентами или в порядке воссоединения семей. Но в последнее время, с закручиванием политических гаек в России, и особенно с началом войны в Украине, ситуация вновь изменилась. И снова стали приезжать беженцы: либо из России от путинских политических репрессий, либо из Украины от бомб и снарядов...

Многие из них прибывали в США через Мексику в Сан-Диего, где я прожил все эти 35 лет. Наш Сан-Исидро -- самый оживленный пограничный пункт в мире.

В среднем каждый день его пересекают около 70 000 автомобилей и 20 000 пешеходов: у кого-то тут деловые связи, кто-то доставляет товары, кто-то просто поглазеть, кто-то в надежде найти работу, кто-то – учиться, кому-то нужна медицинская помощь, кому-то просто помощь, кому-то – просто покупки, а кто-то едет в поисках лучшей доли....Это всё - законные визитеры, у которых есть паспорта, визы или разрешения на въезд в страну.

Но сотни людей каждый день пересекают границу без каких-либо разрешений. Раньше такие незаконные мигранты (здесь их называют нелегалами) рисковали жизнью, перелезая через колючую проволоку, совершая многодневные изнуряющие переходы через знойную пустыню или заснеженные горы. В основном только молодые выносливые безработные мексиканцы были в состоянии проделать этот путь. Их часто называли «mojados» – мокрые, поскольку классический переход границы был через реку Рио-Гранде вброд или вплавь. Вел их профессиональные контрабандисты - «койоты». Эти mojados шли в Америку на заработки и в основном делали то, что американцы делать не очень-то хотели: работали на полях и стройках в 45-градусную жару под лучами палящего солнца и за минимальную плату. А ещё по утрам они стояли на местных неофициальных «биржах труда». Я тоже несколько раз пользовался их услугами, когда надо было прокопать траншею в окаменевшем грунте, или спилить дерево, или перевезти что-то неподъёмное. Делали они всё быстро, качественно и недорого.

Попытки остановить эту иммиграцию были всегда очень вялыми. Иногда их отлавливают и депортируют в Мексику. Спустя несколько недель они возвращаются. Самой

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

кричащей проблемой нелегального пересечения границы стала контрабанда наркотиков. В прошлом году более 100 тысяч человек погибло в США от передозировок, в основном фентанила, почти вдвое больше, чем за всю Вьетнамскую войну (тогда погибло около 60 тысяч американцев). Большая часть его поступает из Китая в Мексику, а оттуда – в США. Не думаю, что *mojados* переносят на себе много: примерно раз в год появляются сообщения об обнаружении тоннелей под границей, через которые гонятся тонны наркотиков в день или об огромных партиях героина, спрятанного в импортных консервах...

Но не эти *mojados* – представляют собой сегодня основную часть т.н. нелегальной иммиграции. Хотя и нелегальной её строго назвать больше нельзя. Ситуация резко изменилась, и большинство мигрантов без оснований для въезда переходят сейчас границу намного менее драматичным способом: они являются на пропускной пункт и объявляют себя беженцами.

Этих претендентов на статус беженца (*asylees*), переходящих границу пешком, называют ещё *walk-ins*. Чтобы получить статус беженцев, они должны доказать, что «были вынуждены покинуть свою страну из-за преследований или обоснованного страха перед преследованиями по признаку расы, религии, национальности, политических убеждений или принадлежности к определенной социальной группе».

В соответствии с принципами презумпции невиновности, их полагается рассматривать, как потенциальных беженцев, пока не будет доказано, что они таковыми не являются. Пока они находятся на территории государственных организаций, к коим относятся центры по задержанию (*detention centers*), государство обязано обеспечивать им кров, содержать, обслуживать, лечить, учить и т.п. После регистрации, взятия отпечатков пальцев, ДНК, проверки по имеющимся базам данных и собеседований по «проверке обоснованных опасений» (*credible fear interview*), их полагается держать в этих центрах до слушания. Процесс это довольно хлопотный, юристов и судей не хватает, и слушания приходится ждать долго. Если этим просителям отказывают в убежище, они имеют право на апелляцию и обжалование решения. Это может затянуть момент окончательного решения ещё на многие месяцы и даже годы. Средств на длительное содержание иммигрантов катастрофически не хватает, и если нет оснований полагать, что потенциальный беженец опасен для общества, его «условно» выпускают в страну, до слушания дела в суде. Ну а если проситель знает, что шансов получить статус в суде у него мало, он просто не приходит на слушание. И вот только тогда-то он становится официально НЕЛЕГАЛОМ, таким же как и «классические» *mojados*. Их в стране – многие миллионы. И что с ними делать – никто не знает.

Однако, вернёмся к *walk-ins*. Их количество в последние несколько лет растёт стремительно. Образовалась некая цепная реакция; замкнутый круг: чем больше просителей статуса беженцев попадают в систему, тем дольше ждать слушания и тем быстрее и на большие сроки их отпускают в страну. Это, в свою очередь, подстёгивает всё больше мигрантов идти по этому пути. Более трехсот тысяч мигрантов законно-незаконно пересекли границу из Тихуаны в район Сан-Диего в 2023 году (около 1000 человек в день) с тем, чтобы законно подать на статус беженцев. Никакие самые высокие и неприступные стены Трампа не смогут остановить этот поток, стройно льющийся через пропускные пункты.

Мне всегда было чертовски интересно узнать о пути сегодняшних беженцев, но общаться с ними приходится нечасто, а когда это случается, то общение весьма ограничено: они не очень-то настроены распространяться о своих мытарствах....

И вот недавно я узнаю, что в доме моего друга (назову его здесь Денисом Кроусом) живет такой проситель статуса беженца. Он бежал из России через Мексику в Сан-Диего. Ему довелось несколько месяцев провести в техасском *detention center* – эдакой полу-тюрьме, где содержатся задержанные иммигранты. Большинство оттуда депортируется обратно.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

Я робко спросил, не возражает ли Николай (так я его назову) поделиться своими миграционными перипетиями. Он с готовностью согласился рассказывать и отвечать на вопросы. Даже с радостью: «я и сам хотел записать, но я не по этому делу, а с твоей помощью, может что-то и останется.»

Мы с ним несколько раз встретились. Николаю лет 35. Он высокий, худощавый, малословен, но при этом прекрасный рассказчик, и я попробовал записать результаты наших бесед в форме неформального интервью, которое и предлагаю ниже.

Дисклеймер:

Поскольку пока окончательного решения по делу не принято, я решил слегка изменить некоторые имена и детали и не приводить здесь фотографий. Есть ещё одна причина не пользоваться подлинными именами: хоть я и старался по возможности следовать тому, что мне рассказывал Николай, гарантировать полную достоверность событий и излагаемых фактов я не могу и не хочу: это, какое-никакое художественное повествование. Что-то я мог забыть, многие подробности опустил для краткости, а что-то мог добавить или даже приукрасить. Да и проверять доподлинность рассказов самого Николая у меня нет никаких возможностей. Так что никакие претензии или обвинения в проколах, искажениях истины или клевете приниматься не будут! Сорри!

Москва

Давай начнём по-порядку. Почему ты именно сейчас рванул из России? В армию мог загреметь? И если да, то как до сих пор избегал?

- Да нет, от армии у меня была пудовая броня. Во-первых, по здоровью. А главное - как у очень ценного специалиста по IT и базам данных. Я работал в бригаде, которая обслуживала всякие важные конторы, в том числе связанные с оборонкой. До этого контрактничал на всякие западные фирмы, в том числе и американские, у которых были бизнесы в России. А после февраля 22-го года многие из таких спецов слиняли, и нас, оставшихся, стали очень ценить.

А можно вопрос немножко не по теме? Но уж очень интересно: у меня тут нет ни малейшего представления, какие сейчас реальные настроения в России? Сколько «За» и сколько «Против»? Я понимаю, что никакой достоверной статистики нет, но, как по твоим оценкам, выглядит «кривая распределения» настроений?

Мне и самому интересно. Я думаю, что тех, кто искренне активно ЗА, немного. Процентом 10-15. Их у вас тут называют Z-патриотами. Тех, кто активно против, было больше. Я думаю, процентов 30-40. Но сейчас их на поверхности почти не осталось: кто-то уехал, кого-то пересажали, а большинство затаились. Работали и молчали, сплевывая. Я был из таких же. А остальным — по барабану. В основном — из глубинки. Психология подводной лодки: все эти волны и бури на поверхности на меня тут большого влияния не оказывают. Тем более, что жизнь их, и вправду, не сильно менялась.

И санкции не повлияли?

На простых людей - не очень. Западные товары стали дороже, зато отечественные и китайские — дешевле. Сельхозпродукция стала меньше продаваться в Европу — хлеб дома подешевел. Нефти стало больше оставаться — бензин стал дешевле. Запчасти на иномарки подскочили, но эти иномарки мало ломаются.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

А раненые и убитые с войны?

Сперва были в основном контрактники. Их в народе не любили: жили они богаче, и их семьям завидовали. Все эти годы они получали во много раз больше «ни за что». Так вот теперь «пусть наконец-то заплатят за халяву». Потом пошли зэки. Этих тоже не шибко жалели. Ну, а когда своих повезли, то научились информацию скрывать и прятать. Те же, которые при бабле, тихонько распихали своих детей по границам...

Какая всё-таки динамика среди большинства? Куда оно катится?

Трудно сказать. Если одной фразой, то «Привычка свыше нам дана, замена счастию она». Человек, он привыкает ко всему. Приспосабливается. Уговаривает себя, что это временное прозябание. И потихоньку учится находить радость даже там, где её, вроде бы, нет... Вот тебе нравится запах навоза?

Неет....

А многим людям, выросшим на селе, он кажется сладким и приятным. Запах детства...

У меня есть приятель. Он работал на одного воротилу. Менеджером. Всё говорил, как ему противно в этих грязных делишках возиться. Вот, говорит, чуть-чуть поднакоплю и уйду. Накопил. Одолжил у всех, кого мог. Открыл свой бизнес. С запчастями. Всё было хорошо. А потом грохнули санкции. Импорту – каюк. А через Китай и Грузию – всё схвачено. Вылетел в трубу. Пробовал работать честно. 50 тысяч в месяц еле-еле хватало на квартиру. А надо по долгам платить. Дети – в хороших школах, жена – беременна третьим, двое стариков-родителей. Короче, пошёл к своему воротиле на поклон: возьми, мол, обратно. А тот тоже не простой: «Ты сперва свою лояльность докажи и отработай». Короче, первые несколько месяцев был на посылках: в магазин за продуктами или зонтик над женой подержать. Постепенно его продвинул назад в менеджеры; мужик-то толковый!

Жаль его поначалу было. Но он хорохорился. Сравнивал свою службу с работой ассенизатора: «тому, мол, тоже не шибко приятно, но кто-то говно вывозить должен? А деньги платят хорошие».

У них, таких компромиссников, кредо простое: «день прожил – и хорошо!»

(Я вспомнил концовку повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» «Прошёл день, ничем не омрачённый, почти счастливый» - Я.Н.).

И они очень хотят находить какие-то оправдания тому беспределу, который страной правит. А «кто хочет – тот всегда найдёт», верно?

Но ты же не нашёл? И что случилось сейчас? Почему ты раньше не уезжал, а потом вдруг решил свалить?

Да совсем даже не «вдруг». Я ведь не от нищеты или войны бежал. Я начал, как им там показалось, «умничать» и «ненужные вопросы задавать». Со мной «поговорили». Показали мои эккаунты, с которых я когда-то делал небольшие донаты на счёт ФБК (Фонд Борьбы с Коррупцией Навального – Я.Н.) пятилетней давности. А ещё мои «сомнительные» посты в соц. сетях. и «скользкие» связи. Мой закадычный друг, Роман, был когда-то очень активным в ФБК, вовсю общался с Навальным и бежал ещё несколько лет назад. Он сейчас – в Сан-Франциско и ждёт меня к себе. Он-то мне про этот путь через Мексику и рассказал.

За то, в чём меня обвиняли, скорее всего мне бы ничего не было: просто припугнуть хотели, заткнись – мол. А могли и штраф тысяч в 30 выписать. А могли и срок закатать. Причём любой: от 6 месяцев до 20 лет. Логика там никакой: в этой бессистемности - своя суперсистема. Хотя, если бы серьёзно хотели посадить, не предупреждали бы. Я им действительно нужен был. Специалистов, как я уже говорил, осталось немного. Но оставаться напугано-обосранным так противно стало! Решил валить, пока не поздно. Но гнусные сомнения никогда не покидали. Я об этом, ты знаешь, когда в Шереметьево сидел в зале ожи-

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

даний для бизнес-класса, сильно думал. Там всё так красиво было, по высшему классу: музыка, закуски, кино, массаж. Не делаю ли я ошибку? Не стоит ли ещё годик-полтора потерпеть, притаиться, подождать? А потом я об этом ещё несколько раз думал: и когда границу из Мексики переходил: Стоп! Остановись, пока не поздно! И когда в тюрьме для иммигрантов сидел (Сам своими руками и за свои деньги посадил себя в тюрьму)... Меня и сейчас иногда посещают сомнения: не поторопился ли я? А вы никогда не пожалели?

Мы, когда уезжали, тоже всё бросили: квартиру, работу, положение. И тоже ехали в неизвестность. А те, кто ехал уже через полтора года, могли спокойно продавать свои квартиры, машины. Но нет, не пожалел ни разу. Я историю помню. У меня перед глазами стояли те, кто мог уехать в 1918-1924, и остались. А потом пошли под расстрел. И родственников, которые отказывались бежать от немцев («это всё большевистская пропаганда»), спустя несколько месяцев отправили в газовые камеры. Мы историю исхода из Египта не просто так каждый год повторяем. Ведь все эти казни египетские Бог не для фараона творил, а для тех, кто с насиженных мест в неизвестность убежать не хотел. И я для себя решил чётко: при первой же возможности – иммигрировать. А деньги и барахло – дело наживное: «накопится – накопится!»

Я понимаю: вам было тоже нелегко. Но у вас была виза в Израиль. Так что, если бы вас не пустили в Америку, вы поехали бы в Израиль, где у вас кто-то уже был. И где вас бы приняли, разместили, языку научили, с работой помогли... А меня, если бы Америка не приняла, депортировали бы назад в Россию. И из преуспевающего специалиста я бы вернулся, как предатель, а в военное время – дезертир, поливающий свою страну грязью. И вот тогда бы меня раскрутили на полную катушку, с шумом и помпой, чтоб другим неповадно было.

Но ты знаешь, хочешь верь – хочешь нет, страх попасть под арест был не главной причиной отъезда.

А что тогда?

Не сочти за плакатную кричалку, но я действительно считаю себя патриотом своей страны. Когда я переехал из Томска в Москву, а потом двигался вверх по служебной лестнице, я честно верил, что оттуда, сверху, смогу на что-то повлиять и что-то изменить. Я мог намного больше зарабатывать, если бы не в правительственные конторы шёл, а в частный сектор. Когда я в одной немецкой фирме работал, мне предлагали работу в Германии с правом на проживание и всякими социальными благами. Моя жена (я тогда женат был) не могла простить, что я отказался. Но я ей и себе говорил: «Если все нормальные и толковые разъедутся, кто останется?» Я искренне верил, что только «сверху» можно что-то изменить. Горбачёв мог что-то сделать, только став Генсеком. И я нормально продвигался: уже до третьего эшелона дорос, мой босс напрямую в Кремль докладывал. А потом постепенно до меня стало доходить, что плетью обуха не перешибёшь. Чем выше лезешь, тем глубже трясина, крупнее объёмы воровства, и тем больше им там терять, если прищучат. А значит, тем беспощаднее они расправляются с любой угрозой для своего благополучия.

А парочку примеров, которые сильнее всего повлияли, можешь привести?

(Николай на несколько минут задумался). Из тех, которые повлияли? Окэй. Как-то нам на срочный проект подкинули блатную подмогу. Парочка аналитиков. Денег им дали вдвое больше, чем нам. Выделили отдельный кусок программы, который мы потом должны были объединить с нашим. Мы пашем по 15 часов в сутки, обедаем бутербродами на работе. А эти – приходят в 9-10, на обед уезжают в хорошие рестораны часа на два, а к 4-5 уже отваливают. Я попробовал спросить, как они собираются в сроки уложиться. Меня заткнули: ты отвечаешь за свой кусок, а они за свой. А за неделю до срока сдачи их программы, они написали заявления и уволились. С концами. Ничего сделано

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

не было. То есть совсем. Последние два месяца нам пришлось работать и за себя, и за них. Я шефу говорю: «Это же воровство! Надо с них хотя бы все выплаченные деньги забрать». А он мне: «Расслабься!» И вдруг меня осенило, что он с ними на одну лапу играл, и часть их зарплат у него в карманах осела. Так мне обидно, блин, стало! Сначала хотел тоже уволиться, но остальных ребят по команде подводить не стал. А потом в соседнем департаменте появился один очень религиозный хозяин. Все доходы от бизнеса жертвовал на церковь. Большие такие донаты. И регулярно, каждый месяц. Перешёл к нему. А потом узнал, что через РПЦ (Российская Православная Церковь) просто деньги свои от налогов прятал. Он – в РПЦ, они себе какой-то процент оставляли, и остальное – назад ему... И так мне всё это противно вдруг стало.

А в армии воровали вообще почти всё. Если в гражданке – процентов двадцать, то там – все 80. И помнишь фразу «от ревизии могла спасти только кража»? Так вот и им: единственным способом спрятать концы в воду было развязать войну. Вот они её и замутили. А деду старому мозги заполоскали, пообещали через неделю парад на Крещатике. Что, мол, украинцы спят и видят воссоединиться под его чутким руководством...

У меня было три варианта: переходить в оппозицию, сесть в ту же бандитскую упряжку или валить за бугор. Что делают с оппозицией, нам показали очень быстро и наглядно. Раздвигать ноги и становиться проституткой не мог: невыносимо жить с постоянным ощущением, что ты говно. Вот и решил уехать. Но я и сейчас надеюсь, что не насовсем. Где-то внутри теплится вера, что такие, как я, России когда-нибудь понадобятся. Другой России, не этой. Так на Западе я для неё себя сохранить смогу. А если всё будет без изменений – буду жить тут, пусть на чужбине, но с достоинством. Жизнь ведь у меня одна.

А почему так долго тянул? Раньше ведь можно было нормально уехать.

Надо было сперва закончить с разводом. Детей, слава Богу, не было, но с моей бывшей мы уже давно смотрели в разные стороны. Остаться на всю жизнь холостяком я не планирую, а скрывать, как Атос, наличие жены – неохота. Кроме того, хотелось выехать с каким-то статусом. Потом – мать. У неё немецкие корни, но она была устроена неплохо. Я её давно уже уговаривал уехать в Германию, и я бы с ней вместе. Но она всё никак не поддавалась. После начала войны она сломалась и начала оформлять бумаги. Это берёт время. И я тихонько ждал. А тут вдруг вызвали для бесед, грозить начали. И я понял, что на загранпаспорт могут в любой момент наложить лапу. И через пару дней я сел на самолёт и полетел на Кубу. План был такой: сперва до кубинского острова Кайо-Коко. Потом – Гавана, потом Канкун в Мексике, ну а потом уже Мехико-Сити и Тихуана, на границе с Сан-Диего.

Куба

Погоди, Коль, я не догоняю. Какое-такое Кайо-Коко? Я о таком даже не слышал. Почему не сразу в Гавану? И зачем вообще на Кубу?

Коля посмотрел на меня взглядом профессионального репетитора, который поднаторел на тупых студентах, и начал спокойно разжёвывать:

- О своём конечном пункте назначения по пути в Америку, мексиканском городе Тихуана на границе с вашим Сан-Диего, я знал от Романа. Основные этапы иммиграции – тоже от него. Но он уезжал несколько лет назад, в 21-м году, после ареста Навального. Когда русских везде ещё пускали. Приехал напрямую в Штаты и там уже запросил убежище, как член Фонда Борьбы с Коррупцией. А поскольку тогда как раз ФБК признали экстремистской организацией и в России запретили, статус беженца ему дали быстро. Никаких зигзагов в Кубу и Мексику ему делать не пришлось.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

За это время многое поменялось. Роман многое здесь, в Калифорнии, разузнал от тех, кто ехал только что, в частности из Украины. Есть также всезнайка Гугл.

Для въезда в Мексику туристом нужно заранее получить специальное электронное разрешение на специализированном портале их миграционной службы. Дается оно легко с компьютера, но уверенности в том, что всё это не пасётся нашими органами, и что меня не зацепят ещё в аэропорту, у меня не было. А на Кубу россияне могут въезжать без визы. Рисковать с задержками я не хотел. Пришлось купить и обратный билет тоже. Кайо-Коко – это известный кубинский курорт, мы там когда-то с женой отдыхали. Так что, на случай вопросов, было заготовлено очень правдоподобное объяснение: тогда, с женой, я на этих кубинках только глазеть мог, а сейчас, став опять холостяком, хочу проверить, так ли они привлекательны, когда не обременён женой... Кстати, это не было бы враньём: с одной кубинкой из Кайо-Коко, а с другой из Гаваны я начал списываться ещё в дороге. А потом билеты на Кайо-Коко были дешевле. Через Дубай и Монреаль. Там, в аэропорту Дубая, я и оформил все мексиканские разрешения и там же купил билет из Гаваны в Канкун, а оттуда в Коста-Рику. Кстати, чемоданчик у меня был – чисто курортный: плавки, маска, крем от солнца, большая пачка презервативов; - комар нос не подточит....

Так тебя ещё и в Коста-Рику занесло?

Нее. До Коста-Рики я не доехал. Мне там делать было нечего. Для въезда в Мексику в качестве туриста надо иметь обратные билеты и ваучер на отель. А то, если билет только туда, то – шито белыми нитками. Не обязательно обратные, но на выезд. Билет этот, понятно, выбрасывается, а до Коста-Рики от Канкуна куда ближе и дешевле, чем обратно в Москву или даже в Гавану.

Ну, хорошо. Прилетел ты в эту Кайо-Кока. А дальше что?

Я старался везде пользоваться либо AIRBNB, либо у частных: во-первых, это было дешевле. На Кайо-Коко за отдельный бунгало на берегу я платил 12 долларов в день. Кроме того, ты можешь выбрать жилье, хозяин которого говорит по-английски, что может быть очень полезно; на Кубе, например, с такси очень хорошо и очень плохо одновременно.

Я не понял, что значит «очень хорошо и очень плохо одновременно»

«Хорошо» потому, что такси там очень дешёвое и очень удобное. Попросить подождать тебя час или два – без проблем. Можешь просто нанять частного шофера с машиной на день... А «очень плохо» потому, что без помощи местного ты машину не найдёшь. И дело не в языке. Просто интернета там почти нигде нет, телефоны у водителей – местные, со своего я им не позвоню... А когда у тебя есть девушка, которая тебя опекает, всё это решается и качественно и приятно...

А у тебя что: в этой Кайо-Коке знакомая девушка была?

Ну да. И там. И в Гаване, и в Мехико-Сити.

Лихо ты! Гастролёр! Ты их как-то раньше знал, или на месте цеплял?

Не то и не другое. Я с ними онлайн списывался. По Тиндеру.

Что за Тиндер? Даже не слышал слова такого.

- Ты, наверное, последний, кто об этой аппликации не слышал. Хотя, с другой стороны, в 70 лет и имея хорошую жену, зачем она тебе. Но я бьюсь об заклад: дети твои о ней знают хорошо! (Я не поленился и проверил: таки действительно знают.

**Яков
Наерман**

**МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА**

Мой вопрос «Знаешь ли ты про Тиндер?» сразу вызывал встречный вопрос: «Да, конечно, а тебе-то зачем? У тебя с мамой всё в порядке?»)

То есть ты на этом Тиндере искал себе проституток по маршруту следования?

Да нет же! Какой-то ты испорченный. О сексе в своей переписке я даже не заикался. Просто говорил, что ищу тамошнего жителя, который хочет пообщаться, может показать местные достопримечательности, вкусные рестораны и который немного знает английский или немецкий. Говорил, что также ищу жильё на это время. Писал о себе. Честно говорил, что просто путешествую, и никаких планов продолжать знакомство не имею. Отвечали, кстати, не только женщины, но и мужчины. И опять же, ни о каком сексе речи не было. Предложений было много. Выбирал всё-таки из женщин. С ними естественней, особенно если в ресторан пойти или потанцевать. В Кайо-Коко меня уже такая знакомая по Тиндеру встречала в аэропорту и привезла сразу к себе домой.

- Хм. А не опасно так лезть в незнакомый дом?

Куба – самая безопасная для туристов страна на свете. Для них туризм – один из самых важных источников валюты. Всякими прибабахами шика им конкурировать с Канкуном или Флоридой тяжело. Поэтому они решили прославиться, как самый безопасный и честный курорт. Ввели закон: за обман туриста (ну, обсчитал, или не то подал, что обещал) – срок до 5 лет, а если хоть слабо ударил – так до 20 лет схлопотать можно. Так что там можно не волноваться.

Так что ты там с ней делал?

- Отдыхали мы, отдыхали! Когда я что-то делал сам, как например подводное плавание, она находила инструктора с лодкой, отвозила меня туда, а потом забирала. Где можно – ходили вместе: днём – на пляжи, вечером в рестораны. Я, естественно, за всё платил. А потом она мне нашла частного шофёра, который отвёз меня в Гавану. А там – новая комната с новой хозяйкой.

Постой. Ты говорил, что Кайо-Коко – остров. Как же ты на нём до Гаваны на машине ехал?

Да, это остров. Но он соединяется с большим островом длинным мостом, - Николай достал телефон и стал показывать фотографии, - До Гаваны километров 500. Мы ехали целый день, останавливались, смотрели достопримечательности....

А эта новая, гаванская, хозяйка – тоже молодая и симпатичная?

- Ну да. Я такую и выбирал.

Я слышал, что кубинки – самые красивые женщины в мире!

- Ну. Насчёт «самые красивые» я бы не сказал: в Колумбии в массе посимпатичнее. Но очень страстные.

ИЗ ТОЛПЫ

-А, так ты всё-таки с ними спал!?

- Ну а зачем отказываться? Но, повторяю, это не было самоцелью. Я искал конкретно гида с жильём...

**Яков
Наерман**

**МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА**

Мексика

Хорошо. С Кубой и кубинками понятно. В следующей жизни я туда по этому Тиндеру обязательно слетаю... После Кубы у тебя была Мексика: Канкун - Мехико-Сити - Тихуана. С Канкуном понятно: курорт, на который ты едешь отдыхать. С Тихуаной тоже всё ясно: она на границе, которую ты переходил. Но зачем тебе понадобилась столица? Из Канкуна в Тихуану полно прямых и дешёвых рейсов.

- А я там играл в иммиграционную лотерею. Это чтоб немного легализовать свой нелегальный статус. Ну и потом я там ждал назначенных сроков.

- Опять ты загадками говоришь. Ничего не понимаю. Ты ведь шёл через границу без документов. И сдавался, как нелегал.

Ты и правда ничего не знаешь. Окэй. Попробую объяснить (опять те же нотки терпеливого репетитора). Тут у вас в Департаменте Гражданства и Иммиграции (Customs and Border Protection) – есть толковые ребята. Запретить беженцам приходить и сдаваться они не могут; для этого надо менять законы. А в Америке это почти невозможно. Поэтому они придумали, как в рамках существующих законов, слегка упорядочить это беззаконие, и хоть немного уменьшить нагрузку по эту сторону границы. С начала 2023 г. они выпустили аппликацию CBP One. На ней ты можешь заранее заполнить многочисленные анкеты, и программа, как в лотерее, назначает тебе место пересечения границы в одном из пограничных пунктов, чаще всего в Сан-Диего. Тебя даже могут вызвать для уточнений в посольство. Поэтому я приехал в столицу. По этой лотерее мне назначили прибытие в Сан-Диего через три месяца. До этого тебе в Тихуану ехать необязательно. Я снял в Мехико-сити отдельную квартиру в центре города. И относительно недорого: 800 долларов в месяц.

А если без всех этих заморочек просто перейти границу и попросить убежища?

Многие так и делают. Но это, как правило, из тех, кто потом на слушание не приходят, а становятся нелегалами. Многих из них депортируют. А те, у кого действительно все по-честному, и есть все основания претендовать на статус беженца, всё оформляют, как надо. Потому что, когда я в Сан-Диего пришел, у них на меня уже все заполнено было. Времени я и им и себе сэкономил уйму. Они только проверяли, что я ничего не наврали и не говорю не то, что говорил раньше. Подлавливали на мелочах. И большинству из этих лотерейщиков, как и мне, в личное дело ставят штамп «Не Депортировать. На последующее рассмотрение».

... (Прим: 4 июня 2024, Президент США Байден объявил о подписании указа, направленного на сокращение числа мигрантов из Мексики. Люди, пересекшие американскую границу незаконно, будут лишены права обращаться за предоставлением убежища в США. Однако к тем, кто, как Николай, зарегистрируются заранее по CBP One, эта мера относиться не будет – Я.Н.).

А зачем ты всё это время торчал в Мехико-Сити? Я слышал, что это огромный, шумный, грязный, дорогой и небезопасный город. В Мексике есть множество намного более приятных и дешёвых мест.

Все твои определения правильны. Но есть там ещё и очень красивая архитектура, и шикарные музеи и концерты тоже. Мехико-сити – это настоящая столица. Но дело не только в этом. Первые несколько недель мне надо было торчать недалеко от посольства, на случай если позовут. А потом появилась Паола. Точнее, появилась она почти в самом начале, но уезжать от неё мне уже не хотелось.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

Ну ты и Дон Жуан! Эта тоже из Тиндера?

Да, исходно оттуда. Она врач-ветеринар. Вот посмотри – и Николай показал на своем телефоне фотографию очень милостивой брюнетки. Сперва я тоже хотел поселиться у неё, но она меня отговорила: тебе, мол, будет неудобно, да и район небезопасный. Первые два дня я остановился у неё, а потом она мне нашла эту мою квартиру в центре. Хочу, кстати, предупредить твой вопрос: первые несколько недель мы с ней не спали. И потом она много работала: кроме выходных и вечеров времени на меня у неё не было. Но меня это очень устраивало: я уже нагулялся, и мне надо было подогнать английский, и привыкнуть к американскому акценту. Меня-то американцы поймут с любым акцентом, но вот по десять раз переспрашивать во время интервью не хотелось. Так что я взял курс Розетта Стоун, слушал аудиокниги и смотрел американское кино и телевидение. А у Паолы английский почти без акцента: она в Штатах училась несколько лет. Это был один из моих главных критериев в этом Тиндере. Но с Паолой мне очень повезло. Я не помню, чтобы мне с кем-то было так уютно и спокойно. Так, будто мы знали друг друга с детства. Она тоже недавно развелась. Я у неё – первый после развода. Долго ни с кем не хотела видаться. Потом просто захотелось общения. Без обязательств. А я как раз так и представлялся. И так мы за эти несколько месяцев срослись, что хоть в Америку не уезжай. Но это так – несерьёзно. Я ей говорю: «потом ко мне в Америку приедешь». А она: ты гражданство лет через пять получишь, не раньше. Столько мы друг друга ждать не будем... Но в отпуск она ко мне точно придет. Письма мне почти каждый день посылала.

Не письма, а имэйлы и СМСки?

Да нет, настоящие письма, как в старину. У меня ведь телефона в заключении не было. Мог только несколько минут в день за 5 долларов в минуту. Так всё больше матери или Денису. Кроме писем Паолы у меня больше ни от кого ничего не приходило. Знаешь, как это помогало! А сейчас, когда я с телефоном и интернетом, по несколько посланий в день. Глупая. Чего себя и меня травит? Она говорит, что просто пообщаться хочет. Я хорохорюсь, холодного из себя строю, а ведь и мне эти её послания – огромная радость!

Ну так и на чём вы порешили?

А ни на чём. Будем жить, как живётся, звонить и общаться, пока обоим охота. А потом – судьбе доверимся. Мне сперва легализоваться тут надо, обустроиться.

Америка

Да, я такую Санта-Барбару никак не ожидал. Душевно! Что дальше?

Чего дальше? За три дня до назначенного срока я прилетел в Тихуану. Поселился в гостинице. Потом взял такси до границы. Мне уже всё рассказали, куда идти и где сдаваться. Забрали все документы и вещички. Отвезли в приёмник, типа пересылочной тюрьмы. Там я просидел недели две, ожидая интервью.

Сколько вас там было в камере?

Человек 20. Из них 16 – русскоговорящих. Из России – только трое. Остальные из Средней Азии: узбеки, таджики, киргизы... Но это – в Сан-Диего. В Техасе – почти все латинос и арабы. Через несколько дней было первое интервью. Часа на три. Офицерша та шла по моим записям и всякие мелочи спрашивала. Грамотно спрашивала. Если б я эту историю придумал, то раз двадцать сорвался бы. Потом посадили на автобус и отвезли в зону в Аризоне. Потом опять привезли в Сан-Диего. Ещё одно интервью. Опять уточняли и подлавливали. Ну а потом, как уже говорил, назначили дату слушания и

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

поставили штамп «Не Депортировать». Я думал, что меня после этого отпустят. Но нет. Вдруг погрузили на самолёт и отправили в другую иммиграционную тюрьму, в Техасе.

И почему?

Я могу только догадки строить. Кто-то пустил слух, что сюда сейчас приехало много вагнеровцев, которые пытаются попасть в Штаты. Поэтому всех русских без детей – в иммиграционные тюрьмы.

Да, верно. Власти сейчас очень обеспокоены тем, что в этой новой волне иммигрантов-беженцев могут просочиться настоящие террористы и преступники.

Не смейся! Для настоящих террористов и преступников они сейчас открыли большие парадные ворота, дорогу к которым устлали ковром.

Не понял...

Смотри. Тех, кто не проходит собеседований и не может доказать, что достоин статуса беженца, депортируют туда, откуда прибыл. Отвозят на самолёте за счёт американских налогоплательщиков. По всему свету, кроме двух стран: Венесуэлы и Сирии. Мадуро отказывается их принимать, пока американцы не снимут с него санкций. Так он оказывает на них давление. А в Сирию американские самолёты не летают. Совсем. Поэтому иммигранты из этих двух стран подчас даже не пытаются получить статус. При первом же собеседовании говорят, что никто их не притеснял, а просто приехали на заработки. Им сразу ставят штамп «подлежит депортации», но поскольку депортировать их не могут, их сажают в центры задержания. А там, по закону, без суда и следствия можно держать не более 6 месяцев. А потом обязаны отпустить. Из всех латинос венесуэльцев сейчас становится всё больше. И это тебе не убогие мексиканцы, готовые на любую работу. Там – настоящая мафия... А сирийцы? Мне там один сказал, что любой араб может купить сирийский паспорт за пару сотен долларов. Вместе с паспортом им дают легенду... Америка с её законопослушанием доиграется.

Мрачно это всё. А почему они так сразу валят интервью, даже не попробовав его пройти?

Нотки «это же элементарно, Ватсон!» опять зазвучали в его голосе.

Ну вот выбьет он себе статус. Назначат ему слушание. Он до него будет с обручем на ноге. И если он не придёт на слушание, то становится нелегалом. А так - он ничего не нарушал...

А почему сперва в Аризону, потом в Техас. Почему бы не держать в Сан-Диего?

А они размещают там, где есть места. С местами у них проблема. Этих иммиграционных центров много. Они разбросаны вдоль всей границы. Везде, где иммигранты могут переходить границу должны быть какие-то места для их задержания и содержания. И сейчас, когда поток таких иммигрантов вырос во много раз, им ничего не остаётся, как просто отпустить людей в страну... Чем больше их приходит, тем короче сроки содержания.

Расскажи, какие там в Техасе условия? Как кормят? Кто там с тобой был?

Ты советский зимний пионерский лагерь помнишь? Вот там примерно так же. Огромный барак с двором, обнесённым забором. Всего нас там было около 100 человек. 90 - латинос. 2 русских, 3 араба, 3 китайца и парочка из Африки. Спортплощадка, кинозал. Кормят вполне неплохо. Без разносолов, но достаточно. А потом там был магазинчик, где можно было многое докупить.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

А деньги откуда?

При задержании всё забирают. Деньги предлагают положить на «тюремный» счёт. Когда отпускают – ты всё, что осталось, можешь забрать. А можешь этим же счётом пользоваться и на воле. Это просто Chase Bank account. У мамы есть доступ ко всем моим счетам. Так что, когда было нужно, я мог позвонить, и она переводила.

Так сейчас же из России рубли переводить нельзя...

Это – не проблема. Намного больше людей, которые хотят перевести доллары в рубли, чем наоборот. Они переводят на мой тутошний счёт, а мама, в России, их родным в рублях.

Да, верно. У меня друзья есть, у которых мама в Питере. Они оплачивают её содержание и постоянно ищут, как бы перевести их доллары в рубли...

А сокамерники что из себя представляли? Не пытались отнять деньги и вообще не обижали?

Да нет. Они там все вежливые. Как кто себя плохо начинает вести – сразу под белы ручки и депортируют. Там среди латинос были виртуозы. Были, например, «парикмахеры». За две лапши (это сухой суп куриный, который за доллар можно купить в магазинчике) делали самую шикарную стрижку. Нормальные ножницы там запрещены. Так они брали одноразовую бритву, виртуозно вытаскивали оттуда полоску-лезвие, вдевали его в пластмассовую расчёску, и этим инструментом творили чудеса! А были ещё повара. Брали те же пакеты с лапшой, отмачивали, разминали, делали лапшовое тесто, раскатывали, кидали остатки вчерашней еды, потом – в микроволновку - и получалась шикарная пицца.

А почему ж ты не к другу своему поехал, а к моим друзьям Кроусам? Ты их, кстати, раньше знал?

Роману только недавно дали гринкарту, он больших прав не имеет, тем более оформлять спонсорство. А Кроусы живут тут 25 лет и давно граждане Америки. Я лично их не знал, но мать знала отца Дениса, и через него попросила помочь вытащить меня из иммиграционной тюрьмы. Денису я страшно благодарен: родители – родителями, но я им – чужой, а он оформил на меня поручительство, официально гарантирует жильё, питание и прочее. Выпустив к ним, с меня взяли подписку о невыезде, раз в неделю к Кроусам приходили и проверяли, там ли я, спрашивали о моём поведении... Но как только разрешат, я к Роману сразу перееду. Там у них айтишная фирма, так я смогу сразу начинать помогать, хоть вначале и неофициально. Я и сейчас помогаю на расстоянии, как могу...

Так как ты оттуда вышел?

Это, в основном, заслуга Кроусов. Если бы не они, я бы там до сих пор, наверное, сидел. Я мог перезваниваться с ними. Там выпускают быстрее тех, кого власти могут отследить в Штатах. И за кого кто-то тут хлопочет. Прошло более полугодом с тех пор, как я сбежал из России. Ситуация там лучше не стала. Если бы меня туда отправили, то почти наверняка - в армию. А дезертира – в самое пекло на верную смерть. Мать это понимала лучше оттуда. И стала суетиться. Нашла знакомых-земляков, Кроусов, дети которых давно граждане и живут в Сан-Диего. Сначала они оформили спонсорство. Что, мол, «обеспечим жильём и пропитанием до слушания». Внесли несколько тысяч под залог. Без этого спонсорства с ними вообще никто бы не разговаривал. Мол, всяким знакомым мы не отвечаем. Когда Денис стал официально моим гарантом, он уже мог запрашивать информацию, но было непонятно, у кого. Был общий имейл. Он туда направил запрос и получил ответ, что дело рассматривается. И всё. Во время очередного звонка Денис мне говорит: «попробуй как-то узнать координаты своего следователя, который ведёт твоё дело». Легко сказать. Я спросил, и мне ответили, что эту информацию не выдают. Помогли крики и песни шумных мексиканцев.

Яков Наерман

МОСКВА -
САН-ДИЕГО
ИСПОВЕДЬ
ИММИГРАНТА - БЕЖЕНЦА

Какие-то «песни шумных мексиканцев»?

Мексиканцы, с которыми я там сидел, как наши цыгане: очень громко и эмоционально разговаривают, поют, ругаются. И все одновременно. От этого постоянного шума у меня начинала болеть голова, и я не мог заснуть. Попросишь потише, – они сразу извиняются, и минут на пять замолкают. Потом начинают говорить шепотом, и ещё через десять минут начинают спорить и орать, как прежде. Я пошёл к охране и попросил затычки для ушей. Затычки охрана не даёт, но меня записали на приём к тюремному психологу, доктору Лоре Смит. Приятная женщина. Побеседовав со мной около часа, она сделала заключение, что постоянное воздействие шума и хронический недостаток сна привели меня к эмоциональному и физическому истощению, что является основным признаком синдрома выгорания (Burnout Syndrome). Для облегчения моих страданий мне выдали медицинские затычки для ушей. Дней через пять затычки эти перестали работать, и для получения новых затычек мне нужно было вновь записаться на приём к той же психологине. Но просто так выдать затычки она не могла: ей надо было проболтать со мной ещё один час, задавая вопросы, сколько раз за ночь мочусь, не подумываю ли о самоубийстве или причинении телесных повреждений моим сокамерникам и прочей ерунде. Но на этот раз я был этому рад. Во время первого визита я обратил внимание, что на экране её компьютера она открывала мой файл и что-то там смотрела и записывала. Типа «истории болезни». И когда во второй раз я делился с ней подробностями моих ночных походов в туалет, я, пока она смотрела на экран, косился на него тоже. Мне удалось запомнить имя следователя, который вёл моё дело: Крис Каналес (Chris Canales), а также название организации: Сервисный центр Эль-Пасо Иммиграционной и таможенной службы США (ICE).

И в этот же день я передал эту информацию Денису. А дальше он творил чудеса. Во-первых, он нашёл телефон этого Криса. Позвонил ему. Тот снял трубку. Проверив, что Кроусы – действительно мои официальные спонсоры, нехотя стал с ним разговаривать. Сказал, что дело моё – в процессе расследования, и подробности он обсуждать не намерен. Также сказал, что не хватает каких-то документов, подтверждающих некоторые мои заявления. Просил больше не звонить, а всю дополнительную информацию посылать только по факсу. Факсов давно ни у кого нет, но Денис не зря – программист. Он сразу нашёл какую-то аппликацию типа eFax Messenger, которая позволяет отправлять факсы напрямую с твоего компьютера. А дальше он начал заваливать их многостраничными факсами с моими документами, выписками и прочей белибердой. Всё отправлялось в двух экземплярах: на русском и английском, и дублировалось шефу этого мистера Каналеса, начальнику Сервисного Центра. Факс всё распечатывает, поэтому они из-за меня, наверное, должны были менять тонны бумаги. Но добило их письмо жены Дениса, Лиды Кроус. Она профессор университета. И вот на фирменном университетском бланке и на отлично-казённом английском она послала им гневное послание.

В нём она, в частности, написала, что «Николай из Томска. Города, где отравили Навального. Он был соратником Навального. И вы его гноите в тюрьме так же, как Путин гноил, и в конце убил Навального.» Послано это было в конце февраля, через пару недель после смерти Навального. На следующий день Денису прислали имейл с предложением забрать меня из тюрьмы. Ещё через два дня я отмечал своё освобождение у них дома.

И что дальше?

А дальше – светлое будущее. Будет слушание. Думаю, получу статус. За работу я очень волнуюсь. Два больших вопроса: что делать с мамой и что делать с Паолой. Если мать осядет в Германии, то она будет приезжать в гости. А потом, когда можно будет, я к ней в Германию буду ездить. Жить хочу здесь: Америка мне нравится намного больше. А с Паолой... Знаешь, говорят: «разлука для любви – как ветер для огня; малую задувает, а большую раздувает ещё больше». Вот мы и проверим...

№4

СЕНТЯБРЬ 2024

ИТРУДА ИТРУДА

**Спасибо за интерес к нашим
произведениям!**

**Ждём вас на сайте
творческого содружества**

**Надеемся на новые встречи
и активное участие
в обсуждениях!**

